

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени А. С. ПУШКИНА

ВЕСТНИК

**Ленинградского государственного университета
имени А. С. Пушкина**

Научный журнал

№ 2

Том 4. История

Санкт-Петербург
2014

**Вестник
Ленинградского государственного университета
имени А.С. Пушкина**

Научный журнал

№ 2 (Том 4) 2014
История
Основан в 2006 году

Учредитель Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина

Редакционная коллегия:

В. Н. Скворцов, доктор экономических наук, профессор (главный редактор);
Л. М. Кобрина, доктор педагогических наук, профессор (зам. гл. редактора);
Н. В. Поздеева, кандидат географических наук, доцент (отв. секретарь);
Л. Л. Букин, кандидат экономических наук, доцент;
Т. В. Мальцева, доктор филологических наук, профессор;
Е. С. Нарышкина, кандидат психологических наук, доцент

Редакционный совет:

В. А. Верременко, доктор исторических наук, доцент (отв. ред.);
Л. Ю. Гусман, доктор исторических наук, доцент;
А. Дудек, доктор исторических наук, профессор (Польша);
К. Еконен, доктор философии, доцент (Финляндия);
Н. Д. Козлов, доктор исторических наук, профессор;
С. И. Ковальская, доктор исторических наук, профессор (Республика Казахстан);
В. О. Левашко, кандидат исторических наук, доцент;
С. В. Любичанковский, доктор исторических наук, профессор;
К. Мацузато, доктор юридических наук, профессор (Япония);
С. М. Назария, доктор политических наук, доцент (Республика Молдова);
Г. Л. Соболев, доктор исторических наук, профессор;
Н. Л. Пушкарева, доктор исторических наук, профессор;
М. И. Фролов, доктор исторических наук, профессор;
Л. Цзюань, доктор филологических наук, профессор (КНР)

**Журнал входит в Перечень российских рецензируемых научных журналов,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук,
определенный Высшей аттестационной комиссией
Министерства образования и науки Российской Федерации**

Свидетельство о регистрации: **ПИ № ФС77-39790**
Подписной индекс Роспечати: **36224**

Адрес редакции:

196605, Россия, Санкт-Петербург,
г. Пушкин, Петербургское шоссе, д.10
тел. / факс: (812) 476-90-36
[http: // www.lengu.ru](http://www.lengu.ru)

© Ленинградский государственный
университет (ЛГУ)
имени А. С. Пушкина, 2014
© Авторы, 2014

Содержание

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

С. Н. Коротков

Русские историки-эмигранты об эмиграции
в период Французской революции XVIII в. 9

В. В. Волков

Взгляды В.И. Ленина на процесс буржуазного расслоения
в русской деревне в конце XIX – начале XX в. 18

С. В. Любичанковский

Новейшая историография о феномене включения
Среднего Поволжья в состав Российской империи 22

Н. Д. Козлов

Повседневная жизнь в советском тылу
в годы Великой Отечественной войны
в отечественной историографии начала XXI в. 30

О. И. Лисицына

Сексуальность как социальная политика в постструктуралистских
и постмодернистских западных исследованиях 46

ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ

А. М. Судариков

Подготовка русской артиллерии
к войне против наполеоновской Франции 53

Р. Н. Рахимов

Ставропольские калмыки в наполеоновских войнах 1807–1814 гг. .65

Д. Н. Тихонов

Анализ боеготовности морских частей
пограничных войск НКВД СССР к лету 1941 г. 73

А. В. Гусев

Обучение населения СССР способам противовоздушной
обороны и химической защиты оборонными организациями
в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) 81

И. С. Тряхов

Бытовое обслуживание населения Владимирского края
в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) 90

ИСТОРИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ

И. А. Горелова

Деятельность Курского общества краеведов как попытка
консолидации энтузиастов-историков в 1920-е – 1930-е гг. 100

СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

Р. В. Голий

Конфессиональные конверсии греко-католиков
во второй четверти XIX в. (на примере Волынской губернии) 107

О. О. Файзуллина

Образ казахов Оренбургского края в региональной
справочной литературе XIX – первой четверти XX в. 114

О. Ю. Николаева

Деятельность благотворительных организаций по борьбе
с голодом 1891–1892 гг. на территории Оренбургской губернии ... 123

Д. А. Сафонов

Коммунисты как новация в крестьянских представлениях
о власти на региональном уровне на этапе становления
власти Советов (на материалах Южного Урала) 133

В. В. Амелин

Конфессиональные отношения в полиэтничном регионе 140

Г. В. Шешукова

Новейшая история избирательных кампаний:
гендерный анализ электоральной культуры оренбуржцев 149

ЛИЧНОСТЬ В ИСТОРИИ

Л. Е. Морозова

К вопросу об обстоятельствах женитьбы Василия III
на Соломонии Сабуровой 156

И. А. Тропов

П.И. Попов во главе ЦСУ (1918–1926) 168

ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

Д. И. Портнягин

Дебаты о «социалистической» внешней политике
в британском парламенте (1945–1947) 175

ИСТОРИЯ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Р. Р. Магомедов

Русско-японская война (1904–1905) и ее место
в концепции В.И. Ленина о мировой революции 184

Н. А. Портнягина

«Нельзя совместить конституцию с насилием...»:
взгляды октябристов на террор в период революции 1905–1907 гг. .. 191

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ РОССИИ

В. В. Карпова

«Дело А.А. Штевен» и его отражение
в столичной периодической печати 201

<i>Е. Д. Твердюкова</i>	
«Двигатель... накладных расходов»: коммерческая реклама в советских газетах периода НЭПа.....	212
<i>В. З. Акопян</i>	
Украиноязычная пресса и издательское дело на Северном Кавказе в период осуществления политики украинизации (1920–30-е гг.).....	224
ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ	
<i>А. Б. Николаев</i>	
В поисках А.Ф. Керенского	233
<i>С. М. Назария</i>	
Рецензия на книгу И.Э. Левита «Бессарабский вопрос в контексте международных отношений (1919–1920 гг.)». Тирасполь, Литера, 2012. 240 с.....	244
Сведения об авторах.....	251

Contents

HISTORIOGRAPHY AND SOURCE STUDIES

S.N. Korotkov

Russian historians-emigrants on the emigration during
the French revolution of the 18th century 9

V. V. Volkov

Lenin's Views on the process of bourgeois stratification
in the Russian village in the late XIX – early XX centuries 18

S.V. Lyubichankovskiy

The newest historiography about a phenomenon
of Central Volga Region's inclusion in the Russian Empire 22

N. D. Kozlov

Daily life in the Soviet rear during the Great Patriotic War
in the national historiography of the beginning of the XXI century 30

O. I. Lisicyna

Sexuality as a social policy in poststructuralist
and postmodernist Western studies 46

MILITARY HISTORY

A. M. Sudarikov

Preparation of Russian artillery to war against Napoleonic France 53

R. N. Rakhimov

The Stavropol kalmyks in the Napoleonic wars 1807–1814 gg. 65

D. N. Tikhonov

The problems of alertness of marine frontier-guard
of Russia in summer 1941 73

A. V. Gusev

Defence organizations and their activity of instructing
USSR citizens methods of air and chemical defence during
the Great Patriotic War (1941–1945) 81

I. S. Tryahov

Public services of Vladimir region in the years
of the Great Patriotic War of 1941–1945 90

HISTORY OF SCIENCE AND TECHNOLOGY

I. A. Gorelova

The activities of the society of the Kursk regional specialists
as an attempt to consolidate enthusiasts and historians in the
1920-1930's. of the twentieth century 100

SOCIAL HISTORY

R. V. Holiy

Confessional conversions of greek-catholics in the second quarter of the XIX century (on the example of Volyn province)..... 107

O. O. Faizullina

The image of the Kazakh of Orenburg region in regional reference literature of XIX century – the first term XX century 114

O. Nikolaeva

The charitable foundation's work during famine of 1891-1892 years in Orenburg region 123

D. A. Safonov

Communists as a new component in peasants' ideas about authorities on the regional level at the initial stage of formation of the Soviet power (on the materials of the South Ural) 133

V. V. Amelin

Confessional relations in the multiethnic region..... 140

G. V. Sheshukova

Newest history of election campaigns: gender analysis of the electoral culture of the citizens of Orenburg 149

PERSONALITY IN HISTORY

L. E. Morozova

To the question about the circumstances of the marriage of Vasily the Third to Solomonia Saburova 156

I. A. Tropov

P.I. Popov at the head of Central Statistical Administration of the USSR (1918–1926) 168

PROBLEMS OF WORLD HISTORY

D. I. Portnyagin

British parliamentary debates about «socialist» foreign policy (1945–1947)..... 175

HISTORY OF SOCIAL AND POLITICAL THOUGHT

R. R. Magomedov

Russo-Japanese war (1904–1905) and its place in the V.I. Lenin's concept of the world revolution..... 184

N. A. Portnyagina

«It's impossible to combine the constitution with violence...»: Octobrists' views on terror during the revolution of 1905–1907..... 191

RUSSIAN HISTORY PAGES

V. V. Karpova

«A.A. Shteven's case» and its reflection
in the metropolitan periodicals..... 201

E. D. Tverdyukova

«Engine... of the overhead expenses»: commercial advertisement
in the Soviet newspapers of the period of NEP..... 212

V. Z. Akopyan

The Ukrainian-language press and publishing industry
in the North Caucasus in the period of the policy
of Ukrainianization (1920-30s.) 224

SUMMARIES AND REVIEWS

A. B. Nikolaev

In Search of A.F. Kerensky..... 233

S. M. Nazaria

Review of the book written by I.E.Levit «Bessarabian question
in the context of international relations (1919–1920)».
Tiraspol, Litera, 2012..... 244

About authors 251

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

УДК 930.1(47).083/.084:94(44).04

С. Н. Коротков

Русские историки-эмигранты об эмиграции в период Французской революции XVIII в.

В статье анализируются книги русских историков-эмигрантов И.О. Левина и К.К. Миллера, посвященные истории эмиграции в период Французской революции XVIII в. Эти исследования, написанные соответственно в 1923 и 1931 гг., были определенным ответом на общественный интерес. Политический подтекст этих работ очевиден, при этом рассматриваемые книги являются вполне академичными и не потеряли своего научного значения. Сочинения И.О. Левина и К.К. Миллера вполне соответствовали уровню развития науки своего времени.

In the article, we are trying to examine books of Russian historians-emigrants I. Levin and K. Miller, which are on the history of emigration during the French revolution of the 18th century. These works written respectively in 1923 and 1931 were definitely the reply to public request. Political implication of these books is obvious, however they are quite academic ones and don't lose their scholar value. The works by I. Levin and K. Miller absolutely match to the frames of social studies of their time.

Ключевые слова: эмиграция в период Французской революции XVIII в., историография, русское зарубежье, русские историки-эмигранты.

Key words: Emigration during the French revolution of the 18th century, historiography, Russian abroad, Russian historians-emigrants.

Эмиграция началась в первые дни Французской революции и стала одним из крупнейших явлений эпохи, повлиявшим не только на ход политических событий, но и на развитие общественной мысли, социальных структур, международных отношений. Оценка истории эмиграции была дана еще современниками революции, которые, по существу, и начали исследование этого явления.

В революционном законодательстве об эмигрантах была сделана первая попытка оценить это явление [6], сами эмигранты сразу же попытались объяснить свои действия [7]. Революционное законодательство практически приравнивало эмигрантов к активным противникам революции (контрреволюционерам), эта оценка оказалась очень живучей и осталась в историографии.

Серьезное изучение темы началось в конце XIX – начале XX в., когда было опубликовано большое количество документов по исто-

рии эмиграции, вышли исследования А. Форнерона, Э. Доде, Л. Пэнго, Ш. Ларивьера. Из русских работ по истории эмиграции заслуживают внимания исследования Д.Ф. Кобеко (статьи и книга о цесаревиче Павле Петровиче [3]). В мировой историографии, прежде всего французской, не без влияния Русской революции 1917 г. также в межвоенный период серьезно освещались революционные события XVIII в. во Франции. Именно в 1920–1930-е гг. усилиями А. Матьеза и Ж. Лефевра завершилось формирование «классической» концепции Французской революции. История эмиграции во время Французской революции также привлекла внимание историков первой половины XX в. (Ф. Бальденспергер [24], П. де Вессьер, Р. Гунар, А. де Марикур и др.).

Известно, что в начале XX в. (в годы революции 1905 г., Русской революции 1917 г. и впоследствии) современники самых разных политических позиций сравнивали революционный процесс в России с Французской революцией XVIII в.: жирондистов отождествляли с меньшевиками, якобинцев – с большевиками, Ф. Дзержинского называли Фукье-Тенвилем русской революции и т. п. Особенно много проблем возникло с Термидором, «закатом революции». В советской историографии по аналогии с «белой эмиграцией» укрепилось крайне негативное отношение к эмиграции в период Французской революции как «контрреволюционной».

Эмигрантская общественная мысль¹ также сравнивала Русскую революцию с Французской [20]. Н.А. Бердяев рассматривал Русскую революцию в сопоставлении с мировым революционным процессом, с Французской революцией, размышлял о последней и М. Алданов. «В 1921 г. Кронштадтский мятеж и новая экономическая политика, – пишет Т. Кондратьева, – дают основания для новой аналогии с термидором. Она возникает за границей, в кругу русской эмиграции; эмигрантская пресса, причем всех направлений, была переполнена метафорами, сблизившими нэп с закатом Французской революции...» [4, с. 70].

Не случайно появление и научных исследований по истории эмиграции в эпоху Французской революции, написанных и опубликованных на русском языке историками-эмигрантами И.О. Левиным и К.К. Миллером [10; 11].

Исаак Осипович Левин (1876–1944), историк, публицист, был обозревателем либеральных изданий: газеты «Русские ведомости», журнала «Русская мысль». В 1917 г. И.О. Левин опубликовал работу

¹ Общественная мысль Русского зарубежья привлекает внимание современных исследователей (см. работы Н.А. Омельченко, М.И. Раева, В.М. Соловьева, В.И. Цепиловой [22], книгу финского историка Юлиотта Суомела [20], диссертацию М.С. Федоровой и др.).

по истории XVIII в. – «Присоединение Буковины к Австрии в 1775 г.». Эмигрировал в Германию в 1918 г., сотрудничал в издававшейся известным кадетом И.В. Гессеном газете «Руль». И. Левин работал в основанном в 1923 г. Русском научном институте в Берлине, являлся членом немецкого отделения Американского фонда помощи русским литераторам и Отечественного объединения русских евреев за границей. В берлинский период он опубликовал книгу «Эмиграция французской революции» (1923), в 1924 г. участвовал в издании сборника «Россия и евреи» [9]. Автор многих публицистических произведений, в 1925–1931 гг. И. Левин выступал в лекционном зале Берлинской синагоги по различным темам: говорил о личности лорда Биконсфилда (Б. Дизраэли) и о германском национал-социализме. В начале 1930-х годов, переехав в Париж, продолжил общественную деятельность. Так, он принял участие в заседаниях кружка русско-еврейской интеллигенции 13 ноября 1933 и 24 февраля 1934 г. [19. Т. 2, с. 484, 533]. И.О. Левин погиб в нацистском концлагере в 1944 г. [1, с. 133, 371].

Карл Карлович Миллер (?–1943), профессор истории, общественный деятель, родной брат генерала Е.К. Миллера, командующего белыми войсками на Севере в годы Гражданской войны, председателя Российского общевойскового союза. Миллеры были из остзейского дворянства. К.К. Миллер закончил Александровский Царскосельский лицей в Санкт-Петербурге [12, с. 101], работал в Министерстве торговли и промышленности, накануне и в первые годы Первой мировой войны опубликовал серию работ для Министерства торговли и промышленности и Министерства финансов («Реформа имперских финансов Германии» (1909), «Система ввозных свидетельств в Германии» (1912), «Условно-беспошлинный ввоз для переработки и возврат пошлин в Германии» (1913), «Условия вывоза из России отрубей и выжимок из масляничных семян» (1915)). В 1917–1922 гг. К. Миллер был торговым агентом российско-го посольства в Токио. Поскольку в эти годы его в России не было, непосредственно в Гражданской войне К.К. Миллер участия не принимал, но был близок к правым политическим течениям более, чем И.О. Левин.

К.К. Миллер, выиграв в Японии судебные процессы, привез в Европу значительные капиталы, вел финансовые дела Русского общества эмигрантов, выступал с лекциями. 4 октября 1936 г. принял участие в чествовании брата, генерала Е.К. Миллера, «по случаю 50-летия пребывания того в офицерских чинах» [19. Т. 3, с. 231]. В Париже 31 октября 1937 г. на учредительном собрании Пушкинского лицейского общества был избран вице-председателем [19. Т. 3, с. 368]. Скончался К.К. Миллер в Париже 15 октября 1943 г. [12. Т. 4, с. 543; 14]. Некролог был напечатан в

легально издававшейся в оккупированном Париже русской газете «Парижский вестник»¹.

Как видим, биографии авторов книг об эмиграции в период Французской революции различны, они принадлежали к разным общественно-политическим течениям.

И.О. Левин опубликовал работу «Эмиграция французской революции» в Берлине в 1923 г. Это относительно небольшая книга (260 стр.). Отзвуки современной политической жизни, в том числе, общественной борьбы в эмигрантской среде, находят свое место в работе И. Левина. Отметим такой пассаж: «А ведь революции всегда были периодами, в которые крупные ошибки делаются всеми участниками революционного процесса, как теми, которые становятся его жертвами, так и теми, которые как будто одерживают победу» [10, с. 17]. В эмигрантской среде, в «Русско-еврейском Берлине», велись дискуссии об ответственности еврейства за большевистскую революцию, о возможности поддержать белое движение, отметившееся еврейскими погромами на юге России [1; 9].

На страницах книги И. Левина есть прямое сравнение революций Французской XVIII и Русской XX в. «Французскую революцию, – писал Левин, – называют буржуазной. Это верно, если смотреть на конституцию, защищающую собственность. Но декларации о неприкосновенности частной собственности не имели никакого значения на практике там, где речь шла о собственности не "патриота", как тогда назывались революционеры, а "врага народа", то есть лица, принадлежащего к привилегированному сословию» [10, с. 22]. «Не будучи социалистической по своей идеологии и терминологии, – рассуждал далее И. Левин, – французская революция была, однако, как всякая другая, делавшаяся массами, свалкой [схваткой – прим. авт.] этих масс, раньше обездоленных и обойденных судьбой, с группами, выше их стоящими на социальной пирамиде. Она была, другими словами, для масс революцией, прежде всего, социальной, а не политической, причем борьба велась приемами, которые мы привыкли теперь называть большевистскими» [10, с. 22].

Подобные прямые отсылки к современной к моменту написания книги борьбе являются редкими, при том что политический интерес автора очевиден. В целом сочинение И. Левина вполне академическое. Наиболее авторитетным предшественником, судя по всему, для него является И. Тэн², на него он ссылался при рассказе о тер-

¹ О погибшем в концлагере И.О. Левине некролог не найден.

² И. Тэн единственный историк, на которого ссылался И. Левин в статье «Евреи в революции»: «В своей классической характеристике якобинца, которая так верна и для современного революционера-большевика, Тэн говорит, что несчастье, когда великие идеи попадают в маленькую и пустую голову...» [9, с. 131].

роре и давая оценки революционному движению в целом. Использовал И. Левин различные источники: мемуары эмигрантов (Л. Марсийяка, Л. Рошешуара, Ф.-Р. Шатобриана, дез Эшероль и др.), публицистику (например, работы Ж. Малле дю Пана), публикации дипломатических документов, знал современную ему научную литературу (А. Вандаля, А. Форнерона, Э. Доде и др.).

Вопросы ставил самые серьезные и вполне современные: причины эмиграции, состав, условия жизни и социальная трансформация эмиграции, ее общественно-политические идеи, причины неудач эмигрантов, специальный раздел посветил Ж. Малле дю Пану, одному из наиболее либеральных представителей эмигрантской общественной мысли. В качестве причин эмиграции он видел не только невыносимые в начавшейся революции условия существования привилегированных, но и «сознание долга перед королем и династией» [10, с. 50]. С особым пониманием И. Левин относился к наиболее либеральным представителям эмиграции, раздел о Ж. Малле дю Пана заменил в книге заключение.

Книга К.К. Миллера «Французская эмиграция и Россия в царствование Екатерины II» написана позже, издана в Париже в 1931 г., она гораздо объемнее работы И.О. Левина. В исследовании К. Миллера почти нет постраничных ссылок, но прилагается список трудов по теме, и на страницах работы множество отсылок и упоминаний различных исследований и источников. Используются крупнейшие русские публикации документов (письма и «бумаги» Екатерины II, опубликованная в Русском архиве «Записка Екатерины II о мерах к восстановлению во Франции королевского правительства», архив князя Воронцова и др.), привлечены материалы газеты «Санкт-Петербургские ведомости», русские мемуары (А. Грибовского, Е. Комаровского, Ф. Вигеля), а также опубликованные на французском языке мемуары В. Головиной, А. Чарторыйского, Ш. Массона, Л.Ф. Сегюра, Ф.Э. Сен-При. Используются мемуары и письма представителя братьев короля в Санкт-Петербурге В. Эстерхази, широкий круг французских публикаций: множество мемуаров эмигрантов, дипломатические документы. К. Миллер знал почти все крупнейшие работы по теме: А. Форнерона, Э. Доде, Л. Пэнго, Ш. Ларивьера, А. Лебона, А. Сореля, Д. Ф. Кобеко и др. В прикнижном списке есть книга И. Левина.

К. Миллер признавал, что история эмиграции французов в Россию его интересует еще и потому, что напоминает русскую эмиграцию во Францию. «В годы изгнания, в годы вынужденной оторванности от родины, мысль, обращаясь к прошлому, невольно останавливается с особым пристрастием на тех эпохах, которые представляют известное сходство с переживаемым нами историче-

ским моментом... – писал К. Миллер. – Конечно для нас, русских эмигрантов, наибольший интерес представляет судьба той части французской эмиграции, которая направилась в Россию. Однако по мере ближайшего ознакомления с этим предметом, передо мною стала выдвигаться и другая его сторона, ... – стала все яснее вырисовываться громадная, временами преобладающая роль, принадлежавшая России, русской политике в истории всей французской эмиграции...» [11, с. 5]. Таким образом, интерес вполне объясним и академическими соображениями, а прямые аналогии, писал К. Миллер, не работают: «Есть несомненные общие черты, свойственные всякой политической эмиграции, но под поверхностным сходством скрывается глубокое внутреннее различие. История не повторяется и в бесконечном разнообразии своего течения не позволяет уложить себя в твердые рамки математических формул...» [11, с. 7].

К. Миллер начинал свою работу не с исследования причин эмиграции, а с рассмотрения русско-французских отношений в канун Французской революции. Он выявил большое влияние политики России на Французскую революцию в целом и на эмиграцию, а также изучал влияние революции и революционной эмиграции на Россию. В результате он пришел к выводу, что «эмигранты, находившиеся при дворе [Екатерины II], способствовали сгущению той реакционной атмосферы, которая создалась в России в последние годы Екатерининского царствования, главным образом под влиянием событий французской революции» [11, с. 386]. Культурное влияние было серьезным и очень противоречивым. С одной стороны, эмигранты были заражены господствовавшими в их отечестве взглядами, они, как кажется К. Миллеру, были носителями материалистических, антирелигиозных, республиканских идей. С другой стороны, Французская революция содействовала появлению неокатолицизма (имеются в виду идеи Ж. де Местра, Ф.-Р. Шатобриана), и эмигранты стали носителями консервативных идей. Негативно оценивал К. Миллер распространение католицизма среди русской аристократии. Непосредственным результатом усвоения ценностей французского «старого порядка» в России К. Миллер считал укоренение дуэлей, салонных игр, французских моды и стиля жизни, распространение произведений французского искусства. Нет также однозначного ответа на вопрос, как относились эмигранты к России. «В эмигрантах столкновение с непонятной им и порой неприглядной русской действительностью должно было вызвать дремавший в них с юных лет дух критики и протеста» [11, с. 391]. Были и такие французы, – писал К. Миллер, – которые поселились в России, «у некоторых из них, как показывают примеры таких лиц, как граф Ланжерон, молодой маркиз де Ламбер, два сына графа

де Сен-При, эта привязанность к новой родине доходила до того, что впоследствии они в рядах ее войск шли сражаться против своего настоящего отечества. Ныне колесо истории повернулось и, по странной иронии судьбы, потомкам некоторых из тех, кто когда-то эмигрировал из Франции в Россию, пришлось вернуться на свою прежнюю родину в качестве русских беженцев» [11, с. 403].

В целом книга К. Миллера – это капитальный труд, не потерявший своей научной актуальности.

К.К. Миллер не цитировал и, судя по всему, не знал вышедшей в 1924 г. книги Ф. Бальденспергера¹ – первого и сохранившего свое значение большого специального труда, посвященного развитию общественного сознания эмигрантов [24]. Ф. Бальденспергер показал, что общественное сознание эмигрантов на всем протяжении революции являлось пестрым в философском и политическом отношении. Надо сказать, что русские историки-эмигранты показали это в своих работах: например, И. Левин в разделе о Малле дю Пане [10, с. 199–260].

Как представляется, прорыв в изучении истории эмиграции в середине XX в. связан с именами американского ученого Д. Грира [27], а также знаменитых французских историков Ж. Лефевра и М. Булуазо [25]. Эти работы вышли в 1950-е гг. и не могли быть учтены И.О. Левиным и К.К. Миллером. Даже самая первая книга Дональда Грига о терроре, содержащая очень важные для изучения эмиграции материалы, вышла в 1935 г. [26] после издания книги К. Миллера. Книги русских историков-эмигрантов не обеспечили прорыв в изучении эмиграции в период Французской революции, но они написаны на хорошем уровне, заданном работами А. Форнерона, Э. Доде, Л. Пэнго.

Отметим, что К.К. Миллер и И.О. Левин не использовали, не цитировали работы советских историков, а к моменту написания книги К. Миллера уже вышли заслуживавшие внимания сочинения О.Л. Вайнштейна и А.Н. Шебунина [2; 23]. Советские историки, в свою очередь, не ссылались на труды И. Левина и К. Миллера, хотя в 1920-е гг. еще сохранялись определенные контакты, в советских журналах появлялись рецензии на изданные за рубежом работы. Так, в 1921–1929 гг. в журнале «Пролетарская революция» было опубликовано 28 рецензий на книги русского зарубежья, но на работу И.О. Левина рецензии нет [17]. Уже с конца 1920-х гг. сотрудничество с эмигрантскими изданиями стало рассматриваться как

¹ Один из наиболее компетентных современных специалистов по эмиграции, французская исследовательница Карин Ранс, высоко ценит труд Ф. Бальденспергера и противопоставляет его более поздним, «поверхностным», как она считает, работам [28].

«пособничество вредительству в деле всего нашего ученого строительства» [цит. по: 8, с. 19, ср. 22].

В известном обобщающем труде под редакцией В.П. Волгина и Е.В. Тарле [21] автором разделов об эмигрантах был А.И. Молок, хороший, профессиональный историк [5]. Есть основания полагать, что А.И. Молоку были известны книги историков-эмигрантов (по крайней мере, К.К. Миллера), но эти работы не стоят в библиографии, на них нет ссылок.

Книги К.К. Миллера и И.О. Левина упомянуты в известной изданной в Нью-Йорке библиографии, составленной С.И. Постниковым [16. Т. 1, с. 244–245], но в ней нет никаких указаний на отклики на эти труды. Не удалось к настоящему моменту найти рецензии, отзывы на работы К.К. Миллера и И.О. Левина в эмигрантской периодике.

Исследования К.К. Миллера и И.О. Левина недооценены, редко используются современными историками эмиграции времен Французской революции, не рассматриваются исследователями русской эмиграции XX в., так они не упомянуты в известной работе В.Т. Пашуто [15] и в более поздних работах А.А. Коротковой [8], В.И. Цепиловой [22].

Итак, откликаясь на общественный интерес, два очень разных человека написали свои книги об эмиграции в период Французской революции. При очевидном политическом влиянии на выбор темы исследования надо отметить высокое научное качество рассматриваемых работ, соответствие сочинений К.К. Миллера и И.О. Левина уровню развития исторической науки их времени.

Работы К.К. Миллера и И.О. Левина, не потеряв своего историографического интереса, являются также источниками по истории общественной мысли русского зарубежья и заслуживают внимания. Дальнейшее изучение их творчества может позволить среди прочего уточнить оценки русской эмиграции.

Список литературы

1. Будницкий О., Полян А. Русско-еврейский Берлин 1920–1941. – М., 2013.
2. Вайнштейн О.Л. Очерки по истории французской эмиграции в эпоху Великой революции (1789–1796). – Харьков, 1924.
3. Кобеко Д.Ф. Цесаревич Павел Петрович (1754–1796). – СПб., 1882.
4. Кондратьева Т. Большевики-якобинцы и призрак термидора. – М., 1993.
5. Коротков С.Н. Один из наиболее известных советских историков французского рабочего движения (к столетию А.И. Молока (1898–1977)) // Вестн. С.-Петербург. ун-та. Сер. 2. – 1999. – Вып. 3.
6. Коротков С.Н. Французское законодательство об эмигрантах эпохи Французской революции XVIII века // Науч.-техн. вестн. Вып. 17. Проблемы гуманитарного и экономического образования в техническом вузе. – СПб., 2005.

7. Коротков С.Н. История изучения эмиграции эпохи Французской революции // Науч.-техн. вестн. Вып. 36. Экономическое и гуманитарное образование в техническом вузе. – СПб., 2007.
8. Короткова А.А. Историки русского зарубежья в 20–30-е годы // Культура и мировоззрение: методолог. и метод. вопросы. – СПб., 1994.
9. Левин И. О. Евреи в революции // Россия и евреи. – Берлин, 1924. – С. 123–138.
10. Левин И. Эмиграция французской революции. – Берлин, 1923.
11. Миллер К. Французская эмиграция и Россия в царствование Екатерины II. – Париж, 1931.
12. Незабываемые могилы. Российское зарубежье: некрологи 1917–1999: в 6 т. – М., 1999–2007.
13. Некрасов С.М. Лицей после лицея. – М., 1997.
14. Парижский вестник. – 1943. – 23 окт. – № 71.
15. Пашуто В.Т. Русские историки эмигранты в Европе. – М., 1992.
16. Политика, идеология, быт и ученые труды русской эмиграции. 1918–1945: библиогр. Из каталога б-ки Рус. ист. архива в Праге / сост. С.И. Постников; под ред. С.Г. Блинова: в 2 т. – N.Y., 1993.
17. Пролетарская революция. Систематический и алфавитный указатель. – М., 1931.
18. Русское зарубежье. Указатели литературы. Вып. 2. Ч. 1. – Якутск, 1994.
19. Русское зарубежье: Хроника научной, культурной и общественной жизни: 1920–1940: Франция: в 4 т. – Париж; М., 1994–1997.
20. Суомелла Ю. Зарубежная Россия. Идеино-политические взгляды русской эмиграции на страницах русской европейской прессы 1918–1940 гг. / авториз. пер. с финн. Л.В.Суни. – СПб., 2004.
21. Французская буржуазная революция 1789–1794 / под ред. В.П. Волгина и Е.В. Тарле. – М.; Л., 1941.
22. Цепилова В.И. Некоторые проблемы изучения исторической мысли русского зарубежья 1920–1930-х годов // Вопр. истории. – 2007. – № 1.
23. Шебунин А.Н. Европейская контрреволюция в первую половину XIX в. – Л., 1925.
24. Baldensperger F. Le mouvement des idées dans l'émigration française. – Paris, 1924.
25. Bouloiseau M. et Lefebvre G. L'émigration et les milieux populaires. Emigration, paniques, embauchage // AHRF. – 1959. – № 156.
26. Greer D. The incidence of the Terror during the french revolution. – Cambridge, 1935.
27. Greer D. The incidence of the emigration during the french revolution. – Cambridge, 1951.
28. Rance K. Les mémoires de nobles émigrés en Allemagne: Coblenze, ou prédire un echec advenu // Révolutionnaires et Emigrés: Transfer und Migration zwischen Frankreich und Deutschland 1789–1806 / Hrsg. von Daniel Schönplflug und Jürgen Voss. – Stuttgart, 2002.

**Взгляды В.И. Ленина на процесс буржуазного расслоения
в русской деревне в конце XIX – начале XX в.**

В статье представлен новый взгляд на позицию В.И. Ленина по проблеме становления буржуазных классов в русской деревне в конце XIX – начале XX в. Автор критикует ленинское понимание темпов и характера развития сельской буржуазии и сельского пролетариата, показывает значение ленинской парадигмы в исторических исследованиях.

The article presents a new approach toward Vladimir Lenin's position on the problem of bourgeois class formation in the Russian village in the late XIX – early XX centuries. The Author critically assesses Lenin's conception of the rate and nature of the growth of both rural bourgeoisie and proletariat, shows the significance of Lenin's paradigm in historical studies.

Ключевые слова: В.И. Ленин, буржуазия, пролетариат, батрак, капиталист, наемный рабочий.

Key words: V.I. Lenin, bourgeoisie, proletariat, farmhand, capitalist, wage laborer.

В отечественных исследованиях конца XIX – начала XX в. по вопросу буржуазного классовобразования в русской деревне прослеживаются две точки зрения. Радикальную позицию занимал В.И. Ленин, который заявлял об образовании в аграрном секторе группы сельских пролетариев, неверно отождествляя работы по найму с капиталистическим наймом [2, с. 194–206]. Противоположных взглядов придерживался А.В. Пешехонов [5]. Он писал о том, что промысловый рабочий, во-первых, оставался в большинстве случаев крестьянином, а во-вторых, являлся членом крестьянского хозяйства, которое и следует ставить в центр экономического исследования, а не отдельного рабочего самого по себе.

Рассмотрим подробнее позицию В.И. Ленина в силу ее особой значимости для судеб страны. Она состояла в том, что «старое крестьянство» разлагается на два новых типа – сельскую буржуазию и сельский пролетариат. К первому типу он относил зажиточных крестьян, имевших не более 1/5 дворов, ведущих торговое земледелие, владевших торгово-промышленными заведениями и использующих труд наемных рабочих, хотя при этом оговаривался, что употребление наемного труда не есть обязательный признак понятия «мелкая

буржуазия». Под него подходит «всякое самостоятельное производство на рынок... при превращении массы производителей в наемных рабочих» [2, с. 140]. Отсюда следует закономерный вывод: всякий капиталист – буржуа, но не всякий буржуа – капиталист. Но тогда надо более четко употреблять термин «буржуа». Если крестьяне занимались торговлей (зажиточные и бедные – в большей мере, средние – в меньшей), то, следовательно, они, по логике самого В.И. Ленина, в массе своей относились к мелким буржуа. Торговая деятельность различалась лишь своей мотивацией: одни продавали хлеб, чтобы выжить и заплатить подати, другие – чтобы нажиться. Поэтому употребление термина «мелкая буржуазия» только по отношению к зажиточным крестьянам нелогично. Если мы говорим о крестьянах, ведущих торговлю на рынке, то рассматриваем их только как мелких буржуа. Но при систематическом и масштабном использовании ими наемной рабочей силы эти мелкие буржуа становились уже капиталистами. Поэтому понятие «мелкие буржуа» не равно понятию «мелкие капиталисты», как и не совпадает оно с понятием «кулаки».

Настоящий кулак в конце XIX – начале XX в. уже почти не вел земледельческого хозяйства, лично не участвовал в сельскохозяйственных работах, занимался ростовщичеством, спекуляциями или становился кабальным подрядчиком [1, с. 51–54]. То есть кулаки были, безусловно, мелкими буржуа, но они могли и не являться капиталистами.

Несмотря на очевидность данных логико-лингвистических противоречий, отечественные историки до сих пор представляют мелкого буржуа как зажиточного крестьянина.

Такая же запутанная ситуация обнаруживается и с другим социальным типом разлагающейся деревни, выделяемым В.И. Лениным – сельским пролетариатом. К нему В.И. Ленин относил наемных рабочих с наделом (приблизительно «не менее половины всего числа крестьянских дворов») – все безлошадны и большая часть однолошадных крестьян. При этом «типичнейшими» представителями русского сельского пролетариата автором названы «батрак, поденщик, чернорабочий, строительный или иной рабочий с наделом» [2, с. 141]. Тем самым В.И. Ленин, конструируя понятие «сельский пролетариат», обращался к одному признаку (имущественное положение и лошадность), а когда производит деление этого понятия – к другому (способ найма). Аргументация В.И. Ленина при этом сводилась к незатейливому приему – так поступают все авторы, а мы чем хуже? [2, с. 142–144]. Но ведь В.И. Ленин был марксистом – приверженцем того учения, которое определяло пролетария как производительного рабочего, т. е. такого наемного работника, который создавал капиталисту прибавочную

стоимость [3, с. 517–519]. И как одно из условий этого «капитализм требует свободного безземельного рабочего» [2, с. 142]. После констатации данного постулата В.И. Ленин уходит от темы, не доводит ее до конца, не ставит ключевой вопрос: «А зачем капитализму все это нужно?» В марксизме ответ очевиден: без свободного перелива рабочей силы не может сформироваться цена производства, через которую при капитализме проявляется рыночная стоимость и реализуется закон стоимости [4, с. 189–218]. В.И. Ленин как образованный марксист, безусловно, знал данное положение, но вместо того, чтобы отталкиваться от него, сослался на длительную тенденцию капиталистического классовообразования через ряд переходных полупролетарских форм. Но если переход еще далек до завершения, то, следовательно, состояние ставшего не может отождествляться с состоянием становящегося. До завершения родов плод не может называться ребенком.

Для доказательства пролетаризации российского крестьянства В.И. Ленин произвел еще один логический кульбит – тенденции в развитии найма батраков в одной Воронежской губернии он распространил на всех сельских рабочих (именно сельских, а не сельскохозяйственных) всей России [2, с. 198].

Когда В.И. Ленин оперировал термином «батрак», он в него вкладывал не расширительное толкование (человек преимущественно крестьянского сословия, работающий на других [7, с. 182]), а более узкое – такое, которое предполагает наем на срок от полугода до года с инвентарем нанимателя [2, с. 126, 144].

Таким образом, привязывание В.И. Лениным содержания видового понятия к содержанию родового понятия дало возможность поздним интерпретаторам В.И. Ленина отождествить термин «батрак» со всеми сельскими рабочими, т. е. вернуться к его расширенному толкованию, которое не способствует детальному изучению вопроса [6, с. 395–439].

В целом позиция В.И. Ленина по вопросу буржуазного классовообразования в русской деревне характеризуется стремлением выдать желаемое за действительное, должное – за сущее. Переход к капитализму ему виделся уже в завершающей стадии. Отсюда – забегание вперед, логические нестыковки, мягкая ревизия марксизма. В результате советская историческая наука получила узкий и в определенной мере искаженный исследовательский коридор.

Этот вывод относится не только к раннему периоду научной и политической деятельности В.И. Ленина, но и к более поздним этапам. Как известно, книга «Развитие капитализма в России. Процесс образования внутреннего рынка для крупной промышленности» вышла в 1899 г. Однако, работая над ее текстом, уже в 1907–1908 и в 1910–1911 гг. В.И. Ленин никаких существенных корректив в ана-

лиз процесса разложения русской деревни не внес. Этого не случилось и позже. Но это не помешало ему при неизменной научной позиции по-разному ее интерпретировать, о чем свидетельствует использование в политической борьбе различных тактических линий по отношению к крестьянству: от лозунга диктатуры пролетариата он перешел к тезису о «демократической диктатуре рабочих и крестьян», затем опять вернулся к мысли о диктатуре пролетариата, но уже в союзе с беднейшим крестьянством; чуть позже стал призывать повернуться лицом к середняку, ну и в завершение вообще провозгласил «всерьез и надолго» сильно отдающий столыпинщиной НЭП, правда, «отнюдь не навсегда».

Список литературы

1. Корнеев В.В. Феномен кулачества в дореволюционной России: Опыт историко-художественной реконструкции понятия. – М., 2013.
2. Ленин В.И. Развитие капитализма в России. Процесс образования внутреннего рынка для крупной промышленности. – М., 1952.
3. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. – М., 1988. – Т. 1. – Кн. 1. Процесс производства капитала.
4. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. – М., 1988. – Т. 3. – Кн. 3. Процесс капиталистического производства, взятый в целом. Ч. 1.
5. Пешехонов А.В. Крестьяне и рабочие в их взаимных отношениях. – СПб., 1906.
6. Струмилин С.Г. Проблемы экономики труда. – М., 1957.
7. Энциклопедический словарь / под ред. проф. И.Е. Андриевского. – СПб.: Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон, 1891. – Т. 3.

Новейшая историография о феномене включения Среднего Поволжья в состав Российской империи*

В статье дан анализ двух научных трудов, изданных в Самаре в 2012–2013 гг. и посвященных феномену включения Среднего Поволжья в состав Российской империи. Показано, что их ценность состоит в выяснении механизмов, с помощью которых Российское государство превращало свою фронтирную зону в полноценную составную часть «ядра» империи. Указано на дискуссионные моменты авторских выводов.

In the article the analysis of two scientific works published in Samara in 2012-2013 and devoted to a phenomenon of inclusion of Central Volga Region in the Russian Empire is given. It is shown that their value consists in clarification of mechanisms by means of which the Russian state turned its "frontier" into a full-fledged component of "kernel" of the Empire. Debatable moments of authors' conclusions are also shown.

Ключевые слова: историография, Российская империя, Среднее Поволжье, фронтир, внутренняя периферия.

Key words: historiography, Russian Empire, Central Volga Region, frontier, internal periphery.

За последний год в России вышли две фундаментальные работы, анализирующие на примере Среднего Поволжья процесс «переваривания» государством своего фронта, превращения региона из периферии в полноценную составную часть «ядра» империи [1; 9]. Обзору этих трудов и посвящена данная статья.

Проблемы устройства империй оказались в центре внимания исторической науки всего мира в последние несколько десятилетий. С особым любопытством ученые-историки стали рассматривать континентальные империи, жизнь в них [2; 4; 5–7; 12].

И если даже не в столь давние времена само понятие «империя» «подавалось» исключительно негативно («тюрьма народов»), то сегодня под империей понимается система управления сложным гетерогенным в культурном плане обществом, главным принципом которого является опора Центра на местные элиты. В рамках про-

© Любичанковский С. В., 2014

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «"Оренбургский край – трансграничный и поликультурный регион Российской империи": науч. (академический) сб. док. по истории Оренбургского края в дореволюционный период», проект № 12-31-01281.

цесса глобализации и планетарных цивилизационных подвижек наблюдается отчетливая тенденция к созданию новых и воссозданию уже забытых «старых» надэтнических государственных образований. При этом современная действительность, характеризующаяся кризисом концепта национального государства, делает вышеоцененный подход к пониманию империй все более востребованным. Особенно важным представляется понять суть механизмов, позволивших столь сложным системам, каковой была, например, чрезвычайно многообразная в культурном, национальном, конфессиональном планах Российская империя, не просто десятилетиями, а веками сохранять стабильность.

Вышесказанное делает еще более значимым проект «"Обретение Родины": Средняя Волга и Заволжье в процессе развития российской цивилизации и государственности (вторая половина XVI – начало XX в.)», в рамках которого в 2012 г. Самарский научно-образовательный центр подготовки специалистов по отечественной истории, историографии, источниковедению, археологии и этнологии при поддержке Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009–2013 годы» провел комплексное историческое исследование, напрямую касающееся данной проблематики. В качестве апробации результатов исследования в 2012 г. в журнале «Вестник Самарского государственного университета», входящем в реестр ВАК [1], было опубликовано 17 научных статей, а в 2013 г. издана коллективная монография, посвященная такому аспекту изучаемого феномена, как государственное строительство в регионе. Нам уже приходилось писать о значении спецвыпуска упомянутого выше научного журнала для развития российской империологии [3]. Однако сегодня, когда проект самарских коллег вышел на уровень создания коллективных монографий, есть все основания проанализировать вышедшие работы в комплексе, с учетом тех новых результатов, которые были получены авторами.

«Костяк» авторского коллектива обоих изданий составили признанные и уважаемые в научном мире специалисты, доктора и кандидаты исторических наук: П.С. Кабытов (руководитель проекта), Л.М. Артамонова, Э.Л. Дубман, Н.Н. Кабытова, З.М. Кобозева, М.И. Леонов, О.Б. Леонтьева, Ю.Н. Смирнов, В.А. Тюрин; кроме них, в создании или одного, или другого из названных трудов участвовали такие известные высококвалифицированные специалисты, как Н.Ф. Тагирова, Е.П. Барина, Е.В. Годовова, В.Н. Зудина, Е.М. Малинкин, Н.Ю. Перла, С.В. Польской, О.Д. Столяров, А.В. Сюков. Нельзя также не отметить, что все названные ученые являются представителями научной школы профессора

П.С. Кабытова, что во многом определило и близость методологических установок авторов.

Характеризуя содержание специального выпуска названного выше научного журнала, прежде всего отметим, что составляющие его статьи четко делятся на несколько основных групп:

- работы, содержащие теоретико-методологический анализ проблематики, к которым следует отнести не только совместную статью П.С. Кабытова, Э.Л. Дубмана и О.Б. Леонтьевой, о которой подробнее будет сказано ниже, но и прекрасную аналитическую статью О.Б. Леонтьевой о национальной и конфессиональной политике Российской империи как проблеме современной историографии;

- группа работ, посвященная проблеме влияния природно-географических условий на историческое развитие региона: в ней можно выделить чрезвычайно интересную компактную, но очень глубокую статью П.С. Кабытова;

- статьи о специфике складывания полиэтничного и поликонфессионального населения региона: о ставропольских калмыках и буддизме в пространстве юго-восточного фронта России (авторы В.Н. Зудина и Н.Ю. Пела), о повседневной жизни женской части оренбургского казачества (автор Е.В. Годовова), об участии духовенства в работе школ Казанского учебного округа (автор Л.М. Артамонова);

- статьи, в которых анализируется формирование социальных практик, хозяйственного поведения местного социума: статья Е.П. Бариновой и П.С. Кабытова о поволжском дворянстве, статья З.М. Кобозевой о поволжском мещанстве, статья Э.Л. Дубмана о рыболовном промысле в регионе, статья Ю.Н. Смирнова о помещичьем освоении края, статья А.В. Сюкова о модернизации сельского хозяйства региона в начале XX в.;

- работы, посвященные формированию региональной системы управления и самоуправления. К ним относятся статьи Е.М. Малинкина о реализации разрядной реформы в так называемых «понизовых городах» и В.А. Тюрина об административном устройстве созданной в середине XIX в. Самарской губернии;

- работы, анализирующие политико-идеологическую и культурно-просветительскую жизнь жителей региона: эта тема раскрыта в статьях Н.Н. Кабытовой о социально-политической дифференциации населения Поволжья в 1917 г. и в статье М.И. Леонова об эсерах региона.

Подчеркнем, что через исследования «красной нитью» проходит проблема формирования региональной идентичности, характеристика процесса осознания социально-психологической и исторической общности на внутрорегиональном и общероссийском

уровне. Такое единство обусловлено тем, что авторы всех статей исходили из общей гипотезы: изучаемый регион представляет собой пространство особого типа – «внутреннюю окраину» России, которая стала общей Родиной для различных социальных и этнических групп населения, мигрировавших и расселявшихся в регионе на разных исторических этапах.

Вышеприведенная гипотеза обоснована в открывающей номер статье журнала. Теоретико-методологическая статья П.С. Кабытова, Э.Л. Дубмана и О.Б. Леонтьевой содержит концепт «внутренней окраины», который ныне очень широко распространен в рамках научного направления «имперской истории» в варианте «внутренняя периферия». Авторство названного концепта принадлежит самому П.С. Кабытову и применяется к колонизируемому в течение нескольких веков Средне-Волжскому краю. Идея авторов заключается в том, что именно состояние «внутренней периферии» являлось тем спусковым крючком, который запускал для огромных масс перемещаемых в регион людей процесс «обретения Родины», приобретения особой идентичности, укореняющих людей в регионе и новыми крепкими узами скрепляющих их с Россией как своей Родиной. Иными словами, обретение Родины заключалось в том, что на территории региона из мозаики и хаоса в разное время и по разным причинам прибывших сюда групп складывалась некая новая социокультурная целостность.

В других статьях журнала на уникальном историческом материале «Средне-Волжской «внутренней периферии» в хронологических рамках, охватывающих несколько столетий, проверена и уточнена концепция фронта как зоны пограничного взаимодействия различных сообществ, в процессе которого изменяются сами участники взаимодействия. Прослежена историческая судьба данного фронта, причины, ход и последствия его встраивания в систему цивилизационных взаимосвязей. Иными словами, концепция «обретения Родины» как особого процесса, обладающего региональной и исторической спецификой, верифицирована на методологическом уровне и наполнена конкретно-историческим содержанием.

Однако следует отметить, что, как и всякое коллективное исследование, данный проект оказался не свободен от некоторых недостатков, обусловленных зачастую именно тем, что это коллективный проект, а значит, каждый автор реализует исходные методологические установки по-разному, в меру своего понимания и исходя из того исторического материала, которым он оперирует. Вполне естественно, что в статьях по историографии того или иного аспекта проблематики (С.В. Польской, З.М. Кобозева и др.), по общероссийским сюжетам (О.Д. Столяров) или по истории региона на-

чала XX в., когда он почти утратил характеристики «внутренней окраины» (М.И. Леонов, А.В. Сюков и др.), анализ процесса «обретения Родины» не мог не встретить особые трудности. Кроме того, избранный формат представления результатов проекта в виде журнальных статей не дал возможности подвести под опубликованными статьями какую-то финальную черту в виде обобщающего заключения. Кстати, последнее и продиктовало необходимость дальнейшей работы над созданием коллективной монографии, о которой будет сказано далее.

Важно отметить и такую составляющую проекта, как, на наш взгляд, нарочитая нечеткость в определении территориальных рамок. Авторы говорят о пространствах Средней Волги и Заволжья как особом регионе европейской России, в который (в границах современного административно-территориального деления) входят Самарская, Ульяновская, Саратовская области; восточная часть Пензенской, западная – Оренбургской области; юго-восточная (закамская) – Татарстана, юго-западная – Башкортостана; западные (прилегающие к р. Урал) – территории Казахстана. У меня сложилось впечатление, что это достаточно искусственные рамки, призванные как бы «удержать» конструируемый регион в рамках европейской части страны. Но так ли резко отличался друг от друга по признаку региональной «идентичности» уральский казак, живший на западном берегу р. Урал, от своего собрата, жившего на другом берегу? Житель Оренбурга от жителя Челябинска и Уфы? Житель Астрахани от жителя Саратова? Думается, что граница достаточно прозрачна. В этом специфика континентальных империй – сложно даже отграничить окраины, не говоря о таком умозрачительном конструкте, как «внутренняя периферия». Возможно, для большей четкости здесь стоило бы ориентироваться на какие-то административные границы, наличие которых не могло не влиять на формирование региональной идентичности. Но, возможно, с точки зрения рассмотрения расплывчатых «внутренних периферий» империи с их постоянно смещающимися границами известная нечеткость в этом вопросе как раз уместна? Для нас этот вопрос остался открытым.

И последнее. Не могу не заметить, что отсылки авторов проекта на труд Б.Н. Миронова «Социальная история России периода империи...» как на концептуальную основу рассмотрения проблем развития российского общества в условиях процесса модернизации представляются достаточно искусственными, так как данной проблематике посвящена целая серия фундаментальных теоретико-методологических и конкретно-исторических работ, выполненных на протяжении последних пятнадцати лет научной школой академика В.В. Алексеева [8; 10; 11; 13]. На наш взгляд, у этой школы есть без-

условный приоритет в разработке проблем модернизационного перехода на периферии империи.

Переходя к анализу коллективной монографии, должен сказать, что она заявлена как «часть первая», что позволило авторскому коллективу корректно сосредоточиться на одном из важнейших аспектов изучаемой проблематики – государственном строительстве в регионе. Если говорить более конкретно, то для изучения были выбраны два взаимосвязанных параметра исторического развития Среднего Поволжья как «общей родины» его населения. С одной стороны, это государственная политика по включению территории Средней Волги и Заволжья в политическую, экономическую и социокультурную систему российской жизни. С другой – это формирование системы местного управления регионом и его административно-территориального деления с учетом их исторической эволюции и меняющегося геополитического контекста.

Авторскому коллективу удалось в этом своем труде снять проблему нечеткости территориальных рамок – убедительно показано, что при всей многоликости природно-климатических условий р. Волга с ее притоками действительно выступала в качестве интегратора громадного региона.

Доказано, что государственная политика в регионе в течение XVI–XVII вв. определялась его пограничным геополитическим статусом, в контексте которого выстраивание военно-административной модели управления было неизбежным. Ярко показано, что данная модель обеспечила эффективное заселение края, его земледельческое освоение выходцами из центральной России. Этот феномен, ставший фактом во второй половине XVIII в., имел своим следствием трансляцию на данную имперскую окраину социальных отношений, типичных для центра страны. Соответственно, более приближенной к ситуации в «коренной России» стала и система местного управления. Это хорошо показала губернская реформа 1775 г., которая была реализована на территории региона в полном объеме.

В исследовании раскрыто, как постепенно фронт империи смещался на юго-восток, что предопределило изменение конструкции самого региона. Средневолжский край из фронта вдоль юго-восточной границы превращался в своеобразную «внутреннюю периферию». Сначала из-под военного управления была выведена западная, собственно средневолжская часть региона, а затем и Заволжье, Волго-Уральское междуречье – точку в этом процессе поставила ликвидация в 1881 г. Оренбургского генерал-губернаторства.

Можно полностью согласиться с мнением авторов о том, что проведение в регионе реформ Александра II по общероссийскому

сценарию явно показывает, что правительственные структуры к тому времени рассматривали Среднее Поволжье и Заволжье как внутренние территории империи, где власть могла рассчитывать найти надежную социальную опору. Правда, здесь стоит отметить, что как раз Оренбургской губернии, которая в данном исследовании позиционируется частью региона, многие ключевые «Великие реформы» (судебная и земская) коснулись весьма избирательно и уж точно значительно позднее, чем Самарской, Симбирской и Уфимской губерний. Думается, выводы авторов в этом случае можно дополнить еще одним, прямо следующим из проанализированной ими исторической ситуации – изменение сущностного статуса региона (от окраины к внутренней периферии и далее – к статусу «ядра» империи) – сопровождалось серьезным изменением его территориальных рамок, своеобразным «отсечением» и «переформатированием» тех частей края, которые по своей социокультурной специфике не могли претендовать на соответствие самым высоким имперским стандартам в области местного управления и организации государственной жизни.

Последняя часть монографии (глава 4) посвящена рассмотрению вопроса о деятельности губернской администрации и местного самоуправления региона в период революционной волны 1905–1907 гг. Следует отметить, что данная часть исследования менее всего освещает процесс «обретения Родины», анализу которого посвящен проект. Произошло это, как нам показалось, по объективной причине – дело в том, что исторический процесс, который авторы назвали «обретением Родины», процесс формирования региона как части центральной России, видимо, подошел к своему логическому концу во времена «Великих реформ». И с этой точки зрения монографию можно было закончить именно данным периодом, серединой – третьей четвертью XIX в. Однако также очевидно, что дополнительной задачей данной работы явилось создание системного очерка о развитии системы управления регионом в дореволюционный период. Решая эту задачу, авторский коллектив не мог обойти рассмотрение вопросов функционирования государства на данной территории в начале XX в., и это совершенно понятно.

В заключение хотелось бы отметить, что рецензируемые работы, в которых представлены результаты поддержанного Министерством образования и науки проекта «Обретение Родины...», представляют собой важный вклад в развитие современной исторической науки. Реализованный в Самаре проект позволяет не только решить отвлеченные от современной жизни задачи постижения далекого прошлого, но и указывает на имеющиеся в нашем обществе ресурсы стабильности, а также и «точки хрупкости» социума, не учитывать которые при принятии государственных решений было

бы по меньшей мере неразумно. Признавая самостоятельную научную ценность и законченность первой части вышедшего коллективного труда, научное сообщество историков с нетерпением ждет последующих частей данной работы, которые в своей совокупности позволят комплексно охватить все основные аспекты такой сложной и дискуссионной научной проблемы, как «обретение Родины».

Список литературы

1. Вестник Самарского государственного университета. – 2012. – № 8/2(99). Гуманит. сер. История.
2. Годовова Е.В., Любичанковский С.В. Всероссийская научная конференция с междунар. участием «Региональное управление и проблема эффективности власти в России (XVIII – начало XXI в.)» (Оренбург, 30 окт. – 2 нояб. 2012 г.) // Вестн. Рос. гуманитарного науч. фонда. – 2013. – № 3. – С. 201–207.
3. Любичанковский С.В. «Внутренняя периферия» Российской империи: Средне-Волжский вариант // Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А.С. Пушкина. – 2013. Т. 4. История. – № 2. – С. 165–169.
4. Любичанковский С.В. Губернские администрации Российской империи в оценке сенаторских ревизий начала XX в. // Клио. – 2005. – № 3. – С. 125–131.
5. Любичанковский С.В. Империя Романовых и проблема управления культурно-гетерогенным пространством // Уральский ист. вестн. – 2013. – № 3(40). – С. 59–68.
6. Любичанковский С.В. Принципы подбора чиновников на должность руководителя Оренбургского края (1781–1881) // Проблемы истории Оренбургского края XVIII–XX вв. – Оренбург, 2004. – С. 33–45.
7. Местное управление в пореформенной России: механизмы власти и их эффективность. Сводные материалы заочной дискуссии / под ред. А.Е. Загребина, С.В. Любичанковского. – Екатеринбург; Ижевск, 2010.
8. Модернизация в социокультурном контексте: традиции и трансформации. – Екатеринбург, 1998.
9. "Обретение Родины": общество и власть в Среднем Поволжье (вторая половина XVI – начало XX в.). Ч. 1. Очерки истории / под ред. П.С. Кабытова, Э.Л. Дубмана, О.Б. Леонтьевой. – Самара, 2013.
10. Опыт российских модернизаций XVIII–XX века / под ред. В.В. Алексеева. – М., 2000.
11. Региональное развитие в контексте модернизации / В.В. Алексеев, Е.В. Алексеева, М.Н. Денисевич и др. – Екатеринбург, 1997.
12. Региональное управление и проблема эффективности власти в России (XVIII – начало XXI в.): сб. ст. Всерос. науч. конф. (г. Оренбург, 30 окт. – 2 нояб. 2012 г.) / под ред. Е.В. Годовой, С.В. Любичанковского. – Оренбург, 2012.
13. Цивилизационное своеобразие российских модернизаций: региональное измерение: материалы всерос. науч. конф. – Екатеринбург, 2009.

**Повседневная жизнь в советском тылу
в годы Великой Отечественной войны
в отечественной историографии начала XXI в.**

В статье анализируются основные направления и тенденции в развитии новейшей отечественной историографии повседневной жизни народа в советском тылу в годы Великой Отечественной войны. Раскрываются проблематика, особенности подходов историков к проблеме, их вклад в ее разработку, анализируются оценки и выводы историков, определяются перспективы исследования проблемы.

The article analyzes the main directions and the latest trends in the national historiography of everyday life of the people in the Soviet rear during the Great Patriotic War. The author reveals the problematics, peculiarities of approaches of historians to the problem, their contribution to its development, analyzes the evaluations and conclusions of historians, and determines the prospects of research of the problems.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, историография, советский тыл, повседневность, повседневная жизнь, народ, население, молодежь, депортированные, трудмобилизованные.

Key words: the Great Patriotic War, historiography, the Soviet rear, everyday life, people, population, young people, deported, labourmobilized.

На протяжении десятилетий в изучении роли советского тыла в годы войны первоочередное внимание уделялось исследованию роли военно-промышленного и аграрного потенциала, изменениям в социально-демографической сфере.

В то же время нельзя сказать, что жизнь народа в годы войны была вне поля зрения советской историографии. Однако большинство работ имело отношение к политической истории Великой Отечественной, а сами труды носили историко-партийный характер, были выдержаны в рамках официальной концепции войны.

В наибольшей степени отдельные аспекты повседневной жизни населения нашли отражение в работах, посвященных социальной политике советского государства в этот период. В них рассматривались материально-бытовые проблемы населения, вопросы питания, обеспечения одеждой и предметами быта, трудности с топливом, медико-санитарное обслуживание населения и помощь семьям военнослужащих, другие стороны жизни людей. В

то же время комплексно повседневная жизнь народа специально не изучалась. Отношение к ней, к бытовым трудностям в этот период было как бы второстепенным.

В современной историографии изучения роли тыла предпринимаются попытки вскрыть новые аспекты проблемы, охарактеризовать стратегии выживания и формы поведения населения, характерные черты будничной жизни советского общества в экстремальной ситуации, осветить особенности повседневной жизни, показать многообразие и сложность военного времени.

Для новейшей российской историографии повседневности характерно наличие различных концептуальных подходов, суждений и оценок. Повышенный интерес к человеку, использование историко-антропологического подхода, обращение к повседневной жизни рабочих и крестьян, женщин и детей, других групп населения прослеживаются в работах В.Т. Анискова, Е.Ю. Волковой, М.В. Гонцовой, В.А. Исупова, В.А. Сомова и других исследователей. Эти труды уже стали предметом историографического анализа [62].

Повседневная жизнь населения советского тыла нашла также отражение в других монографиях, диссертациях и статьях, посвященных отдельным аспектам истории тыловых регионов в военное время [15; 22; 45; 46; 69; 91]. Несмотря на то, что они на первый взгляд тематически носят традиционный характер и затрагивают вопросы, которые ставились в историографии в предшествующий период, в большинстве из них на основе новых концептуально-методологических подходов и репрезентативной источниковой базы рассматриваются также различные стороны повседневной жизни населения.

Заметное место в раскрытии различных аспектов повседневной жизни сельского населения Сибири занимает диссертация А.Ю. Викторова, посвященная колхозному крестьянству Кузбасса [16]. Исследование выполнено как на основе анализа опубликованных материалов, так и документов, выявленных в фондах пяти местных и центральных архивов. Автор широко включил в проблемное поле диссертации вопросы, которые раскрывают различные составляющие повседневной жизни жителей сельской местности.

Проанализированы демографические изменения в деревне и особенности труда в колхозах в военное время, уровень доходов колхозников от общественных хозяйств, состояние и роль подсобных хозяйств как основы жизнеобеспечения крестьян. Вместе с анализом состояния и роли колхозной торговли и налогообложения дана развернутая характеристика социальной сферы – общественно-политических организаций села, здравоохранения и образования, сельских культурно-просветительных учреждений, их места и

роли в повседневной жизни селян. «Несмотря на объективные трудности военного времени в сельских районах Кузбасса сохранились и поддерживались системы здравоохранения, образования и культуры, – пришел к выводу автор. – В годы войны дети продолжали ходить в школу и получать образование, удалось сдержать распространение массовых эпидемических заболеваний, обеспечить минимальный культурный досуг крестьян» [16].

Нельзя не согласиться и с мнением А.Ю. Викторова о том, что «тон в общественно-политической жизни деревни задавали партийные и комсомольские организации. Степень партийного руководства не стоит преувеличивать, но и замалчивать многогранную деятельность политических организаций представляется ненаучным» [16, с. 24].

Среди других работ этого направления по характеру и степени освещения следует отметить исследования Р.М. Насибулиной [73], М.Л. Нанаевой [74], труды, посвященные оборонной промышленности в годы войны. Авторы этих работ попутно с решением основных исследовательских задач всесторонне раскрывают трудовые аспекты повседневной жизни, рассматривают вопросы жилищного и материально-бытового положения, состояние снабжения и потребления, досуга и духовной жизни, другие проблемы повседневности.

Особое место в ряду работ о подвиге народа в годы войны, занимают публикации краеведческого характера, раскрывающие историю населенных пунктов, предприятий и учреждений, повседневную жизнь их обитателей и сотрудников в период суровых испытаний [2; 6; 17; 47; 82–84; 92; 93; 102; 103].

Большинство этих сочинений являются результатом кропотливого труда местных музейных и архивных работников, учителей и врачей, представителей других профессий провинциальной интеллигенции. В основу их работ положены документы и материалы, хранящиеся в местных архивах и музеях, в семьях, организациях и учреждениях. Информация также почерпнута из местной печати военного времени, опубликованных писем и дневников, семейных архивов и устных воспоминаний земляков. Воспоминания ветеранов тыла, непосредственных участников событий, представляют собой разрозненный и крайне фрагментарный материал. Они отражают ценные свидетельские оценки и наблюдения, сведения, которые не подвергались цензуре и редакторским правкам, не отложились в сухих официальных отчетах, справках и донесениях, других опубликованных или хранящихся в архивохранилищах документах. К тому же в силу разных причин во многих случаях эти источники остаются вне поля зрения профессиональных историков.

Особенности источников, увлеченность и гражданская позиция авторов краеведческих сочинений способствуют воссозданию неповторимой и достоверной детальной картины повседневной жизни народа, отражению общего и особенного в жизни предприятий и учреждений, городов и поселков, сел и деревень в годы военного лихолетья. Краеведы подробно, в деталях воспроизводят процесс напряженной, нередко на пределе возможностей выживания повседневной трудовой деятельности, особенности социокультурной жизни. Значительное внимание они уделяют характеристике и мерам преодоления материально-бытовых и иных повседневных тягот, раскрывают их в тесной связи с духовной жизнью конкретных людей, передают направленность настроений и ожиданий, многомерность дум и мечтаний, неповторимую атмосферу индивидуального и коллективного мировосприятия, взаимовыручки, поддержки и единения.

Для повышения научного уровня такого рода исследований большое значение имеет расширение их историографической и источниковой базы. В последние годы во многих регионах изданы сборники рассекреченных документов, значительная часть которых характеризует повседневную жизнь и массовое сознание их населения в годы войны [18; 19; 81; 85; 94; 95].

Новейшая российская историография пополнилась рядом специальных исследований повседневной жизни народа, рассматривающих различные аспекты проблемы: территориальные, производственно-профессиональные, административно-правовые, половозрастные и др. [7; 8; 48–50; 70].

В их ряду следует отметить труды уральской школы историков, которые исследуют различные аспекты повседневной жизни и массового сознания как населения индустриальных центров в целом, так и разных социальных групп: работников промышленных предприятий, иждивенцев, эвакуированных, семей военнослужащих [65; 86; 87; 90]. Проблематика рассматривается как в контексте освещения общих проблем военного времени, вопросов эвакуации и размещения предприятий в тылу, налаживания и интенсификации оборонного производства, использования трудового потенциала неработающего населения, организации жизнеобеспечения рабочих и служащих, так и в специальных исследованиях [64; 96].

Разнообразие исследовательских задач, решаемых автором, отличаются труды А.Ш. Кабириной, посвященные истории Республики Татарстан в годы Великой Отечественной войны. Историк четко определила свою авторскую позицию, заявив, что «правда о войне несовместима с ее одномерным или упрощенным истолкованием, в связи с чем необходимо изучать всю совокупность фактов, определявших жизненные реалии военного времени». Труды фун-

дированы большим массивом документов, выявленных в федеральных, республиканских и местных архивах, которые, как подчеркивает исследователь, позволяют показать «не только парадно-героическую, но и не приукрашенную, часто неприглядную сторону войны» [30, с. 5].

В монографиях и статьях А.Ш. Кабировой нашли освещение различные составляющие повседневной жизни населения Татарстана в целом [31–34] и отдельных его категорий в период войны.

Во-первых, одно из главных мест занимает характеристика повседневной жизни женщин республики – от массового вовлечения в производство и роли в разных сферах военной повседневности до организации системы защиты труда женщин и социальных последствий их трудовой деятельности [35–37].

Во-вторых, получили освещение различные аспекты социальной защиты детей и подростков, условий их жизни, быта и учебы, борьба с детской беспризорностью, безнадзорностью и девиантностью в период военного лихолетья [38; 39].

В-третьих, большое внимание уделено повседневной жизни рабочих республики – особенностям взаимоотношений в трудовой сфере в военное время, условиям труда, повседневного быта и жизни, основным факторам мотивации трудовой деятельности и др. [40–42].

В-четвертых, проблемы повседневной жизни рассматриваются в тесной взаимосвязи с состоянием и направленностью массового сознания и настроениями населения, которым автор уделяет внимание как в контексте рассматриваемых сюжетов, так и в отдельных специальных публикациях [43; 44]. Нашли отражение в работах историка также проблемы повседневной жизни других социальных групп республики.

Содержащаяся в них характеристику повседневной жизни интеллигенции Казани удачно дополняют оригинальные и содержательные статьи С.Ю. Малышевой и А.А. Сальниковой [67; 68]. Авторы преимущественно на документах личного происхождения и фольклора ярко воспроизвели повседневность ученых, преподавателей и студентов, подробно охарактеризовали условия их жизни и труда, роль и влияние эвакуированных ученых. Существенный интерес представляет содержащаяся в статьях характеристика неповторимой атмосферы духовной близости и единения, особенностей восприятия и осмысления ими военной действительности. Обращает на себя внимание также итоговый вывод историков о том, что «война способствовала стабилизации новой советской университетской идентичности, с трудом формировавшейся на протяжении предыдущих десятилетий» [68, с. 390].

Вопросы повседневной жизни сельского населения, затронутые в работах А.Ш. Кабировой, получили всестороннее освещение в монографии Б.Г. Кривоножкиной и И.И. Ханиповой [51]. В работе, посвященной общей истории сельского населения накануне и в период войны, раскрыты такие составляющие повседневной жизни деревни, как занятость и занятия, материальное состояние сельских семей и структура потребления, жилищно-бытовые условия и проблемы, связанные с уплотнением населения в связи с расселением эвакуированных. Авторы охарактеризовали состояние здоровья и медицинское обслуживание сельских жителей региона, изменение их общественной и идеологической ориентации [51, с. 284–327].

Вслед за А.Ш. Кабировой, охарактеризовавшей эволюцию государственно-конфессиональных отношений в военное время [30, с. 181–193], они раскрыли такую специфическую составляющую повседневной жизни крестьян, как место и роль религии в жизни сельского населения региона [51, с. 328–348].

В целом новейшие труды, посвященные истории Татарстана в период войны, помогают воссоздать историческую атмосферу, максимально приближенную к реальностям военной поры. Они воспроизводят атмосферу бытовой, социокультурной и духовной жизни крупного региона и вносят весомый вклад в изучение проблем повседневной жизни тыла. К тому же концептуально-методологические подходы, использованные авторами, которые исследовали проблемы повседневности в тесной и неразрывной связи с изучением массового сознания населения, на наш взгляд, являются результативными и перспективными.

В последние годы проблематика, связанная с повседневной жизнью населения, все чаще затрагивается в работах историков Нижнего Поволжья. Среди них заметный вклад в изучение проблемы, несмотря на традиционные названия и отчасти постановку состоявшихся в историографии вопросов, вносят статьи Е.Е. Красноженовой [52–55]. Анализируя документы, выявленные в фондах восьми архивохранилищ и впервые вводимые в научный оборот, исследовательница воссоздает максимально приближенную к военной поре целостную характеристику социальной сферы и деятельности государственных и общественных организаций Саратовской, Волгоградской и Астраханской областей. Автор прежде всего исследовала те сферы их деятельности, которые определяли различные стороны повседневной жизни населения региона. Ее публикации охватывают широкий круг научных проблем и вопросов, включая состояние торговли и общественного питания, организацию государственного снабжения и медицинской помощи, поиск дополнительных источников продовольствия, решение социально-бытовых проблем и состояние культуры и образования. Выявлены

особенности решения продовольственной, жилищной и других проблем повседневной жизни различных социальных слоев региона – семей военнослужащих, эвакуированных, инвалидов, охарактеризована политика в области охраны материнства и детства.

Комплексное исследование дальневосточного общества в 1941–1945 гг. впервые предпринято в трудах Г.А. Ткачевой [100; 101]. Проанализировав широкий круг документов, включая источники личного характера, исследовательница охарактеризовала различные стороны жизни региона, атмосферу военных лет. Наряду с политическими процессами в чрезвычайных военных условиях, взаимоотношениями власти и общества, трудовыми ресурсами региона и его вкладом в достижение победы анализу подвергнуты демографическая ситуация, соотношение уровня сознательности и стихийности, степень организованности дальневосточников. Уделено внимание роли женщин и подростков, тем сферам, которые оказывали влияние на повседневную жизнь: особенностям снабжения и социальной поддержки населения дальневосточного региона, его социальной активности, подготовке кадров, деятельности лечебно-профилактических учреждений здравоохранения и др. Раскрывая характерные черты повседневной жизни и особенности менталитета дальневосточного общества, Г.А. Ткачева подчеркивает, что характерные черты советского менталитета – бескорыстная помощь, благотворительность и милосердие – уходят корнями в далекое прошлое, а всенародное благотворительное движение было не только проявлением патриотизма, но и осознанием насущной потребности такой помощи, чертой жизни [100, с. 255–256].

Современная историография пополняется трудами, посвященными молодежи в годы войны. Ряд исследований как по тематике, так и по структуре и содержанию являются традиционными, охватывают круг вопросов, ставившихся во второй половине XX в. Авторы этих работ задач исследования повседневной жизни не ставили. Тем не менее в них присутствуют разделы, характеризующие трудовую деятельность, общественную активность, быт и досуг молодежи [1; 12; 24; 25; 40; 56; 66; 71].

В ряде работ основное внимание уделено характеристике повседневной жизни молодежи в этот период. В их ряду обращают на себя внимание исследования тамбовского историка А.И. Назарова, посвященные повседневной жизни молодежи в советском тылу [75–77]. Труды отличаются четким определением объекта и предмета анализа и понятийного аппарата, строгим следованием принципа историзма, объективности и преемственности, уважительным отношением к трудам предшественников. В работах исследователя жизненный мир молодежи в военных условиях «рассматривается как совокупность устойчивых поведенческих моделей, формирующихся

под воздействием внешней среды и эмоционально-психологических реакций на событийное содержание последней» [77, с. 5]. Руководствуясь этой методологической установкой, с учетом выявленных особенностей региона автор охарактеризовал трудовые будни, материальное положение и уровень удовлетворения насущных потребностей молодежи Тамбовской области.

Наряду с социально-экономическими факторами повседневной жизни раскрыты ее духовно-культурные составляющие – система политической пропаганды и информационная среда, школьная повседневность, досуг провинциальной молодежи. Автор показал, что «формы и содержание досуга сельской молодежи отражали элементы традиционной крестьянской повседневности» [77].

Тематически и содержательно работам А.И. Назарова близки небольшие публикации, посвященные повседневной жизни учащейся молодежи [10; 84; 104]. Среди них категоричностью отдельных суждений, частичным забвением принципа историзма и отчасти стремлением рассматривать прошлое с позиций нынешних ценностей и представлений выделяется статья Ф.В. Копылова [57]. Не ставя под сомнение утверждение автора о наличии контроля со стороны власти над повседневной жизнью студентов, заметим, что поведение руководства в экстремальных условиях диктуется обстановкой, а не только демократичностью или тоталитаризмом. Безопасность народа и государства всегда является приоритетом, особенно когда речь идет о самом их сохранении и существовании. Именно этим и спецификой военного времени определялся характер, направленность и содержание принимавшихся решений и всего комплекса осуществлявшихся мер. Вместе с тем нельзя не согласиться с выводом о том, что повседневная жизнь граждан в годы Великой Отечественной войны была подчинена интересам государства.

Значительное внимание российские историки стали уделять изучению положения роли принудительного труда таких категорий населения, как депортированные и трудмобилизованные, спецпереселенцы, заключенные, военнопленные и др. Это направление исследований, раскрывающее экстремальную повседневность в годы войны и специфических условиях обитания, должно стать предметом глубокого самостоятельного историографического анализа. Характеризуя его в контексте рассматриваемой проблемы, всего лишь заметим, что в большинстве изысканий специальных задач исследования повседневной жизни не ставилось [11–13; 26; 58; 89; 97]. Однако попутно с решением основных проблем авторы значительное внимание уделяют таким аспектам повседневности, как характер и условия труда, быт и условия проживания, питание и одежда, морально-психологическая атмосфера и характер взаимоотношений с администрацией, досуг и внутренний мир. Эти сюжеты раскрыва-

ются на основе использования новых документальных комплексов, включая рассекреченные документы и свидетельства очевидцев.

В ряду работ, авторы которых специально исследуют повседневность, выделяются труды о трудмобилизованных советских гражданах немецкой национальности. Их повседневная жизнь получила освещение в работе ряда конференций, статьях и отдельных монографиях [20; 27–29; 72; 78]. Однако следует признать, что к настоящему времени различные стороны их повседневности наиболее полно, эмоционально освещены в работах, очерках и личных воспоминаниях самих участников [21]. Главное внимание уделяется местам размещения и условиям содержания, режиму и труду, условиям жизни, морально-психологической атмосфере, переживаниям и настроениям.

На рубеже столетий изданы и продолжают издаваться монографии, статьи и документы, состоялись конференции и защищены диссертации по проблеме депортаций народов в годы войны [79; 89; 98; 99]. Накопленный опыт исследований стал также предметом историографического анализа [14; 59–61].

Авторы работ по истории депортации рассматривают прежде всего причины и характер процесса, механизм и условия его осуществления, роль И. Сталина и других руководителей. Несмотря на то, что задач исследования проблем повседневности, как правило, в большинстве трудов не ставилось, они достаточно подробно раскрывают процесс переселения, жилищно-бытовые условия, питание и новую среду обитания, их административно-правовое положение и характер взаимоотношений с администрацией и местным населением, морально-психологическую атмосферу.

Исследователи показывают, что у большинства переселенных в новых местах было скудным питание, плохое жилье и материальное состояние, слабая организация здравоохранения и школьного обучения. Повседневная жизнь вынужденных переселенцев характеризовалась трудностями и общими заботами, которые переживал весь народ, взаимопомощью, взаимным уважением и общей жизнью людей разных национальностей, печалью и радостями, единением, которое помогало им напряженно трудиться и выживать, переживать обиды и приближать победу.

Нельзя не признать справедливость вывода С.Б. Кропачева о том, что историография проблемы как в прошлом, так и в настоящее время находится под воздействием идеологии. «...В советский период она служила оправданием существования социалистического строя, ... в последние десятилетия стала рассматриваться в качестве неопровержимого свидетельства в пользу его демонтажа, ... в качестве аргументов в спорах о природе сталинизма, советского строя и характера Великой Отечественной войны», в результате чего

«разработка проблемы приобретает дополнительный эмоциональный накал». Авторами нередко выступают непрофессиональные историки. Исследователь считает, что все это оказывает влияние как на оценку событий и их последствий, так и на характер, глубину и объективность освещения повседневной жизни депортированных [61, с. 19].

Известные ученые Н.А. Араловец, В.Б. Жиромская и О.М. Вербицкая в главе, посвященной повседневной жизни в тылу и влиянии войны на население страны, в коллективном труде впервые предприняли попытку дать обобщенную картину повседневности советского тыла. На основе анализа документов они дали развернутую картину влияния войны на население в советском тылу, охарактеризовали демографические процессы, будни городского населения и повседневную жизнь деревни в годы войны [80, с. 462–564].

Анализ литературы, посвященной исследованию повседневности советского тыла в годы войны, показывает, что проблематика все чаще привлекает внимание историков. Однако среди работ по теме преобладают диссертационные исследования и статьи. К тому же в значительной части этих изысканий проблемы повседневности представляют сопутствующие сюжеты.

Преобладающей тенденцией является регионализация исследований повседневной жизни. В то же время нет исследований по ряду регионов, имевших существенные этнические, ментальные и конфессиональные особенности, отличавшихся социальными и ситуационными факторами. Неравномерны степень охвата и глубина освещения повседневной жизни различных групп и слоев населения. Не стали предметом специального исследования повседневная жизнь интеллигенции и, в частности, сельской, повседневность руководителей разного уровня, эвакуированных в сельские районы, и ряда других групп населения.

Отсутствуют также работы о тех изменениях, которые внесла война в повседневную жизнь коренных народов Дальнего Востока, Сибири, Крайнего Севера и других регионов страны. В многонациональной стране, где исторически сосуществуют сторонники разных конфессий, важно изучить религиозную составляющую повседневной жизни и массового сознания народов. До сих пор практически нет обобщающих фундаментальных комплексных исследований, в которых повседневная жизнь была бы раскрыта во всей сложности и противоречивости, содержащих анализ влияния на нее общих, социальных, ситуационных и других факторов, населения страны в целом.

Список литературы

1. Ачмиз К.Г. Трудовой подвиг сельской молодежи в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: дис. ... д-ра ист. наук. – Краснодар, 2006.
2. Архивы Кузбасса // Информационно-методический и историко-краеведческий бюл. К 65-летию Победы. – 2010. – № 2(14).
3. Арсланова Ч.Р. Эвакуированное и депортированное в Башкирскую АССР население в годы Великой Отечественной войны: 1941–1945: дис. ... канд. ист. наук. – Уфа, 2006.
4. Аджиева Э.А. Депортация народов Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Пятигорск, 2001.
5. Бураева С.С. Сельское хозяйство Бурят-Монгольской АССР в годы Великой Отечественной войны: 1941–1945 гг.: дис. ... канд. ист. наук. – Улан-Удэ, 2007.
6. Бякова Л.А. Избранные статьи по краеведению. – Шадринск, 2005.
7. Башкирцев Д.Ю. Повседневная жизнь и деятельность советских железнодорожников в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (по материалам железных дорог Центра и Юга России): дис. ... канд. ист. наук. – Курск, 2004.
8. Букин С.С. Жизненная среда Новосибирска в военное лихолетье // Западная Сибирь в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.): сб. науч. тр. – Новосибирск, 2004.
9. Бредихин В.Е. Комсомол Тамбовской области в годы Великой Отечественной войны: социально-политические аспекты деятельности: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Тамбов, 2004.
10. Бушмаков А. «В ремеслухе живи да тужи» // РЕТРОспектива. – 2010. – № 2. – С. 84–88.
11. Белковец Л.П. Административно-правовое положение российских немцев на спецпоселении 1941–1945 гг.: историко-правовое исслед. – М., 2008.
12. Бикметов Р.С. Использование спецконтингента в экономике Кузбасса (1929–1956 гг.). – Кемерово, 2009.
13. Бруль В.И. Немецкие женщины в годы войны и спецпоселения (1941–1955 гг.). // Немцы СССР в годы Великой Отечественной войны и в первое послевоенное десятилетие. 1941–1955 гг.: материалы 7-й междунар. конф. – М., 2001. – С. 57–83.
14. Безугольный А.Ю., Бугай Н.Ф., Кринко Е.Ф. Горцы Северного Кавказа в Великой Отечественной войне. Проблемы истории, историографии и источниковедения. – М., 2012.
15. Васягин А.П. Колхозная деревня Горьковской области в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: дис. ... канд. ист. наук. – Н. Новгород, 2007.
16. Викторов А.Ю. Колхозное крестьянство Кузбасса в годы Великой Отечественной войны: социально-экономическое положение: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Томск, 2011.
17. Война – жесточе нету слова...: тез. докл. ист.-краевед. конф. – Рыбинск, 1995.
18. Война. Запечатленные дни, 1941–1942: Дневники и документы / ред. В.Н. Ильина. – Архангельск, 2005.
19. Великая Отечественная война в документах архивов. – Вологда, 2000.
20. «...В рабочие колонны на время войны». Очевидцы и исследователи о немцах в трудармии: сб. ст. и воспоминаний / под ред. А.А. Германа. – М., 2012.

21. Вольтер Г.А. Зона полного покоя: российские немцы в годы войны и после нее. Свидетельства очевидцев. 2-е изд. – М., 1998.
22. Григорьев А.Д. Социальное положение и быт населения в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (на материалах Чувашской АССР): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Чебоксары, 2004.
23. Гайсин У.Б. Вклад молодежи Урала в победу в годы Великой Отечественной войны. – Уфа, 1999.
24. Гайсин У.Б. Социальное положение молодежи Урала в годы Великой Отечественной войны // Урал в стратегии Второй мировой войны. – Екатеринбург, 2000. – С. 84–90.
25. Гайсин У.Б. Молодежь Урала в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Уфа, 2000.
26. Гончаров Г.А. «Трудовая армия» на Урале в годы Великой Отечественной войны. – Челябинск, 2006.
27. Гонцова М.В. Повседневная жизнь и стратегия выживания немцев-трудармейцев Нижнего Тагила в годы Великой Отечественной войны // Начальный период Великой Отечественной войны и депортация российских немцев: материалы 3-й междунар. конф. – Саратов, 2001.
28. Ищак Л.А. Российские немки на архангельском севере // Начальный период Великой Отечественной войны и депортация российских немцев: материалы 3-й междунар. конф. – Саратов, 2001.
29. Курочкин А.Н. Социально-политическое положение немецкого населения СССР, мобилизованного в «трудовые армии» в годы Великой Отечественной войны // Начальный период Великой Отечественной войны и депортация российских немцев: материалы 3-й междунар. конф. – Саратов, 2001.
30. Кабирова А.Ш. Сороковые-роковые: Татарстан в годы военного лихолетья. – Казань, 2011.
31. Кабирова А.Ш. Война и общество: Татарстан в 1941–1945 гг. – Казань, 2011.
32. Кабирова А.Ш. Из истории военной повседневности: решение жилищной проблемы в Татарстане в 1941–1945 гг. // Уч. зап. Казанск. ун-та. Сер. Гуманитарные науки. – 2010. – Т. 152. Кн. 3. Ч. 2. – С. 156–167.
33. Кабирова А.Ш. Условия жизни и быта населения Республики Татарстан в годы Великой Отечественной войны // Изв. Алтайск. гос. ун-та. Сер. История, политология. – Барнаул. – 2007. – № 4/2. – С. 57–60.
34. Кабирова А.Ш. Социально-экономические проблемы жизни населения Казани в годы Великой Отечественной войны // Вестн. Саратовск. гос. соц.-экон. ун-та. – Саратов. – 2009. – № 2(26). – С. 140–142.
35. Кабирова А.Ш. Женщины Татарстана на фронте и в тылу. – Казань, 1995.
36. Кабирова А.Ш. Женщина и война // Татарстан в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. – Казань, 2000. – С. 112–117.
37. Кабирова А.Ш. Организация системы защиты труда женщин в общественном производстве Татарстана в 1940–1950-е гг. // Науч. Татарстан. – 2010. – № 2. – С. 35–42.
38. Кабирова А.Ш. Проблемы социальной защиты детей и подростков в Татарстане в годы Великой Отечественной войны // Проблемы археологии и истории Татарстана: сб. ст. – Вып. 2 / отв. ред. Ф.Ш. Хузин. – Казань, 2010. – С. 245–254.

39. Кабирова А.Ш. Общество и дети: борьба с детской беспризорностью, безнадзорностью и девиантностью в период Великой Отечественной войны // Вестн. Татарск. гос. гум. пед. ун-та. – 2011. – № 3(25). – С. 103–113.
40. Кабирова А.Ш. Созданы невыносимые условия для жизни рабочих // Эхо веков. – Казань. – 2007. – № 1/2. – С. 266–270.
41. Кабирова А.Ш. Большинство рабочих приехало в летнем обмундировании, без хлеба и денег // Эхо веков. Казань. – 2008. – № 1/2. – С. 175–178.
42. Кабирова А.Ш. Власть и общество в Татарстане: проблемы взаимоотношений в трудовой сфере в условиях военного времени 1941–1945 гг. // Науч. Татарстан. – 2012. – № 2. – С. 25–40.
43. Кабирова А.Ш. Массовое сознание населения Татарстана в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) // Вторая мировая война как проблема национальной памяти: материалы междунар. науч. конф., 24–26 сент. 2009 г. – СПб., 2010. – С. 111–124.
44. Кабирова А.Ш. Отражение реалий военного времени в массовом сознании граждан в 1941–1945 гг. (на материалах Татарстана). Материалы круглых столов. – Вып. 2: сб. ст. – Казань, 2011. – С. 160–171.
45. Кошкина О.А. Сельское хозяйство и крестьянство Марийской АССР в годы Великой Отечественной войны: 1941–1945: дис. ... канд. ист. наук. – Йошкар-Ола, 2008.
46. Коробецкий И.А. Деятельность местных органов государственной власти Южного Урала в социальной сфере в годы Великой Отечественной войны: 1941–1945 гг.: дис. ... канд. ист. наук. – Самара, 2004.
47. Карпушов В.И. Православное Дивеево: Двадцатое столетие. – Арзамас, 2003. – С. 85–124.
48. Казанцева Ю.И. Из истории повседневности сибирского тыла // Сибиряки в Великой Отечественной войне: материалы регион. науч.-практ. конф., 20–29 апр. 2010 г. – Новосибирск, 2010. – С. 148–145.
49. Кладова Н.В. Проблемы организации повседневной жизни населения тылового города в условиях военного времени (на примере г. Барнаула) // Сибиряки в Великой Отечественной войне: материалы регион. науч.-практ. конф., 20–29 апр. 2010 г. – Новосибирск, 2010. – С. 175–181.
50. Кожевин В.Л., Кожевина М.А. Рабочая молодежь Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны: к изучению повседневности // Сибирь: Вклад в Победу в Великой Отечественной войне: материалы Всерос. науч. конф. – Омск, 1995.
51. Кривоножкина Б.Г., Ханипова И.И. Сельское население Татарской АССР накануне и в годы Великой Отечественной войны. – Казань, 2011.
52. Красноженова Е.Е. Организация повседневной жизни населения в период Великой Отечественной войны (на материалах Нижнего Поволжья) // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – Астрахань. – 2012. – № 4(33). – С. 41–48.
53. Красноженова Е.Е. Решение социально-бытовых проблем населения в период Великой Отечественной войны (на материалах Нижнего Поволжья) // Проблемы современной науки и образования. – Иваново – 2012. – № 4(14). – С. 31–33.
54. Красноженова Е.Е. Организация медицинской помощи в период Великой Отечественной войны (на материалах Нижнего Поволжья) // Проблемы современной науки и образования. – Иваново, 2012. – № 2(12). – С. 51–52.
55. Красноженова Е.Е. Социальная помощь семьям военнослужащих в Нижнем Поволжье. 1941–1945 // Вопр. истории. – 2012. – № 3. – С. 141–147.

56. Климова Н.Ю. Трудовой и ратный подвиг молодежи Ставрополья в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Пятигорск, 2005.

57. Копылов Ф.В. Подчинение повседневной жизни граждан интересам государства в годы Великой Отечественной войны (на примере студ. Вологод. пед. ин-та им. В.М. Молотова). – URL: www.nevlocalhistory.com/content/kopylov-fv-gcherepovesc-podchinenie-povsednevnoy-zhizni-grazhdan-interesam-gosudarstva-v

58. Курочкин А.Н. Трудармейские формирования из граждан СССР немецкой национальности в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Саратов, 1998.

59. Кропачев С.Б. От лжи к покаянию. Отечественная историография о масштабах репрессий и потерях СССР в 1937–1945 годах. – СПб., 2011.

60. Кринко Е.Ф. Депортация населения Северного Кавказа, ее причины и последствия: историография проблемы // Вторая мировая война: материалы междунар. науч. конф., 28–31 мая 2002. – Майкоп, 2002.

61. Кропачев С.Б. Отечественная историография масштабов и форм репрессий и демографических потерь СССР в 1937–1945 гг.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Майкоп, 2011.

62. Козлов Н.Д. Повседневная жизнь народа в годы Великой Отечественной войны. Некоторые аспекты современной российской историографии // Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А.С. Пушкина. Т. 4. История. – 2012. – № 2. – С. 93–110.

63. Куличкин С. Кавказский узел. Страницы истории Великой Отечественной войны. – URL: <http://www.voskrs.ru/army/publizist/kavkaz.html/>

64. Лончинская Л.Я. Девиантное поведение населения Южного Урала в годы Великой Отечественной войны // Урал в стратегии Второй мировой войны. – Екатеринбург, 2000. – С. 252–259.

65. Любецкий А.Е. Партийная государственная политика по отношению к семьям военнослужащих на Урале в годы Великой Отечественной войны: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Челябинск, 2005.

66. Люшкина И.В. Молодежь Южного Урала в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Оренбург, 2004.

67. Малышева С.Ю., Сальникова А.А. «Шукрут», моллюски и «яйца Рузвельта»: повседневная жизнь университетского человека в Казани в годы Великой войны // Эхо веков. – Казань, 2005. – № 1(39). – С. 31–36.

68. Малышева С.Ю., Сальникова А.А. Казанский университет в годы Великой Отечественной войны: повседневные практики выживания // Проблемы новейшей истории России: сб. ст. к 70-летию со дня рожд. Г.Л. Соболева. – СПб., 2005. – С. 378–392.

69. Мельникова Ю.В. Жизнеобеспечение городского населения Южного Урала в годы Великой Отечественной войны: дис. ... канд. ист. наук. – Оренбург, 2007.

70. Мезит Л.Э. Условия жизни населения Красноярского края в годы Великой Отечественной войны // Вестн. МГОУ. Ист. и полит. науки. – 2010. – № 2. – С. 29–32.

71. Мякинина Н.П. Роль молодежи в решении военно-экономических и социальных задач в годы Великой Отечественной войны: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 2009.

72. Матвеева Н.В. Влияние условий труда и жизни на внутренний мир российских немцев-трудармейцев в годы Великой Отечественной войны // Гражданская идентичность и внутренний мир российских немцев в годы Великой

Отечественной войны в исторической памяти потомков: материалы XIII междунар. науч. конф., Москва, 21–23 окт. 2010. – М., 2011.

73. Насибуллина Р.М. Социально-экономическое положение деревни БАССР в годы Великой Отечественной войны: дис. ... канд. ист. наук. – Уфа, 2007. – С. 100–158.

74. Нанаева М.Л. Развитие промышленности Ставрополя и Кубани в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: дис. ... канд. ист. наук. – Ставрополь, 2009.

75. Назаров А.И. Трудовая деятельность молодежи на предприятиях Тамбовской области в период Великой Отечественной войны // Гуманитарные науки: проблемы и решения: сб. ст. – СПб., 2007. – С. 259–263.

76. Назаров А.И. Досуг сельской молодежи в советском тылу в годы Великой Отечественной войны // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов. – 2009. – № 3(4). – С. 126–128.

77. Назаров А.И. Повседневная жизнь молодежи в советском тылу в годы Великой Отечественной войны (на материалах Тамбовской области): дис. ... канд. ист. наук. – Тамбов, 2010.

78. Нам К., Шульга Т. Некоторые особенности расселения, материально-бытового устройства, трудового использования и правового положения немцев-спецпоселенцев в Томской области // Немцы в СССР в годы Великой Отечественной войны и первое послевоенное десятилетие (1941–1955 гг.). – С. 345–373.

79. Народы Чеченской республики в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов. Всерос. науч.-практ. конф., Грозный, 18–19 мая 2010 г. – Грозный, 2010.

80. Народ и война: очерки истории Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. / отв. ред. А.Н. Сахаров, А.С. Сенявский. – М., 2010.

81. Осин В.М. Московская область в годы Великой Отечественной войны по документам архивного фонда Мособлисполкома // Отечеств. архивы. – 2010. – № 5. – С. 62–70.

82. Панорама библиотечной жизни Томской области. Вып. 3. Томские библиотеки и библиотекари в годы Великой Отечественной войны. – Томск, 2005.

83. Прифронтвая полоса. Ярославская область в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: сб. ст., док. и материалы. – Ярославль, 2005.

84. Поклонимся великим тем годам: материалы науч.-практ. конф., г. Пермь. 24 июня 2010. – Пермь, 2011.

85. Прифронтвая полоса: Ярославская область в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: сб. док. и материалов. – Ярославль, 2005.

86. Потемкина М.Н. Эвакуационно-реэвакуационные процессы и эвакуация населения на Урале в 1941–1948 гг.: дис. ... д-ра ист. наук. – Челябинск, 2004.

87. Провинциальные хроники: Томск 1941–1945 гг. / сост. Майданюк Э.К. – Томск, 2005.

88. Поцелуев Е.Л. Повседневная жизнь учащихся техникумов Северо-Западного региона в годы Великой Отечественной войны // Карелия, Заполярье и Финляндия в годы Второй мировой войны. – Петрозаводск, 2004. – С. 32–34.

89. Пажит Ю.Ю. Заключение, трудмобилизованные НКВД СССР в Свердловской области в годы Великой Отечественной войны: дис. канд. ист. наук. – Екатеринбург, 2005.

90. Полян Н.Н. Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. – М., 2001.

91. Рубин В.А. Города Южного Урала в годы Великой Отечественной войны: 1941–1945 гг.: дис. ... канд. ист. наук. – Оренбург, 2007.
92. Родина хохломы: Очерки истории Ковернинского края. – Н. Новгород, 2000. – С. 132–134.
93. Рязанцев Н.П., Шокин С.Д. Ярославская деревня в годы Великой Отечественной войны // Деловые вести Ярославии. – 2010. – № 5. – С. 34–35.
94. Саратовская область в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Архивные документы. – Саратов, 2005.
95. Свободные от оккупации районы Ленинградской области в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Из районов сообщают. – СПб., 2006.
96. Семочкина Е.И. Развитие личности уральского рабочего в процессе труда в годы Великой Отечественной войны // Урал в стратегии Второй мировой войны. – С. 285–292.
97. Суржикова Н.В. Иностранцы военнопленные Второй мировой войны на Среднем Урале 1942–1956 гг. – Екатеринбург, 2006.
98. Сабанчиев Х.-М.А. Были сосланы навечно. Депортация и реабилитация балкарского народа. – Нальчик, 2004.
99. Сабанчиев Х.-М.А. Депортация, жизнь в ссылке и реабилитация балкарского народа (40-е г. – начало XXI в.): автореф. ... д-ра ист. наук. – Ростов н/Д., 2006.
100. Ткачева Г.А. Дальневосточное общество в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). – Владивосток, 2010.
101. Ткачева Г.А. Общественное сознание дальневосточников в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) // Гуманитарные и социально-экономические аспекты обучения и воспитания кадров ВМФ. – Владивосток, 2002. Вып. 6. – С. 95–103.
102. Тульский краеведческий альманах. – 2009–2010. – № 7. – С. 69–87.
103. Шадринск военной поры: в 3-х кн. Кн. 3 / отв. ред. С.Б. Борисов. – Шадринск, 2005.
104. Шендриков Е.А. Студенты Воронежского сельскохозяйственного института в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) // Молодежь и дети в войнах и конфликтах XX века: сб. науч. тр. междунар. науч.-практ. конф. Курск, 23–24 апр. 2008 г. / под ред. Л.С. Холтобиной – Курск, 2008.

**Сексуальность как социальная политика
в постструктуралистских и постмодернистских
западных исследованиях**

В статье представлен аналитический обзор разнонаправленных работ современных западных авторов, освещающих проблематику сексуальности в социально-политическом ключе. Статья носит историографический характер, в ней прослеживается эволюция взглядов на проблему соотношения феноменов власти и сексуальности в исследованиях постструктуралистов и постмодернистов.

The paper presents an analytical overview of divergent works of Western authors, covering issues of sexuality in the socio-political manner. The article is of the historiographical nature, it traces the evolution of views on the problem of correlation in the phenomena of power and sexuality in post-structuralism and postmodernism studies.

Ключевые слова: историография, гендерные исследования, феминизм, постструктурализм, постмодернизм, сексуальность, телесность, сексизм, дискурс, власть.

Key words: historiography, gender studies, feminism, post-structuralism, post-modernism, sexuality, physicality, sexism, discourse, power.

Представление о сексуальности как о социально-политическом конструкте является одной из ключевых интерпретаций данного феномена в рамках западной феминистской мысли. Однако и за пределами этого дискурса тема получила довольно широкое развитие. В настоящей статье предпринята попытка анализа концептуализации феномена сексуальности, её механизмов и их социальной обусловленности в ряде разнонаправленных (но по преимуществу всё же феминистских) западных исследований второй половины XX в., объединённых трактовкой сексуальности в социально-политическом ключе.

На наш взгляд, одним из первых, кто предложил подобную трактовку феномена сексуальности, стал К. Юнг, по мнению которого социум осуществляет контроль над сексуальным становлением индивида, обеспечивая тем самым его «одностороннее» развитие (по Юнгу, изначально в каждом индивиде присутствуют как мужские, так и женские черты, однако культурные нормы и правила предпи-

сывают ему быть исключительно «мужчиной» или «женщиной») [15]. Идеи К. Юнга стали важным шагом на пути к предлагаемой интерпретации сексуальности.

Кроме того, данная концепция, в известном смысле, стала предпосылкой теории андрогинной личности, которая, будучи напрямую взаимосвязана с проблемой половой идентичности, занимает одну из ключевых позиций в рамках проблематики сексуальности. Сформировавшись окончательно к 1970-м гг. в качестве реакции феминистской мысли на существующие в обществе гендерно-ролевые стереотипы, она получает разработку в трудах С. Бем и К. Хейлбран. Суть теории заключается в представлении об идеальном человеке как о личности, сочетающей в себе и «мужские», и «женские» качества независимо от половой принадлежности [7]. При этом предполагается, что представления о том, что есть «мужское» или «женское», не детерминированы, а искусственно сконструированы в контексте определённого социума.

К 1970-м гг. относится и основная работа Гейл Рубин «Обмен женщинами» [11], где на основе обобщений этнографического материала о значении дара в архаичных культурах брак в первобытном обществе представляется не чем иным, как одной из форм обмена подарками, а женщина, следовательно, – своеобразным даром, но даром наиболее ценным, так как он влечёт за собой установление родства [11, с. 102–103]. Следовательно, смысл брака, по её мнению, заключается в установлении социальных связей, в котором женщина играет лишь второстепенную роль.

Сексуальность Г. Рубин определяет как культурно конструируемую категорию, лежащую в основе гендерного неравенства [12, с. 465]. Предложив концепцию обмена женщинами, она приходит к выводу, что данное конструирование имеет целью сохранение мужского доминирования в обществе путём социального поощрения, а порой даже навязывания гетеросексуальных отношений [13, с. 108–109]. Таким образом, запреты на андрогинность, би- или гомосексуальность, характерные отнюдь не только для архаических культур, но и для «цивилизованного» новоевропейского общества, могут быть объяснены боязнью деконструкции существующего социального порядка.

Восприятие сексуальности в подобном русле характерно также для социально-конструктивистского подхода, оформившегося во второй половине XX в. под влиянием идей Мишеля Фуко. В своей трёхтомной «Истории сексуальности» [14] М. Фуко описывает её как некий сценарий, сконструированный властью и контролируемый социальными представлениями и предписаниями, причём под властью понимается не какой-то институт или структура, а «сложная стратегическая ситуация в данном обществе», которая пронизывает

все его сферы и служит цели нормализации социума [14]. Следовательно, для М. Фуко сексуальность – не естественная данность, а «продукт», «следствие воздействия на общественное сознание системы постепенно формирующихся дискурсивных практик», которые можно назвать результатом деятельности «системы надзора и контроля за индивидом» [1, с. 443]. Подобная трактовка сексуальности позволяет критически анализировать устоявшиеся нормы, правила и образцы интимных отношений с учётом существования определённой системы табу в сексуальной сфере той или иной культуры.

Итак, следуя мысли М. Фуко, можно сделать вывод, что сексуальность не только не чужда власти, напротив, если говорить о типе их взаимоотношений, характерном для современного общества (по мнению М. Фуко, люди обрели сексуальность как факт сознания только с конца XVIII в.), власть стремится к максимальному контролю над личностью и осуществляет его через воспитание «удобных», «послушных» «тел» и «умов», в результате чего также происходит конструирование дискурса сексуальности – в качестве некой новой реальности [1, с. 443].

Ведя речь о проблематике сексуальности, мы так или иначе возвращаемся к наследию З. Фрейда. Как известно, его работы были подвергнуты жёсткой феминисткой критике – не только как некий оплот консервативных с точки зрения феминизма идей, но и как фундамент для построения позднейших антифеминистских концепций [9]. В связи с вышесказанным некоторое время феминистские авторы избегали обращаться в своих исследованиях к его работам, однако уже в 1970-е гг. Джулиет Митчелл берёт на себя труд реабилитации психоанализа для феминистской научной мысли [8, с. 28]. В своей работе «Психоанализ и феминизм» она делает упор на роль бессознательного в конструировании сексуальности как комплекса действующих в социуме норм или моделей поведения. «Мы живём «понятиями» и неизбежными законами человеческого общества не столько сознательно, сколько бессознательно – и особой задачей психоанализа является расшифровка того, как мы наследуем эти понятия и законы человеческого сообщества через бессознательное нашей психики, или, выражаясь иначе, бессознательное – это и есть путь следования этим законам» [8, с. 28]. Таким образом, и психоанализ в прочтении Дж. Митчелл сводит воедино сексуальность, бессознательное и социальные предписания конкретного общества, обосновывая тем самым социальную обусловленность сексуальной нормативности – в том числе и в современном обществе.

Специфика женской сексуальности в данном ключе была рассмотрена Люси Иригарэ в вышедшей в 1977 г. работе «Пол, который не единичен» [6]. Женская сексуальность в ней резко противопоставлена мужской, так как женщина у Л. Иригарэ – всегда «больше,

чем одно», а её сексуальность определяется через понятия множественного, диффузного (для пояснения этого тезиса она использует метафору «двух губ» [6, с. 128]), в то же время мужская сексуальность связана с понятием «одного», под которым понимается фаллос [6, с. 130]. Женственность плюральна, однако общество, управляемое мужчинами, навязывает ей мужскую, совершенно не характерную для неё модель сексуальности, построенную вокруг «одного». В результате женское желание трансформируется в продукт маскулинных представлений о сексуальности. Такая сексистская политика, по мнению автора, нуждается в изучении, целью которого должно стать преодоление этой якобы единственно возможной модели наслаждения.

Вскоре после работы Л. Иригарэ появляется публикация Андреа Дворкин «Порнография. Мужчины обладают женщинами» [4], в которой проблема конструирования сексуальности получает своё дальнейшее развитие. Во главу угла А. Дворкин ставит «идеологию мужского превосходства» (или так называемую «самость») [4, с. 202], подразумевающую под собой детерминированность мужского доминирования в обществе. Эти представления на протяжении веков навязывались обществом и обществу (не трудно догадаться, каким здесь было распределение гендерных ролей). В статье подробно описываются различные сферы мужского доминирования, среди которых выделяется право владеть – «брать всё, что угодно для того, чтобы поддерживать и улучшать себя» [4, с. 202]. Оно распространяется и на женщин как на один из «объектов» желания. Ведь что касается сексуального насилия, по мнению автора, оно не только продолжает активно осуществляться теперь, чаще всего, через брак, но также оправдывается тем, что якобы насилие нравится женщине. В этой связи следует упомянуть и о такой выделяемой автором форме мужской власти, как «власть именовать»: именно мужчина обладает правом называть, в том числе и женщину, которую он называет «так, как ему нравится» [4, с. 202]. Мир «поименован» мужчинами, в мужских категориях, и женщина также вынуждена использовать мужские мыслительные конструкты, использовать, по словам А. Дворкин, этот «мужской» язык «против себя» [4, с. 202]. Можно сказать, что у А. Дворкин сексуальность включена в сложный комплекс гендерных политик, определяемых ею как политики подчинения, и основана на навязанных обществу фаллоцентристских представлениях.

Интересна появившаяся в 1990 г. работа Ив Кософски Седжвик «Эпистемология чулана» [13], посвященная проблеме преодоления уже не «фаллоцентристского», а «гетеросексистского» угнетения [13, с. 198]. Центральное место И. Седжвик отводит проблеме «самораскрытия» [13, с. 185] – «обнародования» гомосексуалистами

своей сексуальной идентичности. Но эта проблема тесно вплетена в контекст представлений об обществе как о совокупности враждебно настроенных субъектов, характеризующихся высоким уровнем гомофобии, которая навязывается им властью. Очевидно, что и здесь прослеживается взаимосвязь с идеей принудительной гетеросексуальности, предложенной Гейл Рубин.

К 1990-м гг. относятся и работы американского философа Джудит Батлер, утверждающей, что производство сексуальности всегда осуществляется через властный регулятивный аппарат, под которым понимается «принудительная гетеросексуальность» и с помощью которого «наряду с промежуточными гормональными, хромосомными, физическими и поведенческими формами, осуществляется воспроизводство и нормализация мужского и женского» [2]. Она, можно сказать, сводит воедино концепции Г. Рубин и М. Фуко, но оппонирует последнему, ведь если у него «гендерное регулирование» является частным примером «более масштабных регуляционных действий власти», то Дж. Батлер полагает, что гендер «нуждается в собственных, вполне самобытных и особых регулятивных и дисциплинарных режимах» [2].

Также ей принадлежит трактовка сексуальности как «цитатности», под которой она понимает некое «воспроизводство на телах» закона гетеросексуальности (речь идёт всё о той же «принудительной гетеросексуальности»). Норма пола, пишет Батлер, «цитирует» норму социального закона в отношении пола [5], т. е. сексуальность априори обусловлена социумом, причём, это характерно, по её мнению, как для исторического прошлого, так и для современных обществ.

В 1992 г. выходит и работа видного английского социолога Энтони Гидденса «Трансформация интимности. Сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах» [3], в которой современная сексуальность описывается уже как сознательно культивируемая черта личности, некий ресурс, присущий любому индивиду (Э. Гидденс использует дефиницию «пластическая сексуальность» для описания сексуальности, освобожденной от репродуктивных потребностей) [3]. Однако вслед за прочими авторами, в том числе и М. Фуко, Э. Гидденс склонен и новоевропейскую, и другие патриархатные модели сексуальности описывать в терминах несвободы, социальной обусловленности и давления культурных норм [3]. Вообще анализ идей различных авторов относительно «репрессий» сексуальности занимает в рассуждениях Э. Гидденса значительное место. Кроме того, в данной работе усматривается резкое противопоставление двух форм сексуальности, которые можно назвать, соответственно, традиционной и нетрадиционной

(или, по выражению М.Г. Муравьевой, «единой» и «двойственной» [10]), причём переход одной модели сексуального поведения в другую Э. Гидденс трактует в терминах «сексуальной революции» [3].

Безусловно, в данной статье нашли своё отражение далеко не все сочинения, так или иначе затрагивающие конструирование сексуальности, ведь к этой проблеме обращались едва ли не все классики феминистской мысли, а также исследователи целого ряда гуманитарных наук – вплоть до современности. Это, на наш взгляд, вполне объяснимо, ведь данная проблема является насущной и близкой для очень многих.

Однако тема отнюдь не закрыта: она будет продолжать осмысляться и пополняться новыми исследованиями до тех пор, пока существуют такие проблемы, как сексизм, гомофобия, сексуальное насилие и многие другие. Ведь только раскрытие технологий конструирования и внедрения в сознание индивида представлений о «сексуальном» или «несексуальном», «дозволенном» или «недозволенном», «нормальном» или «ненормальном» может способствовать деконструкции сексуальности в той подавляющей индивидуальности форме, в какой она традиционно существовала и продолжает существовать как навязываемой социумом модели сексуального поведения.

Список литературы

1. Баллаева Е.А. Репродуктивные и сексуальные права женщин как проблема гендерных исследований // Гендерный калейдоскоп: курс лекций / под общ. ред. М.М. Малышевой. – М., 2001. – С. 433–454.
2. Батлер Дж. Гендерное регулирование [Электронный ресурс]. – URL: http://www.feminismru.org/publ/stati_zarubezhnykh_avtorov/dzhudit_batler_gendernoe_regulirovanie/8-1-0-133 (дата обращения: 22.10.2013).
3. Гидденс Э. Трансформация интимности. Сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.twirpx.com/file/57924/?rand=1533257> (дата обращения: 11.10.2013).
4. Дворкин А. Порнография. Мужчины обладают женщинами // Введение в гендерные исследования / под ред. И.А. Жеребкиной. – Харьков; СПб., 2001. Ч. 2.
5. Жеребкина И. Женская сексуальность в феминистской теории // Введение в гендерные исследования / под ред. И.А. Жеребкиной. Ч. 1. [Электронный ресурс]. – URL: <http://lib.znate.ru/docs/index-43648.html> (дата обращения: 11.10.2013).
6. Иригарэ Л. Пол, который не единичен // Введение в гендерные исследования / под ред. И.А. Жеребкиной. – Харьков; СПб., 2001. Ч. 2.
7. Красова Е.Ю. Андрогиния // Словарь гендерных терминов [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.owl.ru/gender/002.htm> (дата обращения: 12.11.2013).
8. Лауретис Тереза де. Американский Фрейд // Введение в гендерные исследования / под ред. И.А. Жеребкиной. – Харьков; СПб., 2001. Ч. 2.

9. Миллет К. Политика пола. [Электронный ресурс]. – URL: <http://accion-positiva.livejournal.com/106868.html> (дата обращения: 12.11.2013).
10. Муравьёва М.Г. История сексуальности // Словарь гендерных терминов. – URL: <http://www.owl.ru/gender/094.htm> (дата обращения: 12.11.2013).
11. Рубин Г. Обмен женщинами: заметки о «политической экономии» пола // Хрестоматия феминистских текстов / под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. – СПб., 2000.
12. Рубин Г. Размышляя о сексе: заметки о радикальной теории социальных политик // Введение в гендерные исследования / под ред. И.А. Жеребкиной. – Харьков; СПб., 2001. Ч. 2.
13. Сэджвик И. Эпистемология чулана // Введение в гендерные исследования / под ред. И.А. Жеребкиной. – Харьков; СПб., 2001. Ч. 2.
14. Фуко М. История сексуальности [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.gramotey.com> (дата обращения: 01.03.2013).
15. Юнг К.Г. Отношения между эго и бессознательным [Электронный ресурс]. – URL: <http://ru.scribd.com/doc/116231102/Юнг-К-Г-Отношения-между-эго-и-бессознательным> (дата обращения: 11.09.2013).

УДК 94(47).071/.072.5:358

А. М. Судариков

Подготовка русской артиллерии к войне против наполеоновской Франции

В статье рассматриваются вопросы, связанные с подготовкой русской артиллерии к борьбе с наполеоновской Францией. Освещается деятельность Павла I, Александра I и А.А. Аракчеева по реформированию отечественной артиллерии. Показаны нововведения, внедренные на Санкт-Петербургском Арсенале и Охтинском пороховом заводе в конце XVIII – начале XIX в., которые помогли выиграть в военно-экономическом противостоянии с Францией.

The article discusses issues related to the preparation of Russian artillery in the struggle against Napoleonic France. Emperor Paul I, Alexander I, A.A. Arakcheeva works on reform domestic artillery are highlighted. Innovations introduced at the St. Petersburg Arsenal and Ohtinskiy gunpowder factory at the end of XVIII – early XIX centuries., which helped to win the military-economic confrontation with France, are shown in the article.

Ключевые слова: реформирование артиллерии, совершенствование производства орудий, черного пороха, Павел I, Александр I, А.А. Аракчеев.

Key words: artillery reform, improvement of production guns, gunpowder, Paul I, Alexander I, AA Arakcheev.

В XVIII – начале XIX в. судьба военных кампаний и сражений всё чаще стала решаться силой огнестрельного оружия. К концу XVIII в. в военной науке чётко обозначились требования к русской армии: войска должны быть способны на проведение высокоманевренных, скоростных операций. Соответственно изменились и требования к военной технике. Могущество артиллерии на поле боя по отношению к другим родам войск стало наиболее значимым в начале XIX в. Главными требованиями к артиллерии были: обеспечить подвижность орудий, скорострельность и меткость стрельбы.

Вопрос о подготовке военной промышленности России к борьбе с наполеоновской Францией в отечественной историографии изучен недостаточно полно [1, с. 226–227]. Среди большого количества исследований, посвященных русской артиллерии, немного работ о том, как в Санкт-Петербурге создавалась огневая мощь русской армии в XVIII – начале XIX в.

До того как на российский престол взошел император Павел I (1796) он, будучи цесаревичем, создал в Гатчине особые войска, где проходили апробацию различные военные нововведения как по части организации военных подразделений, так и по части боевого применения различных видов оружия, в первую очередь артиллерии. В 1788 г. Павлом I были организованы пять рот, названные «батальоном его императорского величества». К началу его царствования так называемые «гатчинцы» составляли шесть батальонов пехоты, егерскую роту, три кавалерийских и один казачий эскадроны, команду пешей и конной артиллерии при 12 орудиях [2. Д. 884. Л. 518 об., 519 об.]. Сформированная в Гатчине образцовая артиллерийская рота, по мнению наследника престола, должна была являть собой воплощение передовой технической военной мысли и особо нуждалась в лёгких пушках. В 1783–1785 гг. для цесаревича в Санкт-Петербургском арсенале и Санкт-Петербургской артиллерийской лаборатории было изготовлено 14 лафетов с принадлежностью, один зарядный ящик, три артиллерийских сумы, сотни картузов с холостыми зарядами, скорострельных трубок и палительных свеч [29, с. 59].

В 1790 г. директор Артиллерийского и инженерного шляхетского кадетского корпуса генерал от артиллерии П.И. Мелиссино начал на Санкт-Петербургском арсенале опыты по усовершенствованию металла, используемого при изготовлении орудий. Первые опыты оказались неудачными. Так, поставленные в Гатчину весной 1792 г. новые артиллерийские орудия оказались негодными для стрельбы, поскольку их стволы имели много раковин. Главным специалистом по заделке раковин был назначен поручик артиллерии Фёдор Иванович Апрелев, который на то время состоял при Санкт-Петербургском арсенале в должности «капитана над мастерами» [19, с. 23]. Процедура устранения дефектов заключалась в следующем: сначала воском снималась форма раковины, затем отливалась соответствующая ей болванка из серебра, которая завинчивалась в раковину. Ф.И. Апрелев изобрел приспособление для завинчивания, оказавшееся весьма эффективным на практике. Это приспособление засекретили, а его самого сделали главным специалистом по устранению раковин [24, с. 59].

Поручик Ф.И. Апрелев не только удачно заделал раковины в орудиях, но и показал гатчинским артиллеристам, как надо стрелять. Будущий император лично заказал арсеналу изготовление новых образцов артиллерийского вооружения. Указом из канцелярии главной артиллерии и фортификации (КГАиФ) от 17 августа 1792 г. в Санкт-Петербургском арсенале было велено отлить для великого князя «под смотрением» Ф.И. Апрелева шесть шестифунтовых пушек и изготовить к ним лафеты и принадлежности [2. Д. 881. Л. 449].

Указом из КГАиФ от 15 сентября 1792 г. для Павла Петровича Апрелеву было поручено отлить еще шесть медных однофунтовых пушек с лафетом и принадлежностью [2, Д. 882. Л. 171, 172]. 29 сентября 1792 г. П.И. Меллисино получил указ КГАиФ об изготовлении под смотрением капитана над мастерскими Апрелева двух 12-фунтовых пушек с лафетами и принадлежностью [2, Д. 882. Л. 270]. Ф.И. Апрелеву же «было поручено выработать и отлить 1/4 пудовые единороги, 6 фунтовые и 12 фунтовые пушки, и притом такого веса, чтобы первые два калибра не превосходили 20 пудов каждый, а последний – 30 пудов» [20, с. 335]. Все поручения наследника российского престола были с успехом выполнены. В гатчинскую артиллерию 10 декабря 1792 г. поступили две 12-фунтовых и две 6-фунтовых пушки с принадлежностью, которые были первоначально размещены «на Каменном острове в манеже, при коих и обучали артиллерийский развод ежедневно» [4].

В результате гатчинская артиллерия, изготовленная на Петербургском арсенале, должна была стать артиллерией будущего. После четырёх лет напряжённой работы был определён оптимальный состав специального сплава для артиллерийских орудий: 7,5–10 % олова, остальное – красная медь. Качество орудий, отлитых из этого сплава в 1794 г., получило высокую оценку: «ни в каких частях оных ни малейших раковин не является, чрез это орудия наипаче к отдалению великих убытков и опасностей, от раковин бываемых, получили прямое свое достоинство» [20, с. 336]. Павел Петрович очень хотел оставить Ф. Апрелева в своём подчинении, однако поручик был незаменимым для русской артиллерии человеком и поступить в распоряжение наследника престола не мог [19, с. 60].

Курировать гатчинскую артиллерию по поручению П.И. Меллисино был определён его адъютант Алексей Аракчеев [19, с. 26–27], который впоследствии внёс значительный вклад в развитие отечественной артиллерии [17, с. 104–105]. Переписка по поводу оставления Ф.И. Апрелева в распоряжении цесаревича продолжалась и после приезда Аракчеева в Гатчину [2, Д. 884. Л. 570; 2, Д. 883. Л. 2, 2 об, 10; 19, с. 130–131]. А.А. Аракчеев неоднократно бывал на Санкт-Петербургском арсенале, будучи инспектором артиллерии и контролировал изготовление орудий, что способствовало улучшению деятельности арсенала и его технического переоснащения [20, с. 163].

Отлитые по заказу цесаревича Павла орудия значительно отличались по конструктивным особенностям от полевых орудий, принятых в то время на вооружение. Орудия для гатчинских войск имели более простую конструкцию лафетов и колёс, а также были оснащены передковыми ящиками для боеприпасов [3, Д. 17. Л. 15]. В войсках наследника также был определён новый подход к

организации работы артиллеристов, суть которого – строгая регламентация обязанностей канониров [25, с. 5].

Применявшаяся тогда гладкоствольная артиллерия была способна обеспечить один-два выстрела в минуту. Причиной тому – их конструктивные особенности и большое количество операций для приведения в боевую готовность. Для ускорения был пересмотрен весь алгоритм действий артиллерийского расчёта. Деятельность артиллерийской прислуги была расписана до мельчайших подробностей, что позволяло добиться автоматизма во время стрельбы. Канониры в соответствии с присвоенным им номером по командам выполняли соответствующие действия. В результате такого обучения скорость стрельбы была увеличена почти вдвое, переход орудия из походного положения в боевое и производство первого выстрела занимали всего 10 с. Тогда же впервые появилась конная артиллерия, в которой все номера расчёта были верховыми, что способствовало повышению мобильности артиллерийских подразделений [28, с. 21]. После восшествия на российский престол Павел I приказал вводить опыт гатчинских полков во всей армии.

Перспектива военного противостояния России и Франции уже на тот момент была более чем очевидной, поэтому необходимо было предпринимать радикальные меры. Победы французской армии, возглавляемой генералом Наполеоном Бонапартом (две итальянских кампании, египетский поход), показали, что новый подход к тактике ведения боевых действий, особенно в части использования артиллерии, применяемый Бонапартом, весьма эффективен. Новизна заключалась в отказе от линейного расположения артиллерии, которая сосредотачивалась там, где предполагалось массированное движение пехоты и кавалерии. Были организованы резервные артиллерийские подразделения. Материальная часть французской полевой артиллерии, созданная в 1770-х гг. на основе системы Ж.-Б. де Грибоваля, также продемонстрировала своё преимущество. Благодаря подвижности и маневренности в сочетании с полководческим талантом Наполеона артиллерия стала родом оружия, которое обладало большими возможностями для реализации значительных боевых задач [21, с. 170]. Это ставило вопрос о необходимости совершенствования русской артиллерии.

Гатчинская артиллерия создавалась с самого начала как мобильная, быстро меняющая свои позиции. Остальная же русская артиллерия передвигалась с большим трудом и к быстрой смене позиций не была способна [7, с. 137–138; 10, с. 163]. Гатчинские артиллеристы были обучены стрелять по конкретным целям. При этом использовались специальные приемы, устраняющие неудачные случаи при скорой стрельбе. Другие русские артиллеристы зачастую

были неспособны не только поражать конкретные цели, но и считали меткую стрельбу из орудий невозможным делом [24, с. 78].

Выяснилось, что технологические и организационные новшества, уже реализованные в гатчинской артиллерийской роте, и порядок, установленный в артиллерийских частях действующей армии, находятся в большом противоречии. Принятый регламент стрельбы орудиями гатчинской артиллерии был неприменим к пушкам, состоявшими тогда на вооружении российской армии из-за их большого веса. Как следствие встала необходимость создания лёгких, надёжных и способных к большей мобильности артиллерийских орудий. Применительно к гатчинской артиллерии впервые была предпринята попытка стандартизации деталей материальной части и сведение калибров одноименных орудий к единообразию. Распространение этих нововведений на всю русскую артиллерию позволяло быстро менять поврежденные детали.

Облегченные орудия нового образца, созданные для цесаревича Павла в 1792 г., через пять лет в 1797 г. были приняты на вооружение и вошли в состав полевой артиллерии. В связи с этим в 1798 г. Ф.И. Апрелев был назначен командиром Санкт-Петербургского арсенала [25, с. 5]. Этому назначению способствовала репутация одного из создателей гатчинской артиллерии и высочайший профессионализм в решении самых сложных вопросов.

Понимая значимость технических артиллерийских заведений в решении существующих проблем, А.А. Аракчеев инициировал их посещение императором Павлом I. Естественно, что венценосным вниманием был отмечен и Санкт-Петербургский арсенал, визит на который состоялся 7 апреля 1799 г. Вот как описывали это событие «Санкт-Петербургские ведомости»: «7-го апреля Император Павел присутствовал при литье орудий в С.П.Б. арсенале. За исправность и порядок, введенные по тому арсеналу Государь всемилостивейше оказать соизволил во первых свое благоволение инспектору артиллерии генерал-лейтенанту барону Аракчееву. Во вторых начальник арсенала артиллерии полковник Апрелев награжден Анной 2-й степени. Два мастера награждены чинами, два подмастерья и мастеровые, бывшие при литье, получили денежные награды» [20, с. 337].

К тому времени карьера А.А. Аракчеева резко пошла по восходящей: за два года он совершил рывок от петербургского коменданта до генерал-квартирмейстера. В январе 1799 г. А.А. Аракчеев был назначен инспектором всей артиллерии и сыграл важную роль в реформировании русской артиллерии [27, с. 52]. Принятые новые принципы организации артиллерии, новые способы применения ее в бою для всей русской артиллерии вывели ее из состояния отсталости и превратили ко времени начала Отечественной войны 1812 г. в самую эффективную артиллерию тогдашней Европы.

После поражения в двух войнах с наполеоновской Францией и заключения хрупкого Тильзитского мира 1807 г. Александр I начал военно-экономическую подготовку страны к новой войне. Важным шагом в этом направлении стало назначение одного из реформаторов отечественной артиллерии и эффективных управленцев России генерала А.А. Аракчеева военным министром 28 января 1808 г. Новый военный министр предпринял энергичные меры, направленные на улучшение качества оружия, повышение объемов производства пороха для армии и ткани для обмундирования солдат.

Производство российских полевых орудий было организовано на Санкт-Петербургском и Брянском арсеналах, Тульском, Ижорском и Казанском заводах. Эти предприятия специализировались на бронзовых пушках. Для крепостной и морской артиллерии был налажен выпуск чугунных орудий в Воронеже и в Петровском и Александровском заводах [14].

В основанном в С.-Петербурге в начале 1711 г. Пётром I Литейном дворе – будущем Арсенале, который стал средоточием всей русской военной и научной мысли в области артиллерии, штатная численность работавших в 1812–1814 гг. составила 20 штаб- и обер-офицеров и около 800 нижних чинов и мастеровых. Начальником Арсенала с 1799 г. был генерал-майор П.И. Тимлер [16, с. 639].

Основное производство было сосредоточено на части территории «Нового» и Делового дворов, которую называли «Новым Арсеналом». Из Петербургского арсенала поступала большая часть полевых орудий: за 1803–1818 гг. там было изготовлено 1255 новых пушек [10]. Здесь в 1811 г. был установлен паровой двигатель, приводивший в движение все токарные и сверлильные станки, совершенствовались осадные и полевые орудия, проектировали и изготавливали лафеты, определяли рациональные составы пушечных сплавов [12].

В производстве артиллерийских орудий главным нововведением начала XIX в. стал переход к многоразовой разъемной модели. Вместо деревянных моделей для отливок начали применять латунные и чугунные модели. Старый способ отливки пушек (когда пушку отливали целиком вместе с каналом ствола) заменили новым, при котором орудия отливали в виде сплошной болванки, а затем в ней высверливали канал ствола. В результате применения сверления канал ствола получался очень ровным, его поверхность оказалась чистой, без шероховатостей, наплывов и провалов. Такой метод получил название «глухого» и сохранялся до конца XIX в. [9].

Способ сверления канала ствола тоже претерпел важные изменения. Старые вертикально-сверлильные станки заменили горизонтально-сверлильными. При вертикальном положении ствола сверло находилось все время под значительным давлением оседающего на

него ствола и очень часто ломалось, заготовка с обломком сверла при этом обычно оказывалась испорченной и выбраковывалась. При горизонтальном же расположении ствола его надёжно крепили на специальных салазках, а сверло, не испытывая более излишних нагрузок, позволяло оперировать режимами механообработки в широком диапазоне, что значительно улучшало качество обработки. Позже сверлильную машину ещё усовершенствовали. Теперь сверло уже не вставляли в гнездо вала водяного колеса, а крепили на специальной тележке, надвигающейся на вращаемый водяным колесом или паровой машиной ствол по направляющим рельсам [22, с. 107].

Сложной была обработка орудийных цапф (выступов ствола, которыми орудие крепится к лафету). Ранее их обрабатывали вручную, на что уходило до 5–6 дней. Первые машины для обточки цапф, действовавшие от водяного колеса, появились во второй половине XVIII в. За сутки на такой машине обрабатывали до пяти орудийных стволов. В 1811 г. вместо водяного движителя применили паровые машины [8].

Основную массу полевых орудий делали из бронзы. Сплав назывался «артиллерийской бронзой», или «артиллерийским металлом», и состоял из 89–92 % меди и 8–11 % олова (чем больше калибр орудия, тем меньше олова). Бронза прекрасно лилась (т. е. хорошо затекала в формы, равномерно остывала без сильных усадок, образования раковин и иных скрытых дефектов), она замечательно подходила для механообработки и по сравнению с чугуном была менее подвержена риску разрыва. Бронзовые пушки были меньшей массы, чем чугунные. На практике ресурс бронзовых орудий был невысок: из-за накапливавшихся усталостных изменений в металле орудия разрывались на 500–600-м выстреле. Однако иных материалов, пригодных для изготовления орудий, в то время не было [22, с. 107].

Процесс изготовления артиллерийского орудия включал в себя формовку, отливку, сверление канала ствола, наружную обточку и окончательную ручную отделку. Получая наряд на орудия, завод получал и их чертежи, а также лекала. По этим чертежам изготавливали модели орудий. Обычно модель состояла из двух продольных частей, изготовленных из дерева, разделявших орудия как бы на две половины.

Формовка производилась в чугунных опоках, соединявшихся между собой с помощью болтов. В качестве формовочного материала употребляли обычный речной песок, смешанный с шерстью. После набивки опок модель вынимали, давали формам просохнуть и смазывали их специальными чернилами, состоявшими из сажи, огнестойкой глины и воды. На формовке орудия в зависимости от

его величины участвовали от 5 до 9 чел. Процесс продолжался 12 ч. Готовые формы отправляли в сушилку на двое суток, затем снова смазывали чернилами [9].

Обе половины опоки соединяли болтами. Специальным краном форму опускали в литейный чан, где с помощью отвеса ее приводили в строго вертикальное положение, на что уходило до 6 ч. От печи проводили борозду к резервуару, сложенному из кирпича и обмазанному внутри глиной. От резервуара к литейному чану проводили жёлоб из листового железа, в конце которого имелась воронка, установленная перпендикулярно середине орудия. В места соединения борозды с резервуаром и резервуара с жёлобом и воронкой устанавливали железные заслонки для регулирования притока бронзы. Во время заполнения формы рабочие наблюдали, чтобы металл лился медленно, непрерывной струёй и не касался стен формы. По наполнению формы бронзой ее оставляли остывать 12–20 ч, в зависимости от величины орудия. Затем разнимали части опок и, обмотав орудие канатом, поднимали его наверх, отбивали формовой песок и отвозили на заводскую площадь, где давали окончательно остынуть [22, с. 108].

Остывшее орудие направляли в сверлильный цех, где на специальном станке сначала отрезали литник, а затем сверлили канал ствола и производили его наружную обточку. Сверление пушек производили тремя свёрлами: проходным, калиберным и гладильным. В мортирах, кроме того, ещё несколькими свёрлами высверливали камеру для порохового заряда. Со второго сверления начинали одновременную обточку ствола снаружи. Цапфы (выступы, которыми ствол крепился к лафету) обрабатывали на особом обточном станке. Поверхность ствола между цапфами доводили вручную. После этого сверлили запал. Все эти операции занимали 3–4 дня [8].

В апреле 1808 г. была утверждена «Инструкция для приёма артиллерийских орудий». Каждый орудийный ствол осматривали и проверяли на предмет правильности изготовления канала ствола, расположения цапф, мушки, диоптра и размеров всех частей орудия. Затем орудие испытывали на прочность тремя выстрелами, а также «водяной пробой», для чего ствол ставили вертикально жерлом вверх и, налив в него воду, оставляли под грузом на 6 ч. Если после этого на наружной поверхности орудия выступала влага, то в нем имелись микроскопические трещины, и его браковали. На вооружение армии от завода принимали только те стволы, которые отвечали требованиям инструкции. Принятое орудие клеймили и отправляли на склад [27, с. 59].

Основной частью любого артиллерийского боеприпаса являлся пороховой заряд. В начале XIX в. российский порох производили пять заводов: два частных завода в Богородском уезде, Казанский и

Шостенский казенные заводы и Охтинский завод в Петербурге. Именно Охтинский пороховой завод, имеющий 200-летнюю историю, сыграл в истории производства отечественного пороха исключительную роль как центр научно-технических исследований в области взрывчатых веществ и порохов [9].

Для повышения качества продукции использовали «голландский» способ. Главное отличие нового способа заключалось в том, что в качестве основного агрегата использовали каменные жернова, которые были нужны для получения пороховой смеси большей плотности. Это делало порох устойчивым к длительному хранению без ухудшения свойств. По новой технологии порох не изготавливали в холодное время года. Пороховой состав в мороз плохо перемалывался, рассыпался, так как первоначальная смесь была влажной и замерзала на морозе. Другая хитрость – использование древесного угля из определённой породы дерева. Обычно это была крушина. Проверка качества пороха, изготовленного с использованием угля из других деревьев, показала, что самый лучший уголь – из серой ольхи, затем шёл уголь из осины и берёзы. В середине XVIII в. под руководством выдающихся мастеров порохового дела Егора Маркова и Ивана Леонтьева технологию производства усовершенствовали – ввели обработку тройной смеси под бегунами, что повысило плотность порохов и их стабильность при горении.

В конце XVIII в. в производство пороха внесли значительные улучшения. В частности, подобрали рациональное соотношение компонентов пороха (75 % калиевой селитры, 15 % древесного угля и 10 % серы) и усовершенствовали процесс его производства. Состав дымного пороха, установленный на основании работ М.В. Ломоносова 1749 г., не претерпел изменений до настоящего времени. В период 1801–1805 гг. в России производили около 50 тыс. пудов пороха в год, в 1807 г. его было выработано 112 тыс. пудов, а в предвоенные годы – до 100 тыс. пудов [11].

В 1808–1809 гг. были проведены широкие испытания русских порохов в сравнении с английскими, австрийскими, французскими и швейцарскими. Результаты испытаний показали, что по пробе в вертикальной мортирке и по гидростатической пробе русские пороха оказались в баллистическом отношении более сильными по сравнению с иностранными. Это свидетельствовало об их хорошо подобранном составе и совершенной технологии [23].

Охтинский завод использовал водяную силу («вододействующие фабрики»). Однако так как воды не хватало, то на заводе использовали также силу лошадей («сухопутные фабрики»). К началу XIX в. усовершенствовали технологию производства – ввели операцию измельчения компонентов под бегунами, смешение тройного

состава в деревянных бочках, полировку зёрен, что повысило плотность пороха и уменьшило его гигроскопичность.

В XIX в. Охтинский завод стал передовым предприятием в своей отрасли, крупнейшим пороховым заводом России, главным поставщиком различных сортов порохов для армии и флота. Работа на пороховых заводах была сезонной: её начинали 1 апреля и заканчивали 1 ноября. Исключая воскресные и «табельные» дни, работу вели в продолжение 170 дней. По данным за 1812 г., себестоимость пуда пороха на Охтинском заводе составляла 24 р. 22,75 к. [11].

15 апреля 1803 г. на Охтинском пороховом заводе произошёл крупнейший за время существования предприятия взрыв, погибло 18 чел. Александр I лично посетил завод после трагедии, назначил пенсии семьям погибших, а также принял решение перестроить предприятие. Перестройку завода в 1805–1807 гг. провели под руководством архитектора Ф.И. Демерцова. Указом Артиллерийской экспедиции ему предписали «строить на Охтинском заводе 20 сухопутных фабрик». В короткие сроки построили комплекс производственных и складских зданий, казармы, а также исправили плотину. Все взрывоопасные фабрики разместили по краям территории на значительном расстоянии друг от друга. Принципиальная схема завода была основана на регулярном расположении пороховых фабрик, стоявших перпендикулярно руслу реки Охты, перекрытой плотиной [9].

В 1804 г. Охтинский завод изготовил 26 тыс. пудов пороха. В 1806 г. на заводе работали около 1000 чел., а производительность его составила свыше 37 тыс. пудов в год [6]. С началом Отечественной войны 1812 г. все заводы получили новые увеличенные наряды. Теперь производство велось круглосуточно без праздников. При первоначальном наряде в 33,3 тыс. пудов Охтинский завод изготовил 42 тыс. пудов [13, с. 104], на что было затрачено 52 168 чел.-дн. За каждый рабочий день в условиях повышенной опасности, согласно предписанию А.А. Аракчеева, доплачивали по 10 к. Аракчеев ввел также премию за экономию расхода сырья (т. е. за уменьшение «упадка» – потерь селитры и серы). В 1812 г. Охтинскому заводу было выдано 4175 р., сэкономленных на сырье против установленного регламента [11].

Накануне Отечественной войны 1812 г. с целью улучшения организации снабжения армии оружием и боеприпасами, создания необходимых запасов были созданы артиллерийские парки. Всего в трёх линиях создали 58 парков. Парки первой линии имели свой транспорт и предназначались для снабжения дивизий. Они располагались в зоне дислокации армии. Парки второй линии своего транспорта не имели и были предназначены для пополнения парков

первой линии с помощью местного транспорта. Они располагались в 200–250 км от парков первой линии. Парки третьей линии были удалены от второй линии на 150–200 км и должны были восполнять их запасы с помощью местного транспорта. Отходя на восток, армия могла опираться на эти парки. Из донесения инспектора артиллерии, барона Меллера-Закомельского, на высочайшее имя от 22 июля 1812 г. за № 1313 известно, что в парках трёх линий было сосредоточено 296 580 артиллерийских снарядов и 44 млн боевых патронов, в которых пороха было 50.362 пуда. Всего запасы пороха в России насчитывали 314 217 пудов [5, с. 50].

Русская промышленность полностью обеспечивала потребности полевой армии в пушках и боеприпасах. Армия во время войны 1812 г. не испытывала недостатка в порохе. Об этом свидетельствует тот факт, что в 1813 г. Россия передала Пруссии 41 тыс. пудов пороха [13, с. 104]. Между тем известно, что одной из причин поражения Наполеона в «битве народов» под Лейпцигом стала нехватка у французов артиллерийских боеприпасов [15]. Русские войска такой проблемы не испытывали: пороха и боеприпасов для пехоты и артиллерии хватало.

Военная эпопея против наполеоновских войск оставила след в истории не только гениальными манёврами русской армии, неожиданными стратегическими и тактическими решениями воюющих сторон, но и боевым противодействием артиллерии. Среди тех, кто ковал силу русской артиллерии, были военные заводы Санкт-Петербурга. С началом Отечественной войны Арсенал почти вдвое увеличил выпуск орудий и более чем втрое – различных технических приспособлений к ним [12, с. 137]. Пушки Арсенала отражали атаки французов под Смоленском, громили противника на Бородинском поле, при Березине и в «битве народов» под Лейпцигом.

Список литературы

1. Абалихин Б.С. 1812 год на перекрестках мнений советских историков 1917–1987. – М., 1990.
2. Архив Военно-исторического музея артиллерии инженерных войск и войск связи (АВИМАИВиВС) Ф. ДКМ. Оп. 4.
3. АВИМАИВиВС. Ф. 57. Оп. 1.
4. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 728. Оп. 1.
5. Богданович М. И. История войны 1812 года. – М., 2012.
6. Большая Энциклопедия Нефти и Газа. – URL: www.ngpedia.ru
7. Греч Н.И. Записки о моей жизни. – М.; Л., 1930.
8. Загорский Ф. Н. Очерки по истории металлорежущих станков до середины XIX века. – М., 1960.
9. Каменев К.И. Историческое описание Охтинского порохового завода. – СПб., 1904.
10. Ливен Д. Россия против Наполеона: борьба за Европу, 1807–1814 / пер. с англ. А. Ю. Петрова. – М., 2012.

11. Лукьянов П.М. История химических промыслов и химической промышленности России до конца XIX века / под ред. С.И. Вольфовича. – Т. 3. – М., 1951.
12. Лурье Л. Завод «Арсенал» 300 лет. – СПб., 2011.
13. Мальцев Д.А. Обеспечение артиллерии промышленностью в Отечественную войну 1812 года // 1812 год в судьбах России и Европы: сб. тр. междунар. науч. конф. 6–7 дек. 2012 г. – СПб., 2012.
14. Материально-техническое обеспечение русской армии перед войной 1812 г. – URL: torvar.ru
15. Наполеон. Годы величия. Воспоминания секретаря Меневаля и камердинера Констана. – М., 2001.
16. Отечественная война 1812 года: энцикл. – М., 2004.
17. Полководцы, военачальники и военные деятели России в «Военной энциклопедии» Сытина. – Т. 1. – СПб., 1997.
18. Потапов В. Технология производства артиллерии и боеприпасов в Европе в XVIII – начале XIX вв. – URL: <http://www.privateers.ru/rigging-arma...ction.html>
19. Ратч В.Ф. Сведения об артиллерии Гатчинских войск. – СПб., 1851.
20. Родзевич В.М. Историческое описание Санкт-Петербургского арсенала за 200 лет его существования (1712–1900). – СПб., 1914.
21. Соколов О.В. Армия Наполеона. – СПб., 1999.
22. Судариков А.М. Вклад Санкт-Петербургского Арсенала в создание огневой мощи русской армии в Отечественной войне 1812 года // 1812 год в судьбах России и Европы: материалы междунар. науч. конф. 6–7 дек. 2012 г. – СПб., 2012.
23. Суханов И., Хабурзания М. Фабрикация и приемка дымного пороха XVIII–XIX вв. // Ружьё. – 1998. – № 5.
24. Томсинов В.А. Аракчеев. – М., 2003.
25. Чернецова К. Бородино: путь к победе // Арсенал. – 2012. – № 15.
26. Шильдер Н.К. Император Павел Первый. – М., 1996.
27. Широкопад А.Б. Тайны русской артиллерии. Последний довод королей и комиссаров. – М., 2003.
28. Юркевич Е.И. Артиллерия Гатчинских войск Великого Князя Павла Петровича (1783–1796) и ее влияние на развитие русской полевой артиллерии конца XVII – первая четверти XIX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – СПб., 2003.
29. Юркевич Е.И. Военный Петербург эпохи Павла I. – М., 2007. – С. 28.

Ставропольские калмыки в наполеоновских войнах 1807–1814 гг.

В статье рассматривается история участия ставропольских калмыков в наполеоновских войнах 1807–1814 гг. Представляя национальную конницу в составе русской армии, Ставропольский калмыцкий полк храбро сражался с французской армией, в боях и походах проявил мужество и отвагу, выполнил воинский долг.

The article examines the history of the Stavropol kalmyk participation in the Napoleonic wars 1807–1814 gg. Representing national cavalry in the Russian army, Stavropol kalmyk regiment fought bravely with the French army in battles and campaigns showed courage and bravery, performed military duty.

Ключевые слова: ставропольские калмыки, наполеоновские войны, русская армия, иррегулярная кавалерия, национальная конница.

Key words: Stavropol Kalmyks, napoleonic wars, Russian army, irregular cavalry, national horse.

Среди представителей национальной конницы, принявшей участие в составе российской армии в наполеоновских войнах, были ставропольские (крещенные) калмыки, составлявшие Ставропольский калмыцкий полк пятисотенного состава. В начале XIX в. иррегулярная кавалерия российского императора Александра I состояла из казаков и национальной конницы. В последнюю входили: башкиры, мишари (мещеряки), тептяри (представители сословия включавшего в себя народы Поволжья и Приуралья: башкир, татар, чувашей, марийцев, удмуртов, мордву), крымские татары, ногайцы, астраханские калмыки (буддисты) и ставропольские калмыки. Все они, за исключением ногайцев, приняли активное участие в наполеоновских войнах – Отечественной войне 1812 г. и Заграничном походе русской армии 1813–1814 гг. Ставропольские калмыки и башкиры, кроме того, участвовали в Прусском походе 1807 г., где успешно бились с французами в последних боях под Тильзитом.

В количественном отношении участие национальной конницы в походах против Наполеона выглядит следующим образом: 1807 г. – 20 пятисотенных команд башкир (10 тыс. чел.) и пятисотенный Ставропольский калмыцкий полк. В 1812–1814 гг. – 20 башкирских, 4 крымско-татарских, 2 мишарских, 2 тептярских, 2 астраханских

калмыцких, ставропольский калмыцкий полки – итого 31 пятисотенный национальный полк или 16,5 тыс. конницы.

Несмотря на свою кажущуюся архаичность, национальная конница активно использовалась военным командованием. На то были веские причины. Во-первых, это было конное войско, грозное для пехоты и мобильное. Во-вторых, комплектовалось, обмундировывалось и вооружалось оно, как правило, за свой счет (ставропольские калмыки и тептяри, всего три полка, имели вооружение и мундиры от казны). В-третьих, оно выполняло функции легкой кавалерии (гусар, улан, конных егерей), которой не хватало в русской армии. Это аванпостная служба, авангардные и арьергардные бои, сторожевое охранение, конвоирование пленных, сопровождение и обеспечение военных перевозок и почты, участие в блокадных действиях. Недостатком национальной конницы было наличие средневекового вооружения (у башкир лук и стрелы), слабая насыщенность огнестрельным оружием, плохое знание (или незнание) русского языка. Однако при сопоставлении мощи и размеров великой армии Наполеона, в которую вошли все силы Европы и Российской императорской армии, оно было не в пользу последней. Поэтому для укрепления армии императором Александром I было принято решение по пополнению русской армии полками национальной конницы.

Первые публикации, посвященные участию ставропольских калмыков в наполеоновских войнах, появились в начале XX в. Они были приурочены к 100-летию юбилею Отечественной войны 1812 г. В работах Е.Ч. Чонова и Г.Н. Прозрителева сообщался интересный фактический материал, но имелись и ошибочные суждения [18; 28].

К юбилею Отечественной войны, который широко отмечался в 1962 г., были изданы труды, связанные с участием национальной конницы в Отечественной войне 1812 г., в том числе и ставропольских калмыков [2; 11; 13]. Постепенно сформировалась региональная историография истории участия калмыков (астраханских и ставропольских) в военных походах российской армии, в том числе и участия в наполеоновских войнах – это работы К.П. Шовунова [28–30].

В последнее время интерес к истории участия национальной конницы, в том числе и ставропольских калмыков, в войнах вырос. Было опубликовано большое количество работ об участии Ставропольского калмыцкого полка и астраханских калмыков в войне с Наполеоном. Это работы Э.С. Джесюпова, С.В. Джунджузова, С.Е. Калинина, А.И. Попова, Р.Н. Рахимова, А.И. Сапожникова [5–10; 16; 19; 21; 22]. Наиболее значимыми, имеющими обобщающий характер, включающими в себя материал, в том числе и о калмыках в

составе войска Донского, являются монография и сборник документов, опубликованные К.Н. Максимовым и У.Б. Очировым [12; 23].

В настоящей статье рассматривается участие ставропольских калмыков в наполеоновских войнах – в Прусском походе 1807 г., Отечественной войне 1812 г., и Заграничном походе русской армии 1813–1814 гг.

Ставропольское калмыцкое войско было создано в конце 30-х гг. XVIII в. из калмыков, принявших православие, во главе с князем Петром Тайшиным. Они были переселены на Среднюю Волгу, в крепость Ставрополь, впоследствии город Ставрополь-на-Волге.

Формирование и отправка национальной конницы началась после получения указа Александра I от 9 ноября 1806 г. Оренбургскому военному губернатору князю Г.С. Волконскому предписывалось командировать в армию «из числа обитающего при хребте гор Уральских ирегулярного войска команды» в общем количестве 5 тыс. человек с чиновниками [26. Ф. 16. Оп. 227. Д. 2846. Л. 126–126 об.]. Речь шла о башкирах и пятисотенной команде ставропольских калмыков (560 чел. рядовых, вместе с чиновникам – 600 чел.). В Ставропольском калмыцком полку, согласно рапорту от 15 января 1807 г. его начальника, войскового атамана майора Баглюнова, состояло людей 599, а лошадей 1226 [26. Ф. 16. Оп. 227. Д. 2799. Л. 46]. 14 марта командование всеми национальными частями было возложено на генерал-лейтенанта И.И. Репина [26. Ф. 16. Оп. 227. Д. 2887. Л. 226].

4 июня 1807 г. с корпусом М.И. Платова соединились две башкирские команды и Ставропольский калмыцкий полк под общим командованием полковника князя А.В. Уракова. Они приняли участие в бою под Велау. 7 июня под Тильзитом в боевых действиях успешно участвовали ставропольские калмыки. За отличия были награждены войсковой атаман Ставропольского калмыцкого войска майор К.К. Баглюнов, полковой командир прапорщик И.М. Анчуков и зауряд-есаул В.Ф. Барышевский орденами Святой Анны III ст. [12, с. 274].

В связи с угрозой новой войны по императорскому указу от 7 апреля 1811 г. вместе с полками башкир и астраханских калмыков был сформирован Ставропольский калмыцкий полк [18]. Его численность определялась в 560 чел. рядовых при атамане. 25 мая полк выступил из Симбирска в Муром, куда прибыл 5 июля. В полку насчитывалось 540 рядовых, 17 обер-офицеров, 20 урядников, писарь, всего 578 чел. при 578 строевых и 600 вьючных лошадях. Во время перехода полк оставил 7 чел. больных в госпиталях. 15 июля полк прибыл в Покров Владимирской губернии. После 21 июля совместно с 1-м Башкирским полком вышел на Серпухов, куда прибыл 26 июля и где провел зиму 1811–1812 гг.

Насколько трудным был переход, мы видим из рапорта командира полка Московскому военному губернатору от 20 июля 1811 г. В нём он сообщал, что лошади на «марше прокормление имели только одним подножным кормом, и то во многих местах отводились худые пастбища, отчего и лошади пришли несколько в худобу <...> всепокорнейшее прошу <...> об отводе для прокормления состоящих при вверенном мне полку лошадей, хороших пастбищных мест» [26. Ф. 16. Оп. 227. Д. 4643. Л. 111–111 об]. Вновь начались проблемы с кормом для лошадей. Обыватели при приближении полка объявляли, что «в их дачах вовсе никакого подножного корма не имеется» [17, с. 100].

Из-за недостатка фуража и провианта между местным населением и калмыками и башкирами начались недоразумения. Местное население, кстати, также проявляло ничем не объяснимую агрессивность. Так, 15 сентября в д. Дракиной дьячок с. Секино Серпуховского уезда Никифор Сосипатров сначала, оскорбляя калмыков, спровоцировал их на конфликт, а затем, вооружившись рычагом, убил одного из них [17, с. 102–103]. Все это привело к отстранению от командования полком его командира подпоручика Д.Ф. Барышевского и к подчинению временно калмыков командиру 1-го Башкирского полка майору В.Ф. Добровольскому. С конца 1811 г. Ставропольский калмыцкий полк возглавил капитан Оренбургского гарнизонного полка (с 16 декабря 1812 г. майор) Павел Иванович Диомидий, происходивший из греков. Он был командирован из Оренбурга к Ставропольскому полку 4 августа 1811 г. [20. Ф. 489. Оп. 1. Д. 5706. Л. 3]. Вместе с калмыками этот офицер, участник русско-турецкой войны (1808–1809) прошел боевой путь в 1812–1814 гг. Впоследствии Диомидий дослужился до чина генерал-майора, в 1824 г. был уволен от службы и жил в Оренбурге, где и умер. Уже после его смерти, в 1831 г., вдове была вручена грамота на орден Святой Анны II степени за «оказанное отличие в сражениях противу французских войск в 1813 году» [25. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 1094. Л. 1]. Прежний командир калмыков, Дмитрий Федорович Барышевский, оставался с полком. Он дослужился до чина подполковника и во главе Ставропольского калмыцкого полка в 1824 г. встречал императора Александра I во время его путешествия в Ставрополе.

27 февраля 1812 г. последовал приказ военного министра «полкам Башкирскому 1 и Ставропольскому калмыцкому выступить немедленно и следовать к Вильне под команду генерал-лейтенанта Эссена 1-го». 11 марта полк вышел из Серпухова в поход до Вильны, и по прибытии был оставлен в окрестностях города [14, с. 220]. На момент выступления в поход в полку было: обер-офицеров 18, урядников 20, рядовых 522, а всего 560 чел. Лошадей

строевых 558, вьючных 574. 16 марта полк прибыл в Можайск, 30 в Смоленск, 6 апреля в Оршу. В окрестности Вильно калмыки прибыли в конце апреля [1, с. 257]. В начале мая полк был направлен к Белостоку для несения пограничной службы по р. Неман. Приказом от 4 июня Ставропольский калмыцкий полк вошел в летучий казачий корпус генерала от кавалерии М.И. Платова.

Первое столкновение калмыков с французами произошло 16 июня 1812 г. под Гродно во время арьергардного боя. 21 июня полк участвовал в арьергардных боях у Вороново и Вишнево, Закревщизне.

Вместе с донскими казаками и башкирами Ставропольский калмыцкий полк участвовал в известном сражении под Миром 27–28 июня [24, с. 24]. За эти бои и за бои 2 июля при Романове капитан П.И. Диомидий был произведен в следующий чин (это произошло лишь 28 января 1813 г., когда уже майор Диомидий стал подполковником), а зауряд-есаулы В.А. Дарджаев и Н.И. Дандаров, зауряд-сотники С.А. Медечиев, В.М. Лекбедондоков и Г.А. Соломов в августе 1812 г. получили действительные офицерские чины – хорунжих [12, с. 308].

23 июля полк вошел в состав летучего корпуса генерал-адъютанта, генерал-майора, барона Ф.Ф. Винцингероде. Кроме него в корпус входили: Казанский драгунский, донские – Иловайского 4-го, Иловайского 12-го, Родионова 2-го – полки [16, с. 13]. Впоследствии состав корпуса расширился и менялся.

27 июля отряд совершил нападение на г. Велиж. Ставропольский калмыцкий полк наступал по Витебской дороге, ворвался в город и «своим неожиданным нападением привел неприятеля в расстройство» [15, с. 163].

С 13 августа по 3 сентября полк участвовал в боевых столкновениях с противником в районе между Смоленском и Москвой. За отличия в боях при г. Велиже и Звенигороде зауряд-сотник С.А. Медечиев был награжден орденом Святой Анны III степени, а зауряд-сотники Г.В. Ильцхаев и Ф.И. Шарапов стали чиновниками 14-го класса [12, с. 328]. В рапорте от 10 сентября 1812 г. Ф.Ф. Винцингероде отметил наградами урядников Ивана Баяртуева, Степана Лузанова, Андрея Дамбаева, Федора Сагажиева; казаков Григория Нартаева, Ивана Санжаева, Алексея Кучелева, Сидора Шарапова, Василия Габунова, Ивана Болоша-Закбаева, Алексея Нимкуева, Алексея Чекаева, Осипа Бадмаева, Дмитрия Соломова, Ивана Хотопова, Николая Лаузанова, Ивана Нориева, Афанасия Аргабаева, «отличившихся в деле против неприятеля с 22 июля по 9 сентября 1812 г.» [2, с. 147].

1 октября полк воевал под Дмитровом, 11 октября полк освободил г. Рузу, 12 октября выступил для преследования отступающего противника от Москвы до Смоленска и участвовал в боях у Дорогобужа и Духовщины 27–29 октября.

С 17 ноября полк находился в корпусе генерала от кавалерии графа П.Х. Витгенштейна в отряде генерал-адъютанта П.В. Кутузова. Калмыки, находясь в авангарде войск Витгенштейна, преследовали противника и участвовали в боях под Вильно. За удачные боевые действия майор Диомидий и хорунжий Н.И. Дандаров были представлены к ордену Святого Владимира IV степени. С 29 ноября по 4 декабря полк преследовал отступавшую французскую армию по дороге от Вильно к Ковно. 26 декабря вошел в Тильзит.

С 3 января по 2 февраля 1813 г. Ставропольский калмыцкий полк (242 чел.) находился в числе войск, участвовавших в блокаде Данцига. Часть полка была в конвое у П.Х. Витгенштейна: 1 штаб, 5 обер-офицеров, 12 урядников, 23 рядовых [20. Ф. 846. Оп. 16. Д. 3844. Ч. 1. Л. 421. На 21 января 1813 г.]. 2 февраля полк перешел в состав авангарда его армии. 20 февраля полк, находясь в составе авангарда под командованием генерал-майора князя Г.Н. Репнина-Волконского, участвовал в боях за Берлин. С 1 по 20 марта калмыки находились при блокаде крепости Кюстрина, 24 марта, войдя в состав отряда генерал-лейтенанта графа Э.М. Сен-При в блокаде крепости Глогау.

С 20 апреля по 22 мая Ставропольский калмыцкий полк, находясь в авангарде корпуса генерала от инфантерии М.А. Милорадовича, принял участие в сражениях под Люценом, Дрезденом и Бауценом и арьергардных боях.

6, 8, 9, 11 августа Ставропольский калмыцкий полк (349 чел.), находясь в Силезской армии Г.Л. Блюхера, участвовал в боях под г. Лен [12, с. 358]. За проявленную храбрость есаул В.А. Даржаев был награжден орденом Святой Анны III степени, урядник Федор Кадыйсанов произведен в следующий чин. 13–16 августа полк участвовал в бою при м. Гиршберг и в стычках при переправе противника через р. Бобр.

С 28 августа по 1 сентября, находясь в отряде генерал-майора Д.М. Юзефовича, полк участвовал в боях при м. Лебау и Хохкирхен. 3 сентября калмыки воевали при м. Пуцкау. С 21 по 27 сентября калмыки участвовали в боях при м. Доличе, Пидне, Цинне, Заптиц, Шильда.

С 4 по 7 октября 1813 г. Ставропольский калмыцкий полк участвовал в сражении под Лейпцигом. В ноябре-декабре 1813 г. полк (на 29 ноября – 225 чел.), находясь в корпусе генерала от

инфантерии графа А.Ф. Ланжерона, участвовал в преследовании отступавшего противника [4, с. 255–256].

С 24 декабря 1813 г. по 11 апреля 1814 г. Ставропольский калмыцкий полк принял участие в блокаде крепостей Майнц и Кастель. Французский гарнизон не сдавался, делал вылазки. Здесь, при блокаде, отличились есаул В.А. Даржаев, получивший монаршее благоволение, и хорунжий И.П. Батырев, награжденный орденом Святой Анны III степени 4 мая 1814 г. Есаул Даржаев в это время командовал полком, поскольку уже с апреля 1813 г. подполковник Диомидий находился на должности командира бригады, в которую входил полк.

Известно, что часть калмыков служили в конвоях у генералов. Так, адъютант генерал-адъютанта барона Ф.К. Корфа сотник С. Медечиев принял участие в сражении при Фер-Шампенуазе и был награжден орденом Святой Анны III степени. Он же был единственным калмыком Ставропольского полка вступившим в Париж [12, с. 369].

Ставропольские калмыки за одержанные победы получили коллективное отличие. В 1814 г. в ознаменование взятия Парижа офицеры Ставропольского калмыцкого войска по примеру Донского казачьего войска вместо бывших у них серебряных жгутов получили серебряные эполеты [3, с. 5–8].

После окончания боевых действий полк отправился на родину в составе колонны казачьих полков генерал-майора Денисова 7-го. Маршрут колонны: 17 мая – Нассау, Висбаден, Франкфурт, Лейпциг, Торгау, Гофертен, Глогау, Калиш, Колдова, Домбровице, Полоцк, Новоместо, Пултуск, Ломжа, Букталь, Гродно – 8 августа 1814 г. Из Гродно вместе с 7-м, 10-м, 14-м Башкирскими полками под командой полковника В.А. Углецкого калмыки направились к Симбирску, оттуда в Ставрополь.

Список литературы

1. Акты, документы и материалы для политической и бытовой истории 1812 г. Т. 1 // Сб. рус. ист. об-ва. – 1909. – Т. 128.
2. Беликов Т.И. Калмыки в борьбе за независимость нашей Родины. – Элиста, 1995.
3. Висковатов А.В. Историческое описание одежды и вооружения Российских войск. – СПб., 1901. Ч. 18.
4. Война 1813 года. Материалы ВУА. – СПб., 1914.
5. Джесюпов Э.С. Ставропольский калмыцкий полк в Отечественной войне 1812 г. // Археография Южного Урала: Материалы VII Межрег. науч.-практ. конф. – Уфа, 2007. – С. 51–55.
6. Джесюпов Э.С. Участие Ставропольского калмыцкого полка в Отечественной войне 1812 г. и Заграничном походе русской армии 1813–1814 гг. // Альманах Центра общественных экспертиз. – 2008. Вып. 2. С. 197–203.

7. Джесюпов Э.С. Национальные воинские формирования в Отечественной войне 1812 г. (на примере калмыцких и башкирских полков) // Сб. науч. ст. адъюнктов Военного ун-та. – 2009. – № 17. – Ч. 1. – С. 98–112.
8. Джесюпов Э.С. Предпосылки и особенности создания национальных воинских формирований в русской армии накануне Отечественной войны 1812 г. // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. – 2010. – № 2. – С. 60–64.
9. Джунджузов С.В. Калмыки в Среднем Поволжье и на Южном Урале (середина 30-х годов XVIII – первая четверть XX в.). – Оренбург, 2011.
10. Калинин С.Е. Ставропольское калмыцкое войско // Заграничные походы российской армии. 1813–1815 годы: энцикл. – М., 2011. – Т. 2. – С. 462–463.
11. Калмыки в Отечественной войне 1812 г.: сб. док. – Элиста, 1964.
12. Максимов К.Н., Очиров У.Б. Калмыки в наполеоновских войнах. – Элиста, 2012.
13. Матвиевский П.Е. Оренбургский край в Отечественной войне 1812 г. – Оренбург, 1962.
14. Отечественная война 1812 г.: материалы Военно-ученого архива. – СПб., 1908. – Т. X.
15. Поликарпов Н.П. Боевой календарь-ежедневник Отечественной войны 1812 г. Ч. I. Перечень боевых столкновений русских армий с 4 июня по 31 авг. 1812 г. // Тр. Моск. отдела императорского Рус. воен.-ист. об-ва. – М., 1913. – Т. IV. Материалы по Отечественной войне.
16. Попов А.И. «Летучий корпус» генерала Ф. Винцингероде в 1812 г. – М., 2011.
17. Прозрителев Г.Н. Военное прошлое наших калмыков // Тр. Ставропольской уч. архивной комиссии. – Ставрополь, 1912. Вып. 3, переизд. – Элиста, 1990.
18. Полное собрание законов Российской империи. – Собр. 1. – Т. XXXI. – № 24583.
19. Рахимов Р.Н. Национальная конница императора Александра I в наполеоновских войнах. 1807–1814 гг. – М., 2013.
20. Российский государственный военно-исторический архив. – М. (РГВИА).
21. Сапожников А.И. Войско Донское в наполеоновских войнах. Кампании 1805–1807 гг. – СПб., 2008.
22. Сапожников А.И. Войско Донское в Отечественной войне 1812 г. – СПб., 2012.
23. Участие калмыков в наполеоновских войнах: сб. док. и материалов. – Элиста, 2012.
24. Харкевич В. Действия Платова в арьергарде Багратиона в 1812 г. Кавалерийские бои при Мире и Романове. – СПб., 1901.
25. Центральный исторический архив Республики Башкортостан, г. Уфа. (ЦИА РБ.)
26. Центральный исторический архив Москвы (ЦИАМ).
27. Чонов Е.Ч. Калмыки в русской армии. XVII в., XVIII в. и 1812 год. – Пятигорск, 1912, переизд. – Элиста, 2006.
28. Шовунов К.П. Во славу Отечества. – Элиста, 1990.
29. Шовунов К.П. Калмыки в составе российского казачества (вторая половина XVII–XIX вв.). – Элиста, 1992.
30. Шовунов К.П. Очерки военной истории калмыков (XVII–XIX вв.). – Элиста, 1991.

Анализ боеготовности морских частей пограничных войск НКВД СССР к лету 1941 г.

В статье анализируется качественный и количественный состав, базирование и боеготовность морских частей пограничных войск НКВД СССР к лету 1941 г.

This article analyses the qualitative and quantitative structure, basing and alertness of marine frontier-guard in summer 1941.

Ключевые слова: моряки, военный корабль, катер, пограничные войска, война, Военно-морской флот, Великая Отечественная война, автор, период.

Key words: seaman, warship, cutter, frontier troops, war, navy, Great Patriotic War, author, period.

Боевая готовность – это состояние, определяющее степень подготовленности войск к решению возложенных на них боевых задач. Под боевой готовностью частей и подразделений следует понимать прежде всего их способность немедленно приступить к решению боевых задач в соответствии с целью, замыслом и обстановкой [32].

Боеготовность морских частей пограничных войск НКВД СССР перед Великой Отечественной войной изучали многие авторы и исследователи, например, такие как А.В. Платонов [14], В.С. Бирюк, С.С. Бережной [2], А.Н. Брижик, Н.И. Макаров [5], А.Б. Широкопад [31] и многие другие. Исследование этой темы имеет очень важное значение для решения вопросов боеготовности сегодняшних морских пограничных частей.

Боеготовность морских частей пограничных войск НКВД СССР летом 1941 г. была проверена вражескими захватчиками в боевых условиях, поэтому очень важно досконально и всесторонне изучить этот вопрос, чтобы преумножить положительный результат и не допустить отрицательного.

Ко второй половине 30-х гг. XX в. уже на должном уровне было обеспечено строительство и снабжение новыми кораблями морских частей пограничных войск, однако полностью заменить корабельный состав морских пограничных сил не удалось. Всего к маю 1941 г. на вооружении пограничных войск НКВД СССР стояло 11 сторожевых кораблей, 394 сторожевых катера, 415 служебных

катеров и 59 вспомогательных катеров и судов, т. е. 878 единиц судового состава [12, с. 106].

Крупнейшим пограничным сторожевым кораблем (ПСКР) в составе советского флота был «Бриллиант». Головной корабль серии был заложен в октябре 1934 г. в Ленинграде на заводе № 190 под наименованием «ПСК-303», заводской № 484. Спущен на воду 5 ноября 1935 г., а 6 июня 1937 г. вступил в строй. После перевода по Беломорско-Балтийскому каналу на север, он вошел в состав 1-го Северного отряда пограничных судов под названием «Бриллиант». 23 июня 1941 г. судно было отоброшено в качестве сторожевого корабля под бортовым № 29 [14, с. 266]¹. Остальные пограничные сторожевые корабли едва ли можно было назвать современными. Основу корабельных сил Дальнего Востока составляли два сторожевых корабля: т. «Дзержинский», построенный в Италии в 1934 г., «Коралл» (б. СКР «Президент Сметона» ВМС Литвы) постройки 1917 г., бывший германский.

Основу корабельного состава морских пограничных сил составляли катера, которые выигрывали в маневренности у больших надводных кораблей. Быстроходные, хорошо вооруженные, они имели большой радиус плавания и хорошую устойчивость, могли вести бой как с авиацией и надводным флотом, так и с подводными лодками противника.

Основным типом пограничных катеров в СССР был «Морской охотник», наиболее распространён был МО-4. В частности, в составе 6-го (Ораниенбаумского), 34-го (Ленинградского) и 33-го (Ладожского) морских пограничных отрядов Балтики находились 19 катеров МО-4, 24 рейдовых катера «КМ» и несколько более мелких катеров и плавсредств. В составе МПО Черного моря находилось 39 катеров МО-4, из них 30 в составе Грузинского и 9 в составе Черноморского ПО. Ещё два катера МО-4 и четыре небольших катера МО-3 входили в состав Азовского ПО. Кроме того, в состав Черноморского ПО входил катер МО-1. На Севере в морпогранохране катера МО не использовались, на Дальнем Востоке в составе Дальневосточного отряда ПО находились 47 катеров [31]. На Черное и Каспийское моря катера переводились по внутренним водным путям, а на Дальний Восток доставлялись по железной дороге до Владивостока и далее развозились на транспортах Владивостокского морского пароходства. Кроме Ленинграда, катера этого типа поставляли Мурманская,

¹ Основные ТТХ ПСКР «Бриллиант»: водоизмещение, т: стандартное 424; нормальное 550, полное 580; главные размерения, м: длина наибольшая 62, ширина наибольшая 7,2, осадка наибольшая 3. Высота над ватерлинией, м: верхней палубы 1,69, палубы полубака 3,65, ходового мостика 8 клотика 17,3; скорость хода наибольшая 17,22 узлов; дальность плавания 3500 миль [14, с. 264].

Бакинская и Хабаровская судостроительные и судоремонтные предприятия [14, с. 48]. Перед войной было построено 200 катеров типа МО-4 [31, с. 91].

«Морские охотники» еще в течение пяти лет после Великой Отечественной войны оставались основным типом корабельно-катерного состава морской пограничной охраны.

Таким образом, корабельный состав морской пограничной охраны СССР в целом соответствовал предъявляемым требованиям. Следует отметить унификацию пограничных кораблей и катеров с аналогичными кораблями в составе РКК ВМФ. Это не только упрощало базирование и техническое обслуживание боевых единиц, но и было призвано максимально упростить процесс мобилизации пограничных кораблей в военный флот с началом крупномасштабных боевых действий. Но одновременно это приводило к тому, что пограничные корабли имели те же самые проблемы, что и корабли в составе советского военного флота: ненадежную связь, отсутствие радиолокации и гидролокации. Последнее было особенно неприятно для пограничных кораблей.

Понимая это, партийно-государственное руководство СССР прилагало немало усилий не только для количественного, но и для качественного усиления частей морпогранохраны. Достигнуть это можно было только постоянной модернизацией имеющейся техники и вооружения. Так, накануне войны начались мероприятия по обеспечению пограничных войск современной техникой связи.

Советско-финляндская (1939–1940) война наглядно показала, что в этой области РКК ВМФ и другие силовые структуры СССР испытывали значительные проблемы. В 1939 г. на 90 % были выполнены работы по сооружению мощных радиоузлов на Камчатке, Сахалине, в Хабаровске, Мурманске и Даурии. В апреле 1941 г. завершился монтаж антенных полей и аппаратуры на приемном центре в Москве (территория совхоза «Коммунарка») и передающего центра в Воронцовском парке, на юго-западе Москвы. Таким образом, хотя правительство СССР выделило 10 млн р. на строительство инженерно-технических сооружений вдоль линии западной границы, связью там она была обеспечена, однако общее состояние связи в пограничных войсках Советского Союза оставалось на низком уровне. Из 1747 застав и береговых постов только 437 были оснащены надежной связью [10, с. 49]. Как основное средство связи использовалась проводная связь. В Карело-финском, Мурманском, Белорусском, Ленинградском и Украинском округах связь с отрядами поддерживалась по телеграфно-телефонным линиям, а в Дальневосточном, Среднеазиатском и Закавказском округах не соответствовала должному качественному уровню передачи связи, так как эксплуатация проходила по расписанию. К 1941 г. радио-

связь как основное средство связи применялась только в морских частях, на кораблях, а также в частях, дислоцированных на Памире [10, с. 50].

Учитывая тот факт, что морские пограничники постоянно, даже в мирное время, выполняют боевую задачу, руководство страны стремилось пополнить их ряды исключительно качественным личным и командным составом. Огромное значение при комплектовании морских частей пограничных войск Союза имело принятие Верховным Советом СССР закона от 1 сентября 1939 г. о всеобщей воинской обязанности, согласно которому был снижен призывной возраст для граждан, окончивших среднюю школу, до 18, а остальных – до 19 лет и установлен четырехлетний срок службы в частях морской пограничной охраны [10, с. 74]. Благодаря этому новому отбору призывников количество новобранцев со средним образованием увеличилось, что способствовало более быстрому освоению и качественной эксплуатации сложной корабельной техники. С 1938 по 1939 г. общее количество пограничников увеличилось более чем на 50 тыс. чел.

Определённые проблемы в морских пограничных частях существовали с начальствующим составом. Согласно документам, на 1 мая 1941 г. в составе командных кадров сухопутных и морских частей пограничных войск имели среднее военное образование: 49,9 % – командные кадры; 30,4 % – политические. Закончивших курсы от трех до девяти месяцев: 18,2 % – командные кадры; 29,9 % – политические. Не имеющих военной подготовки: 33,3 % – командные кадры; 39,1 % – политические [27. Л. 125]. К началу войны пограничники 1-го Северного отряда пограничных судов имели образование в среднем 6–8 кл. [29. Л. 1].

Эти данные показывают, что командные и политические кадры морских частей пограничных войск на тот момент не имели должного образования и нуждались в повышении образовательного уровня.

Важнейшим фактором повышения боеготовности частей и кораблей морпогранохраны была всемерная интенсификация подготовки личного и командного и политического состава, боевая учёба. К этому же подталкивало и увеличение численности кораблей, формирование новых частей и подразделений, а также создание шести новых пограничных округов. Между тем укомплектованность новых частей морпогранохраны командным составом к началу 1939 г. не превышала 30 %.

Предвидев такое развитие ситуации, командование морских частей пограничных войск начиная с 1937 г. объявило мобилизацию специалистов, окончивших морские политехникумы, – механиков и штурманов с сокращенной морской переподготовкой, но эти меры не смогли коренным образом изменить ситуацию.

Главное управление пограничных войск вынуждено было в 1939 г. призвать из запаса на военную службу в пограничные силы 1 384 чел., набирать с краткосрочных курсов и назначать на должности начальствующего состава военнослужащих без достаточной военной подготовки. Учиться приходилось, что называется, «с колёс», непосредственно в процессе выполнения боевых задач. Так что вопросы боевой учёбы в морских пограничных частях стояли не менее остро, чем на военном флоте.

На новом уровне шла подготовка младших морских специалистов морских частей. До 1936 г. личный состав морских частей пограничных войск проходил подготовку в школах и учебных отрядах ВМФ. 30 августа 1940 г. был сформирован учебный отряд морских пограничных частей в Анапе (начальник отряда капитан III ранга А.И. Сидляр). В состав отряда вошли школы по подготовке комендоров, мотористов, радиотелеграфистов, а также курсы воентехников и дивизион учебных катеров. В октябре 1940 г. в стенах этих школ начали обучение 820 курсантов.

14 ноября 1930 г. в Ленинграде была создана 1-я школа пограничной охраны и войск ОГПУ [28. Л. 1]. На её строительство было выделено 10 млн р. [19, с. 48]. Здесь же существовали курсы политических работников на 500 мест [24. Л. 234]. К началу Великой Отечественной войны из стен учебного заведения вышло 4 тыс. подготовленных политработников и командиров [4, с. 186].

В соответствии с приказом НКВД СССР № 255 от 23 июня 1940 г. было создано Ленинградское военно-морское пограничное училище. Начальником его был назначен капитан II ранга А. Садников. Курсы переподготовки начсостава упразднили. С 1 сентября 1940 г. это учебное заведение начало четырехлетнее обучение курсантов, в дальнейшем – лейтенантов командного и инженерного состава морской пограничной охраны. Также в училище существовали трехгодичные курсы переподготовки командиров катеров-охотников, которые не имели военно-морского образования и двухгодичные курсы политруков [26. Л. 1–15].

В училище принимались лица со средним образованием и только при недостатке кандидатов – с образованием 9 кл. [10, с. 279]. Основной курс подготовки соответствовал образовательной программе Военно-морского училища им. Фрунзе.

С 1939 г. во всех военных учебных заведениях началась реконструкция программ и учебных планов. Происходило укрепление кадрами преподавательского состава. К 1941 г. около 70 % командно-преподавательского состава военно-учебных заведений имели среднее и высшее образование [13, с. 315].

Таким образом, правительством СССР были предприняты шаги для увеличения образовательного уровня личного состава морских частей пограничных войск НКВД СССР.

Курсанты училищ перед Великой Отечественной войной, согласно Директиве начальника Морского отдела ГУПВ НКВД № 19/92564, регулярно проходили стажировку на пограничных кораблях и нередко в боевых условиях, что способствовало приобретению необходимых навыков [22. Л. 4]. Так, перед самой войной, 19 июня 1941 г., из Военно-морского пограничного училища прибыли для прохождения стажировки на пограничных кораблях «Сапфир», «Рубин» и «Нептун» 32 курсанта [22. Л. 39].

На пограничных кораблях стажировались не только курсанты-пограничники, но и обучающиеся в стенах училищ Рабоче-крестьянского Красного военно-морского флота. Например, 7 апреля 1941 г. на практику в распоряжение начальника морской пограничной охраны Северного ВМФ был отправлен курсант Военно-морского инженерного училища ордена Ленина им. Дзержинского Н.А. Некрасов [22. Л. 5].

От начальников училищ поступали просьбы и о специфичности прохождения стажировки их подопечными курсантами. 16 июня 1941 г. начальник Военно-морского пограничного училища писал командиру Мурманского отряда пограничных судов капитану II ранга А.И. Дианову: «Для прохождения летней практики курсантами 1-го курса прошу разрешить проходить ее только на больших кораблях, что соответствует поставленным учебным целям» [22. Л. 39]. По возможности эти просьбы удовлетворялись, что позволяло курсантам проходить стажировку именно по той специальности, которой они обучались. Некоторые курсанты были направлены на пограничные корабли на практику с последующим прохождением дальнейшей службы [22. Л. 7].

Приятые меры позволили до определённой степени решить проблему укомплектованности частей и кораблей морпогранохраны необходимыми кадрами, а также повысить общую боеготовность кораблей, катеров и соединений.

Однако существовали проблемы, решение которых было вне компетенции руководства морпогранохраны. Её структуры не обошли стороной репрессии второй половины 30-х гг. XX в. В соответствии с данными отдела по начальствующему составу ГУПВ НКВД СССР, в 1939 г. были уволены или арестованы 11 начальников войск пограничных округов и их заместителей, 54 начальника отделов и отделений округов, 4 начальника пограничных отрядов и 12 начальников штабов отрядов. Эти потери были невозможны [18, с. 26, 27]. Репрессии сильно ослабили пограничные войска. К 1941 г. стаж нахождения в должности до года имели: 87 % – начальники по-

гранвойск округов, 53 % – начальники погранотрядов. Остальные начальники занимали свои должности от одного года до двух лет [26. Л. 5]. Можно сказать, что потери морских пограничников в ходе репрессий стали не столько количественными, сколько качественными.

Приказ НКВД СССР от 15 июля 1937 г. № 274 унифицировал знаки различия военнослужащих войск НКВД с армейскими. В 1938 г. войскам было предписано ношение формы одежды по образцам, принятым в РККА, с зелеными фуражками, петлицами на воротниках и кантами.

Морские части пограничных войск имели на вооружении прежнюю форму одежды рядового состава. Введена была только черная бобриковая ватная шапка-ушанка. Командный состав имел: белый и синий кители, черную тужурку с жилетом и пальто английского покроя. Знаки различия – полосы и пятиконечная звезда из красного сукна на левом рукаве – имели светло-зеленую окантовку. Старшинский состав носил фуражки с козырьком.

Были утверждены латунные бляхи с изображением звезды, серпа и молота, якоря на поясном ремне черного цвета. С 1938 г. оба канта на фуражках и бескозырках стали белыми. Темно-синий берет с красной звездой дополнил рабочую форму одежды. В целом форма одежды моряков-пограничников была удобной как для повседневной жизни, так и для выполнения своих служебных обязанностей.

С 1921 г. последовательно менялись надписи на лентах бескозырок моряков-пограничников: «Северная флотилия», «Погран. флотилия», «Мор. погран. охрана О.Г.П.У.», «Мор. погран. охрана Н.К.В.Д.», «Морчасти погранвойск».

На защиту нашей страны с началом Великой Отечественной войны моряки-пограничники выступили в бескозырках, на которых находились ленточки с надписью «Мор. погран. охрана Н.К.В.Д.».

Таким образом, накануне Великой Отечественной войны морские части пограничных войск имели сложившуюся организационную структуру с достаточно устойчивой системой управления, позволявшей не только с высокой степенью эффективности осуществлять сторожевую службу судов, но и решать задачи совместно с Военно-морским флотом по обороне морского побережья.

Также было благополучно проведено реформирование управления морских частей пограничных войск. Были разработаны и поступали на вооружение новые типы пограничных катеров, которые имели улучшенное вооружение, тактико-технические и боевые характеристики. Был значительно повышен образовательный и профессиональный уровень моряков-пограничников, усилен командно-начальствующий состав за счет открывшихся образовательных учреждений, хотя по-прежнему ощущалась нехватка кадров.

Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что накануне Великой Отечественной войны боеготовность морских частей пограничных войск НКВД СССР была на должном уровне для того, чтобы дать достойный отпор Германским захватчикам.

Список литературы

1. Быстров С.А. Исторический опыт Советского государства по осуществлению кадровой политики в пограничных войсках. 1918 – июнь 1941 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1993.
2. Бережной С.С. Катера и миноносцы: справ. – М., 2002.
3. Бережной В. В. Корабли и суда ВМФ СССР 1928–1945 гг. – М., 1988.
4. Брижик А.Н. Пограничные войска Советского государства 1918–1941 гг. – М., 1988.
5. Брижик А.Н., Макаров Н.И. Строительство пограничных войск в довоенный период. – М., 1991.
6. Великая Отечественная война Советского Союза 1941–1945: Краткая история. 3-е изд., испр. и доп. – М., 1984.
7. Великая Отечественная война 1941–1945: энцикл. – М., 1985.
8. Ветеран границы. – 1996. – № 3.
9. Гребенев Н.Я., Филиппов Э.М. На Северо-Западном направлении. – СПб., 2010.
10. Испытанные войной. Пограничные войска (1939–1945 гг.). – М., 2008.
11. Кашулев Ю.А., Семин В.Н. Начало войны // Ветеран границы. – 1996. – № 3.
12. Мошков Ф.А. Морская пограничная охрана России: от Петра I до наших дней. – М., 2003.
13. Некрасов В.Ф. На страже интересов Советского государства. – М., 1983.
14. Платонов А.В. Энциклопедия советских надводных кораблей. 1941–1945. – М., 2002.
15. Правда. – 1988. – 2 сент.
16. Работа ГУПВ в годы Великой Отечественной войны: Справка. – ЦАПВ. – 1994. – № 138.
17. Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 37837. Оп. 18. Д. 890.
18. Сечкин Г.П. Граница и война. – М., 1994.
19. Сечкин Г.П. Советские пограничные войска. – М., 1976.
20. Центральный Военно-морской архив (ЦВМА). Ф. 370. Оп. 027161. Д. 1.
21. ЦВМА. Ф. 1087. Оп. 5. Д. 798.
22. ЦВМА. Ф. 2312. Оп. 2. Д. 042.
23. Центральный пограничный архив (ЦПА ФСБ России). Ф. 58. Оп. 47. Д. 13.
24. ЦПА ФСБ России. Ф. 6. Оп. 1. Д. 401.
25. ЦПА ФСБ России. Ф. 14. Оп. 2. Д. 257.
26. ЦПА ФСБ России. Ф. 15. Оп. 8. Д. 117.
27. ЦПА ФСБ России. Ф. 58. Оп. 6772. Д. 12.
28. ЦПА ФСБ России. Ф. 816. Оп. 1. Д. 1.
29. ЦПА ФСБ России. Ф. 4750. Оп. 2. Д. 4.
30. ЦПА ФСБ России. Ф. 37837. Оп. 18. Д. 890.
31. Широкоград А.Б. Корабли и катера ВМФ СССР 1939–1945 гг. – М., 2002.
32. Энциклопедия (большая сов.). – М., 1969–1978.

Обучение населения СССР способам противовоздушной обороны и химической защиты оборонными организациями в годы Великой Отечественной войны (1941–1945)

В статье рассмотрены вопросы организации обучения населения СССР способам защиты от воздушного и химического нападения противника в годы Великой Отечественной войны общественными оборонными организациями. Показаны особенности подготовки граждан прифронтовых и тыловых регионов страны.

The article is devoted to public defence organizations and their activity in teaching USSR citizens methods of air and chemical defence against enemy attacks in the years of the Great Patriotic War. Some main features of training citizens of front-line and back regions are also shown in the work.

Ключевые слова: противовоздушная оборона, химическая защита, санитарное дело, оборонное общество, убежище, авиабомба, средства защиты, группа самозащиты.

Key words: air defence, chemical defence, sanitation, defence society, dugout, aircraft bomb, means of protection, self-defence group.

В годы Великой Отечественной войны небывалый размах получила подготовка боевых резервов для фронта общественными оборонными организациями. Вызывалось это тем, что Действующая армия нуждалась не только в физически крепких, закаленных, но и в совершенстве владеющих боевой техникой воинах. Кадры требовались и для различных военных организаций и учреждений, расположенных в тыловых и прифронтовых районах страны, а также для системы военного обучения и подготовки населения к противовоздушной и противохимической обороне (ПВХО).

ЦК ВКП(б) и Советское правительство много делали для того, чтобы в самые короткие сроки подготовить для фронта достойное пополнение, вооружить население страны необходимыми знаниями по ПВХО в случае воздушного нападения. В оборонную работу активно включились различные общественные организации и добровольные общества страны. Особенно большую работу по распространению знаний по ПВХО среди гражданского населения страны проделали в 1941–1945 гг. Осоавиахим и Союз обществ Красного Креста и Красного Полумесяца СССР.

22 июня 1941 г. Президиум Центрального совета Осоавиахима СССР и РСФСР принял постановление «О ближайших задачах организаций Осоавиахима в связи с введением военного положения». В нем говорилось: «Считать одной из главных задач всех организаций Осоавиахима – задачу всемерной помощи органам ПВО в осуществлении мероприятий по противовоздушной обороне. Необходимо развернуть работу по проведению мер коллективной противохимической защиты и усилить обучение всего населения пользованию противогазами. Приступить к созданию и обучению из женской молодежи и мужчин, не подлежащих призыву в армию, отрядов ПВО» [15. Л. 5].

24 июня 1941 г. ЦС Осоавиахима СССР и РСФСР принял постановление «О мероприятиях по пропаганде военных знаний среди населения», в котором перед организациями оборонного общества ставилась задача быстрее создания в Домах культуры, клубах, кинотеатрах, парках, школах, на предприятиях, в колхозах, совхозах и учреждениях широкой сети консультативных пунктов, военных справочных столов, уголков по вопросам ПВХО для гражданского населения. ЦС Осоавиахима, организации оборонного общества проделали огромную работу по обеспечению школ, кружков ПВХО необходимыми учебными пособиями, литературой. Только ЦС Осоавиахима СССР и РСФСР издал около 12 млн экз. различных брошюр и почти 1,5 млн плакатов по ПВХО [7, с. 99]. Листовки Осоавиахима «Как пользоваться убежищем», «Как построить простейшие укрытия от авиабомб», «Пионерам и школьникам о ПВХО» и другие доходчиво объясняли суть мероприятий противовоздушной и противохимической обороны.

С момента объявления на части территории Советского Союза военного положения в городах и других населенных пунктах, не дожидаясь директивных указаний сверху, местные партийные и советские органы активно приступили к подготовке граждан по ПВХО. В частности, в ряде районов Калининской области, а именно в Бологовском, Осташковском, Кашинском и других райкомах и горкомах ВКП(б) состоялись заседания бюро с повестками о ходе мобилизации и задачах работы парторганизаций в военное время, о комплектовании групп самозащиты и подготовке граждан по ПВХО. Так, на заседании бюро Бологовского райкома ВКП(б) с повесткой «О первых двух днях мобилизации и дальнейших задачах работы районной парторганизации в военное время» постановили: «Обязать зав. военным отделом райкома ВКП(б) т. Белогорлова и райвоенкома т. Чертухина организовать военную учебу и учебу женщин и девушек по ПВХО и ГСО» [13. Л. 355]. В постановлении бюро Вышневолоцкого ГК ВКП(б) от 25 июня 1941 г. говорилось: «Среди населения города В. Волочка проводится работа по разъяснению правил

поведения населения во время воздушной тревоги» [14. Л. 137]. В Ярославской области в связи с началом войны прошли партийные собрания в Рыбинске, Костроме, Любиме и других городах, на которых были приняты решения об организации подготовки населения по ПВХО. В частности, в постановлении собрания коммунистов г. Любима «О задачах партийной организации района», которое состоялось 27 июня 1941 г., отмечалось: «Необходимо развернуть и оживить работу оборонных организаций, организовать изучение противовоздушной и химической защиты, санитарного дела» [17, с. 47].

Мобилизуя советский народ на защиту страны, СНК СССР 2 июля 1941 г. принял постановление «О всеобщей обязательной подготовке населения к противовоздушной обороне» [4, с. 45]. В соответствии с ним все советские люди должны были изучать правила ПВХО, учиться устранять последствия налетов немецко-фашистской авиации, уметь оказывать первую помощь пострадавшим. Кроме того, все мужчины в возрасте от 16 до 60 лет и женщины от 18 до 50 лет в обязательном порядке привлекались к участию в группах самозащиты местной ПВО на предприятиях, в учреждениях, организациях и жилых домах. Подготовка населения по нормам «Готов к ПВХО», инструкторов ПВХО и личного состава групп самозащиты возлагалась на Осоавиахим.

3 июля 1941 г. в газете «На страже» был опубликован новый порядок обучения населения по нормам ПВХО, предусматривающий изучение семи тем за 13 ч учебного времени. Для этой цели создавались группы в составе 25–30 чел. Занятия проводил инструктор, назначенный райсоветом Осоавиахима. Каждое занятие должно было быть прежде всего практическим, дающим слушателям определенные навыки по ПВХО.

Начавшаяся большая работа по всеобщей подготовке населения к противовоздушной обороне сразу дала ощутимые результаты. Однако занятия в полном объеме начались только в августе 1941 г. после того, как были подобраны и обучены инструкторы, а все население разбито на группы. Полная программа подготовки по нормам ПВХО проводилась по 28-часовой программе в кружках ПВХО, которые создавались на каждом предприятии, в учреждении, школе и жилых домах. Занятия в кружках, группах самозащиты проводили инструктора ПВХО и начсостав групп самозащиты. Они, в свою очередь, готовились на курсах, в школах ПВХО по 84-часовой программе. В качестве инструкторов привлекались также врачи, преподаватели вузов и школ, специалисты сельского хозяйства.

Постановление СНК СССР от 2 июля 1941 г. возложило на Осоавиахим две большие и ответственные задачи. Первая из них состояла в том, чтобы обучить все население страны в возрасте от 16

до 60 лет по нормам комплекса «Готов к ПВХО». Вторая задача заключалась в том, чтобы в кратчайшие сроки подготовить начальствующий и рядовой составы для групп самозащиты жилых домов. Развернутой программой деятельности Осоавиахима по распространению знаний и навыков ПВХО стало постановление ЦС Осоавиахима СССР «О задачах Осоавиахима по выполнению постановления СНК СССР "О всеобщей обязательной подготовке населения к противовоздушной обороне"» [7, с. 99]. ЦС Общества обратил внимание своих организаций на то, чтобы занятия по ПВХО велись исключительно практическим путем. Все граждане страны должны были твердо знать сигналы воздушной и химической тревоги, уметь тушить зажигательные бомбы, бороться с пожарами, отрывать щели, пользоваться противогазом.

Постановлением определялся порядок всей работы организаций оборонного общества по ПВХО. Она должна была проводиться на всех предприятиях, во всех учреждениях, домоуправлениях, учебных заведениях, колхозах, совхозах и МТС. В областях, краях и республиках, находящихся на военном положении, занятия должны были организовываться в два периода: в первую очередь – по 13-часовой программе и только по завершению ее – по обязательной 28-часовой программе. В других регионах обучение следовало проводить сразу по полной программе [7, с. 99].

Центральный совет Осоавиахима СССР обратился к ВЦСПС, ЦК ВЛКСМ, Всесоюзному комитету по делам физкультуры и спорта с просьбой оказать оборонному обществу помощь в оборудовании учебных мест, подготовке инструкторского состава, проведении массовой пропагандистской работы, использовании учебной базы. 5 июля 1941 г. ЦК ВЛКСМ, ВЦСПС, ЦС Осоавиахима СССР, Всесоюзный комитет по делам физкультуры и спорта совместно с исполкомом Общества Красного Креста приняли постановление, в котором все комсомольские, профсоюзные, физкультурные организации, организации РОКК обязывались оказать практическую помощь Осоавиахиму в выполнении постановления правительства «О всеобщей обязательной подготовке населения к противовоздушной обороне». При этом комсомол и профсоюзы обязывались направить на работу инструкторами ПВХО по 250 тыс. своих активистов, подключить к работе по пропаганде знаний и навыков ПВХО свои культпросветучреждения. 9 июля 1941 г. ЦК ВЛКСМ издал постановление «Об участии комсомольских организаций в подготовке населения к противовоздушной обороне» [2, с. 4]. Комсомол выделял в школы ПВХО Осоавиахима свыше 200 тыс. своих членов для подготовки инструкторов ПВХО, на каждый участок местной ПВО и в домоуправления направлялись комсомольские организаторы [1, с. 45–46].

Первой заботой советов Осоавиахима стала срочная подготовка кадров инструкторов-общественников ПВХО. Для того чтобы наладить их выпуск, в стране были созданы сотни школ ПВХО. В них прошло обучение около миллиона осоавиахимовцев, впоследствии направленных инструкторами в населенные пункты, на заводы и фабрики, в колхозы и совхозы, учреждения и учебные организации.

Важное место в подготовке населения по вопросам ПВХО занимала пропаганда. Для этих целей использовались радио, печать, выставки, живое слово агитаторов. Особенно обращалось внимание на налаживание работы по месту жительства, в бомбоубежищах и укрытиях. Эта работа развернулась с первого дня войны. Так, в Сталинграде 22 июня 1941 г. на площади Павших борцов был установлен большой экран, где демонстрировались фильмы о работе санинструкторского звена, о группах самозащиты в жилом доме. За первые восемь дней войны Сталинградским городским домом обороны было проведено 23 лекции, на которых присутствовали 6200 чел., а также продемонстрировано 29 кинофильмов [16, с. 27].

Большой популярностью пользовались публикации в местных газетах по вопросам ПВХО. В частности, в газете «Северный рабочий», печатном органе Ярославского обкома, горкома ВКП(б) и облсовета только за июнь – июль 1941 г. был опубликован ряд статей по вопросам ПВХО: «Ячейки содействия пожарной охране»; «Как построить бомбоубежище»; «Как оказать первую доврачебную помощь раненому»; «Ответы на вопросы по ПВХО». В газете «Северная правда», печатном органе Костромского горкома ВКП(б) и городского совета депутатов трудящихся также публиковались статьи по тематике ПВХО: «Быть готовым к противохимической обороне», «О мероприятиях по противопожарной защите в военное время», «Еще раз о светомаскировке» и ряд других.

Центральный совет Осоавиахима СССР совместно с Комитетом по делам кинематографии выпустил 14 короткометражных фильмов по противовоздушной обороне и противохимической защите, которые демонстрировались не только на занятиях кружков, но и во дворах жилых домов, в кинотеатрах перед показом художественных фильмов, в трудовых и учебных коллективах.

По всей стране развернулась активная работа по обучению населения правилам ПВХО. Уже в первые военные месяцы в СССР действовало около 4 млн кружков ПВХО, в которых без отрыва от основной работы занимались десятки миллионов человек. Лишь за второе полугодие 1941 г. на предприятиях, в учреждениях, колхозах, совхозах при домоуправлениях осоавиахимовскими организациями по нормам ПВХО было подготовлено 33 052 000 чел. гражданского населения и около 35 млн человек продолжали учебу [12, с. 71]. Это был значительный успех организаций Осоавиахима, особенно если учесть, что за шесть предвоенных лет, с 1935 по 1941 г., в стране по нормам ПВХО было подготовлено лишь 38 700 тыс. чел. В том же

1941 г. в кружках и школах ПВХО было обучено 417 400 общественных инструкторов, что позволило в дальнейшем намного ускорить подготовку населения к противовоздушной и противохимической обороне. Всего же по Советскому Союзу к концу 1941 г. было обучено мерам ПВХО 64 800 тыс. чел. [10. Л. 21].

В конце 1942 г. немецко-фашистское командование вынуждено было снизить количество воздушных налетов на объекты тыла нашей страны. Это объяснялось окончанием периода стратегической обороны Советских вооруженных сил, переходом Красной армии под Сталинградом в наступление и значительными потерями ВВС Германии, в частности, бомбардировщиков. Так, если за 1942 г. противник произвел 11 709 воздушных налетов по тыловым объектам СССР, то за 1943 г. – 4599 [11. Л. 56]. Но враг еще не был сломлен. Он продолжал воздушные налеты и артиллерийские обстрелы наших городов, концентрируя особое внимание на крупных железнодорожных узлах и станциях, а также на объектах, находившихся на значительных расстояниях от фронта.

Снижение активности действий авиации противника по городам и объектам народного хозяйства СССР в конце 1942 – начале 1943 г. позволило Главному управлению МПВО НКВД СССР, ЦС Осоавиахима и организациям оборонного общества больше уделять времени для совершенствования подготовки населения к противовоздушной и противохимической обороне.

Большую роль в общей системе подготовки населения страны к ПВХО играли периодически организуемые ГУ МПВО НКВД СССР, областными и городскими организациями Осоавиахима выставки ПВХО, которые ставили своей задачей ознакомить широкие массы граждан с техникой и специальным вооружением подразделений МПВО, а также методами проведения спасательных и аварийно-восстановительных работ по ликвидации последствий воздушных налетов противника. Так, например, в Ивановской области только в ходе проведения X Всесоюзных химических соревнований было организовано 74 выставки по тематике местной противовоздушной обороны [3. Л. 53]. Наиболее заметной стала выставка ПВХО, которая была проведена в Москве в 1943 г. [5, с. 18]. На ней были представлены следующие разделы: организация местной ПВО; средства поражения; москвичи на страже столицы; противохимическая и санитарная защита; коллективные средства защиты; противопожарная защита; маскировка и светомаскировка; медико-санитарная защита.

В марте 1943 г. Президиум ЦС Осоавиахима СССР отметил, что осоавиахимовские организации в основном закончили всеобщую подготовку населения к ПВХО. В связи с этим СНК СССР поручил оборонному обществу совершенствовать знания и навыки населения по противовоздушной обороне и противохимической защите. В прифронтовых районах Советского Союза переподготовка населения осуществлялась по шести и 12-часовой программе, которая

предусматривала знакомство с основными средствами наземного артиллерийского и химического нападения (артиллерия, минометы и газометание, химические обстрелы и заражение местности с помощью различных машин и приборов) и обучение населения мерам защиты и предосторожности против этих средств [8, с. 80].

Летом 1943 г. битва на Курской дуге завершила коренной перелом в войне в пользу СССР. Гитлеровское командование, стремясь взять реванш за поражение под Сталинградом, разработало операцию под кодовым названием «Цитадель», главной задачей которой было окружение и разгром советских войск на Курском выступе [6, с. 234]. С целью создания условий для осуществления запланированной операции, ослабления советского тыла гитлеровская авиация весной 1943 г. возобновила массированные бомбардировки важнейших экономических районов, железнодорожных коммуникаций, объектов, расположенных от линии фронта на глубину до нескольких сотен километров.

В этот период значительно возросла вероятность применения фашистской Германией химического оружия. Гитлеровское командование усиленно готовило авиацию к нанесению ударов химическими боеприпасами не только по советским войскам, но и по крупным промышленным центрам глубокого тыла СССР. Позже советскими военными специалистами было установлено, что применяемые немецкой авиацией зажигательные авиационные бомбы с нефтяным снаряжением могли быть быстро приспособлены для оснащения их отравляющими веществами (ОВ) [9].

ЦК ВКП(б) и Советское правительство проявляли большую заботу об обеспечении безопасности гражданского населения, промышленных предприятий и транспорта в тылу нашей страны. В СССР проявлялась особая бдительность в поддержании постоянной готовности гражданского населения к ПВХО, ибо перед фактами возможного применения противником ОВ исчезла разница между солдатом на фронте и гражданским лицом в тылу. Особая роль в связи с этим отводилась ГУ МПВО НКВД СССР, именно на него с 1942 г. стала возлагаться организация противохимической защиты СССР. Главное Управление МПВО и ЦС Осоавиахима СССР в целях улучшения качества обучения населения мерам противохимической защиты выпускали массовым тиражом различные учебные пособия и инструкции, проводили закрытые конкурсы на лучшее изготовление учебных экспонатов и наглядных пособий по ПВХО.

Мобилизуя весь советский народ на подготовку к противовоздушной и противохимической защите, 19 мая 1943 г. газета «Правда» в передовой статье «Крепить местную противовоздушную оборону» писала: «Озверелый враг может пуститься на новые авантюры. Готовность к химической защите должна быть всеобщей и постоянной». ЦК ВКП(б) и СНК СССР указывали, что залог успеха нашей противовоздушной и противохимической обороны в самодея-

тельности всего населения страны. Но эта самодеятельность будет неэффективна без конкретных знаний, без овладения минимумом практических навыков. Поэтому большая задача ставилась прежде всего перед организациями Осоавиахима, призванными учить население мерам ПВХО, пропагандировать знания по противохимической защите и всемерно способствовать обороноспособности страны.

В третьем периоде Великой Отечественной войны (январь 1944 – 9 мая 1945) операции Советской армии проводились в условиях полного превосходства нашей авиации над военно-воздушными силами фашистской Германии. В связи с успешным наступлением советских войск на всех участках советско-германского фронта бомбардировочные действия противника по тыловым объектам Советского Союза резко сократились. Противник стал больше использовать свои ВВС для ударов по войскам на поле боя и объектам фронтового тыла. Значительное сокращение числа бомбардировок немецкой авиацией тыла нашей страны создало более благоприятные условия для организации подготовки населения к противовоздушной и противохимической обороне. В 1944 г. программа обучения населения по ПВХО увеличивается до 104 ч.

Всеобщая обязательная подготовка населения к ПВХО, проводимая осоавиахимовскими организациями в годы Великой Отечественной войны, сыграла большую роль в мероприятиях по укреплению тыла нашей страны, в мобилизации усилий советского народа, направленных на полный разгром немецко-фашистских захватчиков. Обучение населения правилам и навыкам поведения во время воздушного нападения и артиллерийского обстрела, организация групп самозащиты содействовали успешному решению задачи спасения жизней людей, обеспечения бесперебойной работы промышленных предприятий, транспорта, колхозов, совхозов, учреждений, помогли ковать победу нашего народа в Великой Отечественной войне.

Всего за годы войны организациями Осоавиахима по нормам «Готов к ПВХО» было подготовлено 98 410 тыс. чел. гражданского населения. Кроме того, за неполных четыре военных года на курсах, в школах и кружках ПВХО было обучено 987 тыс. общественных инструкторов ПВХО, подготовлено 85 тыс. начальников групп самозащиты [6, с. 118].

Успешному решению задач подготовки граждан к противовоздушной, противохимической и санитарной обороне во многом способствовала массовая разъяснительная работа. В городах и селах страны систематически проводились беседы, лекции и доклады, организовывались выставки ПВХО, специальные киносеансы. Только за первые полтора года войны, например, силами осоавиахимовских организаций было проведено более 163 тыс. лекций и докладов, устроено свыше 27 тыс. киносеансов, на которых в общей

сложности побывало 20 млн чел. В стране регулярно работало более 4 тыс. выставок ПВХО. Миллионными тиражами издавались книги, брошюры и плакаты по ПВХО.

Таким образом, можно сделать вывод, что всеобщая обязательная подготовка населения СССР к ПВХО, проводимая оборонными организациями в годы войны, несмотря на имевшие место недостатки в ее организации и проведении в отдельных регионах СССР, в основном была успешно выполнена. Она сыграла большую роль по укреплению тыла нашей страны, в мобилизации усилий советского народа, направленных на разгром немецко-фашистских захватчиков. Обучение населения правилам и навыкам поведения во время воздушного нападения и артиллерийского обстрела, организация объектовых формирований и групп самозащиты МПВО содействовали проведению мероприятий, направленных на спасение жизни людей, обеспечение бесперебойной работы промышленных предприятий, транспорта, колхозов, совхозов, учреждений, помогали ковать победу нашего народа в Великой Отечественной войне.

Список литературы

1. Беляев А.Н. Местная противовоздушная оборона страны в Великой Отечественной войне 1941–1945. – М., 1985.
2. Военно-исторический журнал. – 1973. – № 1.
3. Государственный архив Ивановской области. (ГАИО). Ф. П–327. Оп. 7. Д. 1279. Л. 53.
4. Законодательные и административно-правовые акты военного времени с 22 июня 1941 г. по 22 марта 1942 г. – М., 1942.
5. За оборону. – 1943. – № 15–16.
6. История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. – М., 1965.
7. Кузнецов Д.Н. В годы суровых испытаний. – М., 1985.
8. От МПВО к гражданской защите (исторический очерк). – М., 1998.
9. Правда. – 1979. – 13 дек.
10. Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 37878. Оп. 2. Д. 168.
11. РГВА. Ф. 37878. Оп. 2. Д. 32.
12. Синицын А.М. Всенародная помощь фронту: О патриотических движениях советского народа в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. – М., 1975.
13. Тверской центр документации новейшей истории (ТЦДНИ). Ф. 92. Оп. 3. Д. 13.
14. ТЦДНИ. Ф. 425. Оп. 1. Д. 99.
15. Центральный архив Центрального совета Российской оборонной спортивно-технической организации (ЦА ЦС РОСТО (ДОСААФ)). Ф. «Осоавиахим». Оп. 1. Д. 1.
16. Ченакал Д.Д. Военное небо Поволжья. ПВО Поволжья в годы Великой Отечественной войны. – Саратов, 1986.
17. Ярославцы в годы Великой Отечественной войны: сб. док. – Ярославль, 1960.

Бытовое обслуживание населения Владимирского края в годы Великой Отечественной войны (1941–1945)*

В статье даётся характеристика повседневной жизни и бытовых условий населения Владимирского края во время Великой Отечественной войны. Рассматриваются действия власти в сфере жилищно-коммунального хозяйства, а также обращается внимание на гибкость действующей власти при принятии ряда решений в годы войны.

The article deals with the characterization of a daily life and living conditions of the inhabitants of Vladimir region during the Great Patriotic war. The author analyses the actions of the local authority in the sphere of housing and communal economy. He also pays attention to the resourcefulness of the authority in taking the suitable decisions during the war.

Ключевые слова: банно-прачечное хозяйство, бытовое обслуживание, Великая Отечественная война, городское жильё, коммунальные службы, население, повседневная жизнь, повседневное обслуживание, труженики тыла.

Key words: bath-and-laundry economy, everyday services, the Great Patriotic War, urban flat, municipal services, population, daily life, consumer services, toilers of the rear.

Кажущийся на первый взгляд второстепенным и маловажным вопрос, касающийся бытового обслуживания населения Советского Союза в годы Великой Отечественной войны, в реальности занимал в тот период не последнее место в восприятии населением тягот войны. И хотя предвоенные годы нельзя назвать в этом плане благополучными, в период войны ситуация значительно ухудшилась. Если в условиях оккупации тяжёлые бытовые условия для жителей оккупированных районов относительно были легко объяснимы, то для жителей тыла они, порой слишком медленно менявшиеся в сторону улучшения, были не всегда понятны и поэтому представляли при определённом стечении обстоятельств трудности для руководящих лиц того или иного края.

В советской историографии вышеуказанная тема была разработана слабо, однако уже тогда появился ряд заслуживающих внимания работ. Чаще всего такие труды носили краеведческий характер: к ним относится исследование А.Г. Наумова, посвящённое

© Тряхов И. С., 2014

* Научная публикация подготовлена в рамках государственного задания ВлГУ № 2014/13 на выполнение государственных работ в сфере научной деятельности.

роли партии в обеспечении быта трудящихся в годы войны [31], и диссертация Ю.И. Будникова, посвященная аналогичной проблематике [5]. Исследованию бытовых условий трудящихся посвящены статьи В.Г. Айрапетова [1], А.В. Большакова [3], С.С. Букина [6], М.С. Зинич [25] и др. В работе «Культура и быт рабочих Сибири в период строительства развитого социализма» также анализируется, кроме всего прочего, интересующий нас период в широких территориальных рамках [28].

На современном этапе вопросы, связанные с бытом населения, активно изучаются в российской историографии. Среди работ по данной тематике следует в первую очередь выделить диссертацию В.А. Рубина о городах южного Урала в годы Великой Отечественной войны [38]. Более узкой тематике посвящена работа В.В. Соловьёвой [39], в которой рассматриваются бытовые условия персонала промышленных предприятий Урала. Исследованию повседневной жизни отдельной возрастной группы в тылу в годы войны посвящена диссертация А.И. Назарова [30], небезынтересна диссертация А.Д. Григорьева о социальном положении и быте населения в годы войны [20]. Бытовые аспекты жизни тыловой молодежи, работающей на предприятиях, рассмотрены в диссертации Р.Е. Романова [37]. В своей диссертации А.В. Шалак отмечает, что «главная причина неразвитости сферы быта заключалась в чрезвычайно сложных, экстремальных условиях жизни населения в период 1940-х гг.» [43, с. 329]. Об изменениях, внесённых войной в быт людей и благоустройство городов, можно прочитать в монографии М.С. Зинич [24]; о деятельности местных советов в социально-бытовой и культурной сфере повествует работа Ю.А. Перчикова и В.Р. Степанова [34]. Изучаются и более узкие, конкретные вопросы жизни городов и быта населения. В фокусе интересов исследователей лежат вопросы банно-прачечного хозяйства, повседневной жизни жителей городов [23], жилищной сферы [33, с. 55–66].

Исследуя интересующий нас вопрос на примере городов Нижнего Поволжья, Е.Е. Красноженова отмечает, что бытовые проблемы «относились к числу трудноразрешимых», так как не хватало средств, материалов, кадров, поскольку война потребовала их концентрации для решения других вопросов [27]. Встречаются и небольшие статьи по изучаемой проблематике, как правило, посвященные малым городам России [21]. Отдельные аспекты заявленной в статье проблемы изучались краеведами Владимирской области. О бытовом и материальном положении жителей областного центра Владимирской области говорится в работах А.А. Дорофеева [22, с. 92–97] и И.М. Орловой [32, с. 175–181], суздальцам в годы войны посвящена работа Ю.В. Белова [2, с. 164–175].

Представленное исследование базируется, главным образом, на архивных фондах, в которых собраны документы городских коммунальных хозяйств Владимирской области. Фонд 8, относящийся к Покровскому горкомхозу, 13 – Гороховецкому, 952 – Вязниковскому, 3186 – Муромскому, 3377 – Александровскому, 950 – Владимирскому горкомхозу, 3327 – Владимирскому горжилуправлению.

В вышеперечисленных фондах хранятся годовые отчёты по основной и финансовой деятельности горкомхозов, текущие отчёты по выполнению планов предприятий, относящихся к ЖКХ, годовые планы горкомхозов, инструкционные формы по отчётности предприятий, директивы областного коммунального хозяйства и письменные доклады по различным проблемам в деятельности горкомхозов, сметы и штатные расписания предприятий, доклады о работе данных предприятий на сессиях городских исполкомов, постановления и решения городских исполкомов по вопросам коммунального хозяйства, обзоры жилищного строительства, акты о различных происшествиях в сфере ЖКХ, отчёты домоуправлений, приказы по наркомату коммунального хозяйства РСФСР и др.

Важные сведения по интересующим нас вопросам можно обнаружить также в фондах, относящихся к различным промышленным предприятиям и финансовым учреждениям (фонд 3813, принадлежащий Промышленному банку). Так, в документах Коммунального банка (ф. 3812) содержатся сведения по ведению ремонтных работ, подсобному хозяйству, ассобозу и пр. [17. Оп. 1. Д. 17, 19].

О бытовом положении населения в годы войны мы можем также узнать из материалов периодической печати того времени. Наконец, личностное восприятие данной проблемы жителями края можно проследить по воспоминаниям и дневникам того времени.

Цель данной статьи – исследование работы коммунально-бытовых служб в годы Великой Отечественной войны во Владимирском крае.

Одним из острых вопросов в работе городского хозяйства края в годы войны была регулярная уборка городов. Так как канализация существовала лишь в областном центре, то первостепенное значение получала бесперебойная работа ассенизационной службы – Ассобоза [12. Оп. Д. 122. Л. 3]. В условиях войны эта городская служба, так же как и прочие отрасли городского хозяйства, испытывала очень острый недостаток не только в рабочей силе, но и в транспортных средствах. Причём данное положение в течение войны не улучшалось, а ухудшалось. Так, например, в 1944 г. средняя вывозка нечистот по Владимиру на одну лошадь выросла до 894 м³ вместо 492 м³ в 1943 г. [12. Оп. 1. Д. 122. Л. 3]. Правда, в течение войны были и положительные подвижки в Ассобозах области, но

они касались преимущественно обеспеченности кормами животных предприятия [12. Оп. 1. Д. 126. Л. 3].

Из-за недостатка гужевого транспорта в предприятиях, которые заменяли несуществующую или не всеохватывающую (как во Владимире) канализацию, требовалось срочно приобретать лошадей. Сделать это в условиях войны и дефицита как финансовых, так и материальных ресурсов было крайне сложно. Так, Ассобоз Владимира был намерен приобрести в 1945 г. дополнительно к пяти имеющимся ещё 10 лошадей, однако в связи с увеличением тягловой силы возникла необходимость пополнения штата рабочих, поскольку «из-за отсутствия рабочих случались простои лошадей» [12. Оп. 1. Д. 126. Л. 3]. Однако с покупкой лошадей решалась одна проблема, создавалась другая: необходимость заготовки фуража, что было трудно опять-таки из-за дефицита рабочей силы [14. Оп. 3. Д. 14. Л. 13].

Ещё в предвоенные годы были отпущены средства на устройство общегородской канализации, но они так и не были освоены [12. Оп. 1. Д. 122. Л. 3], поэтому канализационная сеть была лишь в некоторых культурно-бытовых учреждениях и коммунальных предприятиях, а жилой фонд имел канализацию только на 9,6 % жилой площади [12. Оп. 1. Д. 119. Л. 7–7 об.]. Именно поэтому Ассобоз имел первостепенное значение, однако случаев антисанитарии и невнимания к нуждам населения из-за загрязнения канализации избежать не удалось. При этом городские власти отмечали, что вопросом очистки городов должен заниматься не только Ассобоз [12. Оп. 1. Д. 125. Л. 11 об.]. Для скорейшей очистки городов нередко мобилизовывалось городское население [12. Оп. 1. Д. 125. Л. 12].

Затопления городских кварталов во Владимире не были редкостью. Так, район Привокзальной площади и Вокзальной улицы затопливался в первой половине войны не единожды из-за засорения дренажной системы, что являлось предметом специального рассмотрения на заседаниях исполкома Владимирского горсовета [12. Оп. 1. Д. 106. Л. 12]. Причиной засорения колодцев были не только и часто не столько паводки, а «отбросы и отходы, которые некоторые неосознательные жители спускали в канализацию», при этом страдали на очистке сточных канав и колодцев все водопользователи. К чести городских служб следует отметить, что они стремились устранить затопления.

При всех недостатках жёсткого административного управления того времени у него было большое преимущество – способность заставить учреждения и предприятия следить за своими коммунальными системами, чтобы они не вредили остальным заинтересованным сторонам. Так, Рыбсбыт, Райпотребсоюз и же-

лезная дорога обязывались очистить свои дренажные и канализационные сети [12. Оп. 1. Д. 106. Л. 28 об.].

Во второй половине войны в ситуации с водопроводом и канализацией наметились некоторые улучшения. Одной из немаловажных причин этого стали мобилизованные для строительных работ военнопленные фашистских государств. Так, для прокладки самостоятельной канализации под тёмным мостом было решено «просить нач. лагеря №190 полковника Самоходова выделить группу военнопленных в количестве не менее 40 ч. Сроком на 5 дней с 4 сентября 44 г...» [12. Оп. 1. Д. 113. Л. 275]. Но военнопленные были не единственным источником рабочей силы. С каждым военным годом к работам всё активнее привлекались местные жители, а многие предприятия выделяли своих сотрудников на те или иные работы [12. Оп. 1. Д. 113. Л. 275].

Дефицит городского жилья был актуальной проблемой уже в довоенное время. Из-за различного рода уплотнений, вызванных эвакуацией, а также трудовой мобилизацией жителей сельской местности нехватка городского жилья лишь усилилась. И хотя дефицит жилья был вызван трудностями индустриализации, а затем ещё и войны, о чём неоднократно говорило руководство страны и местных органов управления (сам факт дефицита жилья не замалчивался в то время), следует обратить внимание на точку зрения Соловьёвой, что трудности с жильём нередко преувеличивались. По её мнению, с помощью жилищных проблем местным партийным организациям, руководствам заводов и прочим, власть предержавшим, было проще устанавливать зависимость, по крайней мере, части населения от своей власти, тем самым проще было применять функции принуждения [39, с. 66–67]. Данная версия имеет право на существование, но нам кажется, что всё же не принуждение как способ управления населением был определяющим для власти, а война и связанные с ней трудности ухудшали обстановку с жильём.

Значительная часть населения (мобилизованные на трудовые работы, часть эвакуированных с оккупированных немцами территорий) вынуждена была проживать в бараках и в общежитиях. Так, например, руководство Владимирского тракторного завода в своих отчётах и за 1944 г. [19. Оп. 1. Д. 3. Л. 10] и за 1945 г. [19. Оп. 1. Д. 4] признавало плохое состояние жилищно-коммунального хозяйства. Отмечалось, что дома для рабочих вновь построенного завода принимались от строителей с большими недоделками. Сообщения о неудовлетворительном состоянии быта рабочих регулярно прорывались на страницы местных газет, причём в статьях и сообщениях об этом критиковалась точка зрения, согласно которой такое положение было вызвано исключительно военным временем. Заводские комитеты ВЛКСМ призывали помогать рабочим – лучше организо-

вать свой быт, позаботиться о массово-политической работе, организации досуга в общежитиях. Отмечалось, что «быт рабочих – не частное дело» [36. 20 сент.].

Схожие заметки и сообщения встречаются в изданиях многих городов края: Муром [29. 7 янв.], Собинки [7. 9 янв.], Коврова [36. 16 янв.], Судогды [41. 10 янв.] и т. д. [40. 3 февр.]. Как можно заметить, и территориальные, и хронологические рамки, если смотреть тогдашнюю периодику, абсолютно не схожи, что говорит о повсеместности проблемы и её неустранимости в течение всей войны. Подвижки с более-менее массовым строительством жилья начались в последний год войны. Так, во Владимире, который вновь стал областным центром, планировалось увеличение количества жителей, и проблема перестройки инфраструктуры была очень насущной. В качестве начальных мероприятий намечалась достройка законсервированного фонда и строительство по линии промышленности, а также и частное индивидуальное строительство, «которому должна быть открыта максимальная доступность» [12. Оп. 1. Д. 130. Л. 3], аналогичные мероприятия планировались и в других городах, например Муроме [14. Оп. 3. Д. 16. Л. 9–11]. Кроме вышеперечисленного, местным руководящим организациям предписывалось оказывать помощь индивидуальным заёмщикам, а местной печати и радио ставилась задача популяризировать условия кредитования индивидуального жилищного строительства [17. Оп. 1. Д. 22. Л. 1 об.]. Данная мера, не слишком сочетавшаяся с социалистической экономикой, показывает гибкость власти в сложных условиях конца войны и послевоенного периода в сфере жилищного строительства. Необходимость скорейшего улучшения жилищных условий населения заставляла не ограничиваться лишь кооперативным строительством или возлагать обеспечение населения жильём на промышленные предприятия, но и стимулировать население самостоятельно решать данную проблему.

Актуальной проблемой на протяжении всей войны оставалась личная гигиена граждан. Малое количество бань и частые срывы в их работе не способствовали устранению этих трудностей. Срывы в работе возникали, как правило, из-за отсутствия воды или (что было чаще) топлива, так как никогда у бань не имелось в наличии необходимого количества ни рабочей, ни тягловой силы. Нерациональный режим эксплуатации бань также требовал перестройки, так как должен был быть приспособлен к графику работы различных слоёв населения. Руководство городов и горкомхозов боролось с простоями в работе бань, и во второй половине войны их действия становились всё успешнее [14. Оп. 3. Д. 9. Л. 110 об.].

Эксплуатацию банного хозяйства ухудшало его ветхое состояние, из-за чего многие бани ежегодно вынуждены были закрываться

на ремонт [12. Оп. 1. Д. 122. Л. 3]. Не способствовала должному обслуживанию населения также и сдача некоторых бань в распоряжение воинских частей, что, конечно, было вынужденной мерой, которую нельзя было избежать. Логично было бы предположить, что сложности в работе банно-прачечного хозяйства были вызваны исключительно войной. Однако не так. И до войны, и в её начале работа коммунальных бань и прачечных тогда ещё Ивановской области признавалась неудовлетворительной. Уже тогда проблемами были пережег топлива, аварийность зданий, недостаточное количество бань (из-за медленного ремонта части бань) и, наконец, слабая заготовка топлива для этих заведений [12. Оп. 1. Д. 106. Л. 1–2]. Недовольство выражалось не только по поводу работы коммунальных бань, заводские бани [11. Оп. 1. Д. 37. Л. 77 об.] тоже далеко не всегда работали должным образом, что, как уже отмечалось ранее, неприятно сказывалось на настроениях рабочих, особенно тех, которые недавно пришли на данные предприятия. В периодической печати в таких случаях нередко подвергали критике руководство предприятий [16. Оп. 1. Д. 11. Л. 26; Оп. 1. Д. 4. Л. 12 об.]. Уставшее от военных тягот население справедливо полагало, что с приближением конца войны должно, наконец, улучшиться его положение.

Другими важнейшими заведениями, которые способствовали нормальному санитарному состоянию граждан, были прачечные и парикмахерские. Они испытывали в годы войны те же трудности, что и остальные отрасли хозяйства: нехватка работников, а также ненадлежащие санитарные условия в самих учреждениях. В первую очередь это касалось парикмахерских. Трудности были и с выполнением годового плана из-за отвлечения мастеров в порядке трудовой повинности, чаще всего на заготовку топлива [12. Оп. 1. Д. 129. Л. 2 об.]. С окончанием войны требовалось расширение сети парикмахерских, особенно остро данная проблема встала перед новым областным центром [8. Оп. 1. Д. 25. Л. 109 об.].

Война обострила проблему нехватки электроэнергии. Причинами этого были: во-первых, быстрорастущая промышленность, потребности которой в электричестве опережали возможности электростанций и средств доставки электроэнергии; во-вторых, начавшаяся война, которая повлекла неизбежную массовую эвакуацию предприятий с оккупированных территорий и, соответственно, повышенную нагрузку на электрическую сеть тыловых районов страны.

Справедливости ради надо отметить также и то, что нехватка электроэнергии возникла не с начала войны, а имела место уже до неё [12. Оп. 1. Д. 122. Л. 2]. Особенно сильно нехватка электроэнергии сказалась на рядовых потребителях. Так, в одном из двух крупнейших городов края, нынешнем областном центре Владимире, проводкой электроосвещения в 1942 г. было обеспечено 98 % общей жилой площади города, а потребление электроэнергии за

предшествующие десять лет увеличилось в 2,5 раза и в 1942 г. составляло 12,600 кВт·ч. Однако в 1943 г. снабжающая город электричеством ИВГРЭС поставку достаточного его количества не осуществила, вследствие чего часть жилых домов пришлось снять со снабжения электроэнергией, и план снабжения по итогам года выполнен не был [12. Оп. 1. Д. 125. Л. 14–14 об.].

Приоритет в снабжении электричеством неизменно отдавался промышленным предприятиям, а жилым, культурно-бытовым и административным учреждениям регулярно рекомендовалось экономить электроэнергию, хотя к числу недостатков в работе электросети относили нередко то, что электросеть не расширялась, и в городе имелся целый ряд неэлектрифицированных районов [12. Оп. 1. Д. 122. Л. 13 об.; 14. Оп. 3. Д. 11. Л. 18].

Таким образом, в течение войны запросы населения и мелкой промышленности по электроэнергии удовлетворялись лишь на 70–80 % [12. Оп. 1. Д. 122. Л. 13 об.; 14. Оп. 3. Д. 11. Л. 18], а перегрузка некоторых трансформаторов достигала 40 %, нередкими были и аварии электросетей. Только в 1944 г. их было две, что в сравнении с предыдущими годами было небольшим количеством [12. Оп. 1. Д. 126. Л. 1 об.].

Несмотря на все вышеуказанные трудности, связанные, прежде всего с войной, но также и с общей ещё довоенной государственной политикой в области экономики, областное коммунальное хозяйство и горкомхозы стремились всеми путями рационализировать свою работу. Особое внимание обращалось на снижение себестоимости за счёт повышения производительности труда, сокращение удельных расходов топлива и электроэнергии, а также на снижение административно-управленческих расходов и максимальное сокращение потерь. Руководство облкомхоза предписывало коммунальным предприятиям обратить особое внимание на рациональную организацию подсобного сельского хозяйства [13. Оп. 3. Д. 7. Л. 48]. Дефицит профессиональных кадров, который на протяжении всей войны только усиливался, постоянно осложнял работу коммунальных предприятий [16. Оп. 1. Д. 10. Л. 14].

Лозунг «Всё для фронта, всё для Победы!» был актуален в военные годы и для коммунальных предприятий, соответственно и задачи, которые ставились перед горкомхозами, также рассматривались во многом через призму войны. Наиболее точно это утверждение выражено в приказе Ивановского Облкомхоза на 1944 г.: «При составлении плана необходимо учесть, что основные эксплуатационные показатели коммунальных предприятий должны отражать дальнейший против 1943 года рост обслуживания Красной армии, оборонной промышленности и населения, максимальное использование мощностей, действующих и вводимых в эксплуатацию в 1943 и 1944 годах предприятий и более рациональный режим их работы» [13. Оп. 3. Д. 7. Л. 48]. О населении, конечно же, не забы-

вали, но его потребности ставили на третье место. Ко многим из тех работ, которые раньше выполнялись самими горкомхозами, теперь привлекались жильцы [13. Оп. 3. Д. 7. Л. 48 об.].

Итак, бытовое положение населения края в целом оставляло желать лучшего. В более невыгодном положении находились мобилизованные преимущественно молодые рабочие [8. Оп. 1. Д. 25. Л. 8; Оп. 1. Д. 21. Л. 46] и часть эвакуированных, хотя из-за различных уплотнений жизнь коренных жителей городов также не была радужной. Однако для большинства жителей края трудности военного быта запомнились не так сильно, как постоянное чувство голода, что отмечают едва ли не все мемуаристы и те, кто не оставил воспоминаний, но пережил тяжёлые военные годы. Во второй половине войны местные власти по возможности стремились улучшить резко ухудшившиеся бытовые условия населения и проявляли гибкость, шедшую иногда вразрез с установками социалистической экономики.

Список литературы

1. Айрапетов В.Г., Панфилов С.П. Материально-бытовое положение трудящихся чёрной металлургии Урала. Июнь 1941–1945. // Из истории социалистического строительства на Урале. – Свердловск, 1978.

2. Белов Ю.В. Суздаль в годы Второй мировой войны // Материалы XVI Межрег. краевед. конф. (28 апр. 2011 г.) / ред. совет: М.А. Барышев и др.; отв. за вып. И.В. Мишина. – Владимир, 2012. – С. 164–175.

3. Большаков А.В. Жилищно-бытовые условия рабочих и служащих в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) // Материально-бытовое положение трудящихся Урала в условиях социализма (1917–1975). – Свердловск, 1981. – С. 32–44.

4. Большевицкий путь. – 1942.

5. Будников Ю.И. Деятельность партийных организаций Урала по обеспечению материально-бытовых условий рабочих промышленных предприятий в годы Великой Отечественной войны (1941–1945): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1988.

6. Букин С.С. Быт рабочих Сибири в годы Великой Отечественной войны // Изв. СО АН СССР. 1985. Сер. Общественные науки. – Вып. 5. – С. 27–35.

7. Вперёд. – 1942.

8. Государственный архив Владимирской области (ГАВО). Ф. 6.

9. ГАВО. Ф. 8.

10. ГАВО. Ф. 13.

11. ГАВО. Ф. 73.

12. ГАВО. Ф. 950.

13. ГАВО. Ф. 952.

14. ГАВО. Ф. 3186.

15. ГАВО. Ф. 3327.

16. ГАВО. Ф. 3377.

17. ГАВО. Ф. 3812.

18. ГАВО. Ф. 3813.

19. ГАВО. Ф. 3831.

20. Григорьев А.Д. Социальное положение и быт населения в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (на материалах Чувашской АССР): дис. ... канд. ист. наук. – Чебоксары, 2004.

21. Гусев А. Городское хозяйство Первоуральска в годы Великой Отечественной войны. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://pervo66.ru/history/articles-2104/>.
22. Дорофеев А. Владимир в годы Великой Отечественной войны // Материалы исслед. – Владимир, 2000. – Сб. 6. – С. 92–97.
23. Жиромская В.Б., Араловец Н.А. Будни городского населения военного времени // Народ и война очерки истории Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. / отв. ред. А.Н. Сахаров, А.С. Сенявский. – М., 2010.
24. Зинич М.С. Будни военного лихолетья. 1941–1945 гг. – М., 1994.
25. Зинич М.С. Забота советского государства о материально-бытовом положении населения в 1941–1945 годах // История СССР. – 1985. – № 3. – С. 104–118.
26. Коллективист. – 1945.
27. Красноженова Е.Е. Бытовое обслуживание населения Нижнего Поволжья в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Гуманитарные научные исследования. – 2012. – № 5. – Май. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://human.snauka.ru/2012/05/1200>.
28. Культура и быт рабочих Сибири в период строительства развитого социализма (1938–1958 гг.). – Новосибирск, 1979.
29. Муромский рабочий. – 1942.
30. Назаров А.И. Повседневная жизнь молодёжи в тылу в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (на материалах Тамбовской обл.): дис. ... канд. ист. наук. – Тамбов, 2010.
31. Наумова А.Г. Забота партии о быте рабочих в годы Великой Отечественной войны (По материалам Пермской областной партийной организации) // Из истории рабочего класса Урала. – Пермь, 1972. – С. 366–373.
32. Орлова И.М. Ленинский район в годы Великой Отечественной войны // Материалы XVI Межрег. краевед. конф. (28 апр. 2011 г.) / ред. совет: М.А. Барышев и др.; отв. за вып. И.В. Мишина. – Владимир, 2012. – С. 175–181.
33. Палецких Н.П. Жилищная проблема на Урале в годы Великой Отечественной войны // Вестн. Челяб. агроинж. ун-та. – 1994. – Т. 7. – С. 55–66.
34. Перчиков Ю.А., Степанов В.Р. Социально-бытовая и культурная деятельность местных советов в 1941–1945 годах: на материалах Волго-Вятского региона Рос. Федерации. – Чебоксары, 1992.
35. Призыв. – 1942.
36. Рабочий клич. – 1942.
37. Романов Р.Е. Рабочая молодёжь оборонных предприятий в Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны (1941–1945): дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 2009.
38. Рубин В.А. Города южного Урала в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): дис. ... канд. ист. наук. – Оренбург, 2007.
39. Соловьёва В.В. Бытовые условия персонала промышленных предприятий Урала в 1941–45 гг.: гос. политика и стратегии адаптации: дис. ... канд. ист. наук. – Екатеринбург, 2011.
40. Сталинский путь. – 1945.
41. Ударник. – 1943.
42. Хисамутдинова Р.Р. Состояние банно-прачечного хозяйства Южного Урала в годы Великой Отечественной войны // Вестн. Оренбургского гос. пед. ун-та. – 2007. – № 2(48). Естественные и гуманитарные науки. – С. 160–165.
43. Шалак А.В. Условия жизни населения Восточной Сибири (1940–1950): дис. ... д-ра ист. наук. – Иркутск, 1998.

УДК 94(470.323)«192/193»:908

И. А. Горелова

Деятельность Курского общества краеведов как попытка консолидации энтузиастов-историков в 1920-е – 1930-е гг.

В статье рассматривается проблема становления и развития Курского губернского общества краеведения, исследуются основные направления его деятельности. Анализируется процесс реорганизации общества в Окружное общество краеведения и последующая его ликвидация. Особое внимание уделено историографии проблемы.

The problem of the formation and development of the Kursk Provincial Local History Society and its main activities. The problems of reorganization in the District Local History Society and its subsequent liquidation. Special attention is historiography of the problem.

Ключевые слова: краеведение, история Советской России, Курское губернное общество краеведения, Курское Окружное общество краеведения, Центральное бюро краеведения.

Key words: the study of the history of Soviet Russia, Kursk Province society of study of local lore, Kursk District society of study of local lore, Central Bureau of local lore.

Актуальность изучения деятельности обществ краеведения обусловлена возрастающим интересом к проблемам регионалистики [9; 13; 14, с. 5–6], к возрождению массового краеведческого движения. Успешность этого начинания невозможна без обращения к опыту и традициям отечественного краеведения 1920-х – 1930-х гг., поскольку в этот период движение краеведов было широко распространено, являясь феноменом общественной и научной жизни страны, в том числе и Курского региона. Изучение объединений любителей региональной истории необходимо в современных условиях для исследования специфики общественной жизни, науки, культуры, русской и советской интеллигенции, распространения научных знаний в 20-е – 30-е гг. XX в. и выяснения причин и характера экономического развития страны в этот период.

Изучение истории краеведения может оказаться полезным для превращения краеведения в скоординированную коллективную научно-практическую деятельность, так как в те годы подобная координация шла по организационной линии (складывание сети

краеведческих обществ, организаций и др.) и происходило неразрывное взаимодействие идей, методик, обеспечивавшее успешное познание природы, общества и человека.

На сегодняшний день существует немного комплексных исследований региональной деятельности краеведческого движения. В основном литература, посвященная «золотому десятилетию» краеведения, составлена по архивным материалам и печатным органам этого движения.

В 1920-е гг. стали появляться первые историографические обзоры, посвященные анализу науки. Работы краеведов этого периода ценны своим анализом событий и являются, с одной стороны, исследованиями, а с другой – источниками.

В советской историографии 1930-х – 1980-х гг. процесс динамики краеведческой работы освещался с идеологической точки зрения, т. е. отмечалось, что достижения советской превосходили дореволюционные достижения. В конце 1920-х – начале 1930-х гг. была проведена «идеологическая чистка» в отношении литературы, в том числе и краеведческой направленности: из научного оборота были изъяты «политически неблагонадежные» издания и, таким образом, уничтожен ряд источников.

Только в середине XX в. в связи с либерализацией политической обстановки в Советском Союзе возродился интерес к традициям краеведческого движения 1920-х гг. в рамках изучения российской науки в СССР. Среди ряда исследований отметим труды М.В. Нечкиной [10], В.А. Ульяновской [15], Г.Д. Алексеевой [3], Е.В. Чуткерашвили [17], В.Л. Ушакова [16] и др. Однако для всех этих работ характерна излишняя идеологизированность.

Изучение проблем истории культурного строительства и исследовательской деятельности в СССР и в регионах продолжилось в 1970–1980-е гг. Во второй половине 80-х гг. краеведческая тематика стала наиболее актуальной в связи с проведением первых конференций, посвященных изучению краеведения, положенных впоследствии в основу научных исследований ряда советских ученых: М.А. Рыбакова [11], С.Л. Тихвинского [12, с. 25], В.С. Брачева [4] и др. Интерес к опыту краеведческих организаций оживился благодаря кардинальным изменениям в политическом облике страны. Появились исследования различных аспектов краеведения, направлений его деятельности, подробно освещался региональный компонент краеведческой работы (исследования В.Н. Данилова [7, с. 164–165, 168–170], Л.В. Алексеева [2, с. 214–252], А.И. Акиньшина [1, с. 173–178] и др. Работы этого периода отличались широким кругом рассматриваемых вопросов и критическим подходом к историческим источникам.

В 1990–2000-е гг. продолжались попытки создания комплексного исследования истории краеведческого движения в стране и изучения региональных особенностей советского краеведения, большое внимание уделялось причинам разгрома краеведческого движения [8, с. 210–211; 18, с. 243; 19].

Источниковую базу данной статьи составляют архивные и опубликованные материалы: протоколы заседаний Совета Президиума и общих собраний членов Курского краеведческого общества [б. Д. 1], совещаний музейных работников [б. Д. 2], переписка с различными центральными, местными и региональными организациями, доклады, планы работ, материалы конференций, уставы обществ и т. д.

Таким образом, обзор историографии и источников показал, что, несмотря на многочисленность исследований, посвященных советскому краеведению в 1920 – 1930-е гг., деятельность Курского губернского общества краеведения изучена недостаточно. Цель данной статьи – выявление особенностей становления и развития Курского Губернского общества краеведения, рассмотрение основных черт его функционирования, анализ специфики деятельности Курского общества краеведения.

Драматические события революции и Гражданской войны не смогли полностью остановить историко-краеведческую работу. Продолжала существовать Губернская ученая архивная комиссия (ГУАК), совершались исследовательские экскурсии, благодаря которым удалось сохранить от уничтожения и разграбления ряд ценных памятников старины и документальных источников [б. Д. 37. Л. 2–3]. Действовал, несмотря на скудное финансирование и отсутствие помещения, Курский краеведческий музей. Проводились археологические раскопки. Выявлялись и паспортизировались с целью дальнейшей постановки на учет памятники гражданской и церковной архитектуры. Во многих уездах – Рыльском, Дмитровском, Путивльском, Корочанском и др. – открывались музеи историко-археологической и художественной направленности. Но деятельность ГУАК себя изжила, ей на смену должны были прийти новые общества краеведов.

Осенью 1922 г. была создана секция краеведения при Курском педагогическом обществе. 17 июня 1923 г. проведено учредительное собрание Курского городского общества краеведения (КГОК). Своей основной целью КГОК ставило всестороннее изучение Курского края [б. Д. 1. Л. 1]. На I конференции общества в сентябре 1923 г. все его члены были распределены по секциям: культурно-исторической, естественно-научной, экономической и педагогической. Руководителем общества был избран председатель губисполкома Г.К. Прядченко, его заместителями стали бывший заведующим Губстатбюро Е.К. Введенский, и заведующий Губмузеем

И.Г. Клобуновский. Филиалы общества создавались и в уездных городах: Белгороде, Старом Осколе, Щиграх, Короче, Дмитриеве, Рыльске. Деятельность общества предполагала открытие музеев краеведения, библиотек, исследовательских станций, организацию разнородных обследований Курского края «в естественно-научном, историческом, экономическом и культурном отношении», издание научных трудов, брошюр и журналов, посвященных изучению края. Были изданы: два выпуска «Сборника по природе, истории, культуре и экономике губернии», «Курский край», «Известия КГОК» и т. д. Организовывались курсы, съезды, публичные лекции и диспуты, экскурсии и выставки и т. д. [6. Д. 1. Л. 9].

К 1925 г. численность КГОК превысила 50 чел. Именно в этот период общество начало устанавливать тесную связь с инициативными группами в уездах. На III конференции в мае 1927 г. обсуждались первые отчеты уездных отделений. В 1928 г. Центральное бюро краеведения провело инспекторскую проверку работы Курского краеведческого общества. Выступив с докладами о целях, задачах и методах краеведческой работы, оно признало «в общем и целом линию работы краеведческих организаций Курской губернии и, в частности, Курского губсовета Общества краеведения правильными» [5, с. 55]. Публикации курских краеведов, посвященные истории и археологии края, появлялись в органах центральной печати. Но наиболее важно отметить деятельность курских краеведов по популяризации знаний среди жителей Курска и уездов: создание «Уголка краеведения» в Доме работников просвещения, публикация библиографического справочника краеведческой литературы по Курской губернии [6. Д. 1. Л. 131], разработка и апробация маршрутов экскурсий, организация публичных докладов и лекций. Свои доклады общество делало «в открытых заседаниях, привлекающих значительное число посторонних, преимущественно из состава учащихся Рабфака, Совпартшколы, старших классов школ и местных техникумов» [6. Д. 4. Л. 10].

Таким образом, деятельность КГОК в тот период носила научно-популярный и научно-методический характер.

В июле 1925 г. в связи с изменением административно-территориального деления страны КГОК было реорганизовано в Курское окружное общество краеведения, при котором работу продолжили вести следующие секции: историко-культурная, естественно-историческая, промышленно-экономическая, школьно-педагогическая, юннатская; и комиссии – ревизионная, редакционная. Кроме того, был создан отдел при музее «Старый и новый Курск» и отдел по охране природы. Основными видами деятельности общества являлись: научная – изучение естественно-производительных сил края; культурно-просветительская – издание журнала «Известия Курского общества

краеведения», выпуск брошюр, чтение лекций и докладов, проведение экскурсий и консультаций; деятельность по охране природы – участие в работе межведомственной комиссии по охране природы, проведение юннатской секцией общественно-полезных работ, выпуск листовок и заметок в местной газете, деятельность по охране памятников культуры – сбор сведений для создания археологической карты западной части ЦЧО, фотографирование и зарисовки памятников культуры; проведение экскурсий по городу и окрестностям. Был составлен подробный перспективный план на работы культурно-исторической секции курского общества краеведения с 1929/30 по 1932/33 гг., направленный на археологическое изучение края, который, однако, не был реализован курскими краеведами в рассматриваемый период по причине дефицита средств общества.

Вызывает интерес тот факт, что курские краеведы помещали отчет о своей деятельности в общий отчет губисполкома, в справочно-адресной книге «Культурные центры СССР», в «Информационном бюллетене» Всесоюзного общества культурных связей с заграницей, а также в некоторых центральных изданиях.

В связи с изменением внутривластного курса в СССР в конце 20-х гг. последовали преобразования и в краеведческой деятельности. В январе 1930 г. I Областной съезд ЦЧО по краеведению заслушал доклад заместителя председателя Областного бюро краеведения (ОБК) А.А. Комарова «Об итогах и перспективах краеведческого движения в ЦЧО». В резолюции съезда отмечалось: «С большим удовлетворением съезд констатирует решительную политику ОБК за очищение краеведческих организаций от социально-чуждых вредительских элементов» [б. Д. 48. Л. 108], среди которых оказались многие активно действующие члены общества [б. Д. 48. Л. 108]. С развитием дела по борьбе с «чуждыми элементами» в краеведческих организациях на основании признаний краеведов, арестованных по делу Академии наук, в Курске ОГПУ взяло под стражу Т.А. Горохова, М.А. Рязанцева, Н.И. Пузанову, Г.И. Булгакова и ряд уездных краеведов.

3 августа 1930 г. на основании отношения областного бюро краеведения ЦЧО и постановления общего собрания общества краеведения от 27 августа 1930 г. Окружное общество краеведения было ликвидировано с передачей дел и функций Курскому городскому бюро краеведения, созданному для координации сети краеведческих кружков с целью «социалистической реконструкции сельского хозяйства для научно-исследовательского изучения социалистического сектора деревни; по изучению фабрик и заводов; по школьному краеведению». При этом отмечалось, что «вся краеведческая работа, как в центре, так и на местах, должна быть направлена на проведение генеральной линии партии, на борьбу

против правого уклона, как главной опасности на данном этапе, "лево-троцкистских загибов" и "право-левацких тенденций" и переключение на обслуживание текущих задач социалистического строительства...» [б. Д. 53. Л. 1]. Современные исследователи отмечают, что «на протяжении 1930-х – 1940-х гг. никаких реальных результатов мало-мальски организованной историко-краеведческой деятельности в Курске по печатным, архивным и мемуарным источникам не прослеживается» [19, с. 114]. 10 июня 1937 г. последовал официальный запрет обществ краеведения в стране, но ещё в июле 1934 г. все находившиеся с 1923 г. в Курске краеведческие документы поступили на хранение в государственный архив.

Таким образом, работа местных краеведов была подчинена единственной задаче, провозглашенной правительством: повсеместное изучение производительных сил с целью успешного социалистического строительства в советском государстве. Курское губернское краеведческое общество являлось естественным преемником дореволюционных краеведческих организаций, в то же время оно оставалось самобытной организацией, соответствующей своей основной цели – всестороннему, комплексному изучению Курского края. Деятельность Курского общества краеведения была типичной для деятельности краеведческих обществ регионов.

Список литературы

1. Акиншин А.И. Судьба краеведов (20-е – начало 30-х годов) // *Вопр. истории.* – 1992. – № 6–7. – С. 173–178.
2. Алексеев Л.В. Судьбы археологии и исторического краеведения Белоруссии и Смоленщины в 20-е и 30-е гг. XX в. // *Рос. археология.* – 1990. – № 6–7. – С. 214–252.
3. Алексеева Г.Д. Октябрьская революция и историческая наука в России. (1917–1923). – М., 1968.
4. Брачев В.С. Дело академика Платонова // *Вопр. истории.* – 1989. – № 5. – С. 117–129.
5. В Центральном Бюро краеведения // *Изв. Курского городского общества краеведения.* – 1928. – № 2.
6. Государственный архив Курской области (ГАКО) Ф. Р–2633. Оп. 1.
7. Данилов В.Н. «Золотое десятилетие» Саратовского исторического краеведения (1920-е годы) // *Поволжский край: межвуз. сб. науч. тр.* – Саратов, 2000. – Вып. 11. – С. 164–170.
8. Литвин А.Л. Репрессированная наука // *Эхо веков.* – 1998. – № 3–4. – С. 210–211.
9. Любичанковский С.В. История регионального управления в контексте проблемы эффективности: перспективы решения проблемы на местном архивном материале // *Региональное управление и проблема эффективности власти в России (XVIII – начало XXI вв.): сб. ст. Всерос. науч. конф. (г. Оренбург, 30 октября – 2 ноября 2012 г.) / под науч. ред. Е.В. Годовой, С.В. Любичанковского.* – Оренбург, 2012. – С. 9–12.

10. Очерки истории исторической науки в СССР. Т. IV / под ред. М.В. Нечкиной. – М., 1966.
11. Рыбаков М.А. О некоторых вопросах исторического краеведения // История СССР. – 1980. – № 4. – С. 216–220.
12. Тихвинский С.Л. Состояние и задачи дальнейшего развития исторического краеведения в СССР // Вопр. истории. – 1988. – № 1. – С. 25.
13. Тропов И.А. Революция в провинции: Лужский уезд Петроградской губернии в 1917 // Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А.С. Пушкина. – 2010. – Т. 4. Сер. История. – № 2. – С. 178–187.
14. Тропов И.А. Эволюция местных органов государственной власти в России (1917–1920-е гг.). – СПб., 2011.
15. Ульяновская В.А. Формирование научной интеллигенции в СССР. 1917–1937. – М., 1966.
16. Ушаков В.Л. О советском историческом краеведении // История СССР. – 1963. – № 3. – С. 3–17.
17. Чуткерашвили Е.В. Кадры для науки. – М., 1968.
18. Шмидт С.О. Краеведение и документальные памятники. – Тверь, 1999.
19. Щавелёв С.П. Дело краеведов ЦЧО 1930–1931 годов (Курский «филиал»). – Курск, 2007.

СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

УДК 94(47).07:271.4:271.2

Р. В. Голий

Конфессиональные конверсии греко-католиков во второй четверти XIX в. (на примере Волынской губернии)

В статье проанализированы факторы и мотивы конфессиональной конверсии греко-католиков на православие и католичество в Волынской губернии во второй четверти XIX в. В частности, рассмотрены следующие предпосылки конфессиональных трансформаций: правительственная политика, законодательное поле православно-униатских браков, конверсия униатов на католичество как фактор сдерживания перехода греко-католиков в православие.

The article analyses factors and motives of confessional conversion of Greek Catholics to Orthodoxy and Catholicism in the Volyn province. In particular, we consider such prerequisites of confessional transformations: governmental policy, legislative base of orthodox-uniat marriages, the conversion to Catholicism of the uniates as factor of deterring of transition of greek-catholics to Orthodoxy.

Ключевые слова: греко-католическая (униатская) церковь, православная церковь, католическая церковь, Волынская губерния, конфессиональные конверсии.

Key words: Greek-Catholic (Uniate) Church, Orthodox Church, Catholic Church, Volyn province, confessional conversions.

В начале 90-х гг. XVIII в. подавляющее большинство приходов на Волыни принадлежала к греко-католической (в документах указанного времени – «униатской», или – «греко-униатской») церкви. Однако уже в 1794–1796 гг. после II и III разделов Речи Посполитой и формирования Волынской губернии в составе Российской империи состоялся переход значительного числа приходов к православной (в документах – «греко-российской») церкви. В результате в 1799 г. в пределах губернии была основана Волынская православная епархия.

В первой четверти XIX в. количество переходов униатских приходов в православие заметно снизилось. Но после поражения польского восстания 1830–1831 гг. конфессиональные конверсии возобновились. В частности, во время правления в Российской империи Николая I (1825–1855) активизировались личные и коллективные присоединения униатов к православию. Эти конверсии

имели место в Украине (особенно в Волынской губернии) и Белоруссии, где существовали греко-католические приходы до 1839 г.

Историография означенной проблемы значительная. В частности, тематика присоединения греко-католиков к православию в XIX в. широко представлена в диссертационных исследованиях Виктории Билык [1], Богдана Бойко [2], Валентины Лось [7]. Кроме того, проблематика конверсии униатов в православие (в большей или меньшей степени) рассматривалась в монографиях украинских историков Сергея Жилюка [5], Владимира Рожко [8], Олега Крыжановского и Сергея Плохия [6], Надежды Стоколос и Русланы Шеретюк [9], польских исследователей Витольда Клобука [11] и Мариана Радвана [12], французского ученого Даниэля Бовуа [10] и др. Однако специальных работ, где были бы выяснены факторы индивидуальных конверсий униатского населения в Волынской губернии, пока еще нет.

Вместе с тем определение таких факторов непростая задача. Ведь невозможно точно и исчерпывающе ответить, что именно заставляло конкретных лиц становиться православными или католиками. Поэтому мы в данной статье ставим цель выяснить, по крайней мере, те причины конфессиональной конверсии, которые возникали в контексте правительственной политики, и оставляем без внимания аспекты «неоткрытого» (официально незафиксированного) перехода униатов в православие или католичество.

Часто в исторических источниках за общими формулировками, вроде «осознали истинное учение Греко-российского исповедания» или «добровольно приняли государственную религию», спрятаны другие (в меньшей степени психологические) мотивы перехода в православие. Поэтому при выяснении такого неконкретного предмета исследования, как причины и предпосылки конверсии униатов, мы использовали наряду с общенаучными методами и узкоспециальную историческую герменевтику.

Процедура перехода происходила двумя способами: либо с разрешения архиерея с предоставлением консистории (администрации епархии) подписки в том, что лицо обязалось соблюдать православие [4. Д. 109. Л. 13], или без просьбы на то разрешения архиерея и без предоставления подписки [4. Д. 981. Л. 5]. То есть уже обращенным считалось лицо, принимавшее таинства в православном храме, независимо от того, был ли документирован его переход или нет.

Итак, теоретически человек, который хотел перейти в православие, мог обойтись без предусмотренной бюрократической процедуры, принимая во внимание несогласованность отдельных нормативных актов, регламентирующих конверсию в православие и запрет перехода в другие исповедания. Важно отметить, что в ис-

точниках упоминается также специальная категория лиц – «отступники» – которые были крещены или исповедовались в православной церкви, отошли к другому исповеданию, но должны были «вернуться к государственному вероисповеданию» [3. Д. 391. Л. 2].

После поражения польского восстания 1830–1831 гг. правительственная политика приобрела тенденцию, откровенно направленную на присоединение униатских прихожан к греко-российской (православной) церкви. В конце 1835 г. Синод разослал каждой епархии по 10 экземпляров брошюры «Общее наставление священникам относительно заблуждающих от истины веры». В сопроводительном указе отмечалось, чтобы информация о книге не разглашалась, потому что предназначалась только для священников, в приходах которых были «заблудшие» или на которых возлагались специальные функции по обращению иноверцев. Из присланных экземпляров Синод предлагал две брошюры дать в семинарии, где студентов должны были готовить к миссионерству [4. Д. 30. Л. 1].

В начале 1836 г. архиепископ Иннокентий обязал духовенство Волынской епархии активизировать в своих приходах миссионерскую деятельность среди иноверцев. В секретном письме в консисторию от 19 февраля архиереев после краткого анализа предпосылок тогдашнего состояния конфессиональных отношений на Волыни отметил, что в течение предыдущих трех лет успех в обращении униатов не был значительным [4. Д. 158. Л. 1 об.]. Поэтому духовным правлениям и благочинным было предписано направить приходским священникам распоряжение о соблюдении тщательности при обращении иноверцев.

Из официальных документов Волынской духовной консистории можно выделить следующие объективные (в контексте государственной политики) причины конверсии униатов:

- переход в православие, закрытие или опечатывание униатских монастырей, церквей и часовен, следовательно, невозможность выполнять униатами привычных для себя религиозных практик в униатских храмах;
- юридические нормы, которые регламентировали браки неправославных с православными и обязывали воспитывать в православии детей в таких семьях.

Первый мотив ярко прослеживается при рассмотрении конфессиональных трансформаций в уездах, где были упразднены униатские монастыри. Так, 25 ноября 1832 г. священник с. Старый Почаев направил епископу рапорт о переходе в православие двух пар молодых людей, хотевших вступить в брак [3. Д. 971. Л. 4, 7]. Всего, по рапортам уездных благочинных, в 1832 г. в Кременецком уезде (к которому принадлежал Старый Почаев) крестилось и присоеди-

лось к православию 238 униатов [3. Д. 1040. Л. 1–12], а в других уездах вместе – 1. Причина такой поразительной разницы, очевидно, заключалась в том, что в Кременецком уезде на православие в 1831 г. был переведен Почаевский монастырь.

Предпосылка конверсии, связанная с отсутствием униатского храма, ярко просматривается в процессе перехода часовни в селе Лопушня Кременецкого уезда (1836–1839). В обращении греко-католических прихожан к православному архиерею говорилось о насущной необходимости переноса вещей с опечатанной в 1834 г. униатской часовни в местную православную церковь. Мы полагаем, что поступок лопушнянских прихожан был вызван комплексом причин. С одной стороны, здесь присутствует контекст конфессиональной правительственной политики – закрытие часовни («опечатывание» гражданской властью) в 1834 г. Однако имеют место и психологические мотивы – ведь униаты присоединились к православию в надежде, что вещи, которые они подарили местной часовне, будут перенесены к православной церкви и должным образом ухожены [4. Д. 158. Л. 9–14; Д. 502. Л. 6].

В первой трети XIX в. «смешанный» (православно-униатский) брак не был очень распространенной мотивацией перехода. Ведь до 1840 г. в Российской империи действовали нормы, согласно которым лица православного и «иноверного» исповеданий могли заключать брак без обязательств относительно себя, а лишь с обязательствами относительно своих детей. В частности, православно-униатские браки регламентировались следующими актами: приказ Сената Римско-католическому департаменту от 4 марта 1798 г., чтобы венчать смешанные браки только после согласования времени с российским (православным) священником, когда можно совершить венчание; утвержденное императором мнение Государственного совета от 30 сентября 1830 г., где подтверждались нормы 1798 г., но воспрещалось заключать договоры, по которым дети могли воспитываться не в православном исповедании [3. Д. 770. Л. 4–5].

29 декабря 1830 г. Синод приказал, чтобы православные священники крестили детей у родителей любого другого исповедания только после предварительного объяснения им обязательства воспитывать этих детей в «правилах государственной веры» [3. Д. 99, Л. 1–5]. Впоследствии, если кто-то из детей смешанного брака переходил в унию, то наличие или отсутствие подписки о упоминаемых выше обязательствах становилось весомым доказательством при рассмотрении дел в суде.

Так, 24 декабря 1832 г. униатский священник Фадей Леничевский, служивший в Садочкивском храме, крестил ребенка, у которого отец – православный, прихожанин Рахманивской церкви, а мать –

латинского обряда [3. Д. 1079. Л. 9–9 об., 29 об]. Однако оказалось, что при браке не было дано обязательств относительно крещения и воспитания детей в православном исповедании. Поэтому, согласно мнению Государственного совета от 30 сентября 1830 г. и указу Синода от 12 октября 1832 г., о том случае делопроизводство было прекращено [3. Д. 1079. Л. 33–34].

Иногда лица, которые при венчании дали соответствующую подписку, пытались различными способами избежать обязательства крестить своих детей в православии. Например, униатский священник села Корчик Заславского уезда крестил ребенка, но записал об этом не в метрику, а на отдельной бумаге, чтобы не было доказательств нарушения подписки, данной отцом при заключении брака [4. Д. 708. Л. 2]. Конечно, успехом такие действия завершиться не могли. В конечном итоге после одобрения императором Полоцкого акта 1839 г. греко-католическая церковь официально перестала существовать в губерниях Западного края Российской империи (в частности, и в Волынской губернии), а все униатские прихожане автоматически стали считаться православными без выяснения их согласия.

Вместе с тем во второй четверти XIX в. на Волыни имели место униатско-католические конверсии. Однако они не приобрели значительного размаха, ведь такие конфессиональные трансформации запрещало законодательство Российской империи, в частности п. 4, ст. 90, Т. XIV, Свода законов [4. Д. 1186. Л. 2]. Переходы в католичество не приветствовались и униатскими консисториями. Например, в письме vicария Литовской епархии официала Антония Тупальского отмечалось: «по всей епархии был обнародован именной указ, что если бы кто-то осмелился с Униатского обряда перевести в Римский, то должен быть лишен должности» [3. Д. 1054. Л. 430]. В целом такие конверсии количественно уступали переходам униатов в православие. В частности, если в начале 1838 г. в Староконстантиновском уезде было всего 17 униатов, то за полугодие двое из них перешли в католичество, а пятеро – в православие [4. Д. 786. Л. 122–149].

Возможно, определенную роль в тяготении униатов к латинскому обряду сыграло частичное ополячивание униатского богослужения (т. е. введение польского языка и богослужебных особенностей, характерных для польских римско-католических служб). Также важную роль в униатско-католических конверсиях имела позиция местных помещиков. Так, по рапорту Дубенского духовного правления от 11 марта 1835 г., в с. Добратин из униии в католичество перешли три человека, взятых помещицей во двор еще с малых лет в 1803 или 1804 г. [3. Д. 1021. Л. 27 об.]. Поскольку конверсия в католичество

была запрещена, то этих конвертантов органы власти пытались заставить вернуться к унии.

Однако после 1839 г., когда все греко-католики уже считались православными, появилась еще одна проблема – конверсия в православие тех униатов, которые уже успели ранее перейти в латинский обряд. В православии такие лица не получали Святых Таинств, возможно даже не были ни разу там на богослужении. Соответственно, эти конвертанты имели основания, чтобы отрицать свою принадлежность к «господствующему вероисповеданию».

Проблема их конверсии имела несколько вариантов решения. Часть таких лиц переходила в православие без сопротивления, а часть оставалась в католичестве. Последних органы власти причисляли к «отступникам» и вынуждали к конверсии. Впрочем, были единичные случаи, когда таким конвертантам разрешалось (без публичной огласки) оставаться католиками. Например, в 1837 г. Волынская консистория сообщила губернскому правлению о троих лицах из городка Корец, перешедших из унии в католичество. Пока дело рассматривали, то уния была упразднена и все греко-католики уже считались православными. В итоге один человек стал православным в 1840 г. без привлечения суда, второй умер в 1841 г., а третий перейти в православие отказывался. Наконец, в 1847 г. консистория тайным письмом приказала не трогать того человека за неимением доказательств и из-за категорического его отказа к присоединению.

Определенные обстоятельства конверсии на римско-католичество во второй четверти XIX в. видны при сравнении православного (куда бы униаты должны были перейти по решению Полоцкого собора) и католического прихода, который мог быть по соседству с православным (например, такое соседство имело место в Шумбаре, Кеременецкого уезда). Шумбарский православный священник служил по очереди в трех храмах: на первое воскресенье – в одном приходе, на другое – в приписной церкви, на третье – еще в одном отдельном приходе. То есть богослужение происходило раз на три воскресенья и на праздники, а в шумбаском католическом костеле – почти ежедневно [4. Д. 348. Л. 1 об.]. Внутри православный храм был меньших размеров по сравнению с католическим [4. Д. 348. Л. 2 об.]. Православный священник, перешедший из унии, не учился в православных школах и не имел образцового наставника в православных догматах, а местные прихожане в детстве получили иноверное воспитание и, кроме того, многие из них имели семейные связи с поляками. Поэтому запрет ходить в костел прихожанами не воспринимался, а он «казался им диким, неслыханным и очень досадным» [4. Д. 348. Л. 2 об.]. В конечном итоге в 1837 г. сложилась ситуация, при которой местные православные, «не ожидая опреде-

ленного времени, когда должна быть в приходской своей церкви Божественная служба, постоянно... ходят к тринитарному костелу» [4. Д. 348. Л. 2]. Конечно, такое сравнение не касалось всех православных церквей и католических костелов. Однако в отдельных случаях эти отличия все же могли повлиять на местную конфессиональную ситуацию.

Итак, можно выделить две комплексные группы предпосылок конверсии униатов в православие в Волынской губернии во второй четверти XIX в.: 1) ликвидация униатских монастырей, церквей и часовен, следовательно, невозможность выполнять религиозные практики в униатских храмах; 2) юридические нормы, регламентировавшие браки неправославных с православными и обязывавшие воспитывать детей от смешанных браков в православии. Кроме того, на Волини имели место униатско-католические конверсии (как средство для сдерживания перехода греко-католиков в православие), хотя их количество было значительно меньшим по сравнению с переходами на православие.

Список литературы

1. Білик В. А. Греко-уніатської церква на Правобережній Україні наприкінці XVIII – у 30-х рр. XIX ст.: дис. ... канд. іст. наук: 07.00. – Луцьк, 2009.
2. Бойко Б. Є. Трансформаційні процеси в житті християнських конфесій на Волині періоду її перебування у складі Російської імперії (1793–1917 рр.): дис. ... канд. іст. наук: 09.00.11. – К., 2009.
3. Государственный архив в Житомирской области (ГАЖО). Ф. 1. Оп. 7.
4. ГАЖО. Ф. 1. Оп. 8.
5. Жилюк С. І. Російська православна церква на Волині (1793–1917 рр.). – Житомир, 1996.
6. Крижанівський О. П., Плохій С. М. Історія церкви та релігійної думки в Україні: у 3 кн. – К., 1994. – Кн. 3: Кінець XVI – середина XIX століття.
7. Лось В. Е. Історія Греко-уніатської церкви на Правобережній Україні кінця XVIII – першої половини XIX ст.: джерелознавчий аспект: автореф. дис. ... канд. іст. наук: 07.00.06 / Дерд. ком. арх. України, Українського НДІ арх. справи та документознавства. – К., 2007.
8. Рожко В. Є. Нарис історії Української православної церкви на Волині (870–2000). – Луцьк, 2001.
9. Стоколос Н., Шеретюк Р. Драма Церкви (До історії скасування Греко-Уніатської Церкви в Російській імперії та викорінення її духовно-культурних надбань): моног. – Рівне, 2011.
10. Beauvois D. Polacy na Ukrainie 1831–1863. Szlachta polska na Wołyniu, Podolu i Kijowszczyźnie. – Paryż, 1988.
11. Kołbuk W. Kościoły wschodnie na ziemiach dawnej Rzeczypospolitej 1772–1914. – Lublin, 1992.
12. Radwan M. Carat wobec Kościoła greckokatolickiego w zaborze rosyjskim (1795–1839). – Roma-Lublin, 2001.

Образ казахов Оренбургского края в региональной справочной литературе XIX – первой четверти XX в.

В статье анализируется образ казахов Оренбургского края в региональной справочной литературе XIX – первой четверти XX в. Его формирование происходило с помощью различных механизмов, образ региона конструировался как сознательно, так и самопроизвольно. В исследовании используются элементы контент-анализа.

In the article we analyze the image of the Kazakh of Orenburg region in regional reference literature of XIX century- the first term XX century. Its formation occurred with different mechanisms, the image of the region was constructed both consciously and spontaneously. In research used elements of content-analysis.

Ключевые слова: образ региона, казахи, Оренбургский край, кочевники, региональная справочная литература.

Key words: image of the region, the Kazakhs, the Orenburg region, nomads, regional reference books.

Категория «образ региона» сегодня активно используется в российской исторической науке [18, с. 13]. Исследования этой категории интересны тем, что отражаются запечатленные в сознании определенных групп людей представления о конкретном регионе и его населении. Так, Н.Н. Родигина считает, что образ региона – это не просто отражение в общественном мнении представлений о регионе, базирующихся на знаниях о нем, но и продукт коллективного воображаемого, который может сознательно конструироваться заинтересованными интеллектуальными или политическими элитами [14, с. 13].

Обращаясь непосредственно к образу Оренбургского края в региональной литературе, отметим, что его формирование происходило с помощью различных механизмов, образ региона конструировался как сознательно, так и самопроизвольно.

В рамках исследования образа Оренбургского края было выявлено, что одной из популярных в региональной литературе тем, отражающих образ региона и его населения, являлись взаимоотношения местного населения с казахским народом [9, с. 207–211; 19, с. 67–70]. Интерес к казахам Оренбургского края вызван, безусловно, «соседством» с казахами и постоянными контактами с населением этого региона [7, с. 102–107]. Причем казахское

население Оренбургской губернии являлось одновременно объектом внимания не только региональной и центральной власти, но и интеллектуальной элиты края [6, с. 102–104; 8, с. 59–68].

В рамках заявленной темы для выявления текстов, посвященных казахам оренбургского региона, определения их количественных параметров и основных тем был использован метод сплошной выборки. Для выяснения устойчивых слов и словосочетаний (слов-маркеров), раскрывавших содержание интересующей нас темы, использовались элементы контент-анализа.

Суть метода состоит в том, что исходя из исследовательской задачи в изучаемом источнике выделяется набор признаков, характеризующих строение документа и, следовательно, породившей его системы. С этой целью текст расчленяется на отдельные смысловые единицы. Затем подсчитывается частота употребления каждой из таких единиц, определяется роль и место их в тексте, устанавливается степень близости и различий между ними. Затем в целях выделения наиболее общего и типичного в изучаемых явлениях вся совокупность единиц подвергается категориальному синтезу, т. е. на их основе формируется система наиболее общих, ключевых категорий, содержательная интерпретация которых и составляет заключительный этап анализа [10, с. 202–203].

Контент-анализ позволяет избежать иллюстративного подхода к источнику и учесть максимально большое количество элементов текста.

В интересующий нас период в Оренбургской губернии издавалось немало трудов, посвященных истории и географии края, ее населению. Авторами этих изданий были учителя, военные, чиновники, которых интересовала жизнь края и его населения.

Нами были проанализированы общие труды по Оренбургской губернии и Оренбургу, справочные книжки и статистические сборники Уральской, Тургайской областей, изданные в XIX – первой четверти XX в.

Образ казахов на страницах этих изданий формировался на основе личного общения авторов с кочевым населением степи, рассказов соотечественников, а также материалов из доступных им сочинений исследователей края более раннего периода.

Заметим, что все эти издания проходили цензуру, после чего отдавались в печать, таким образом, взгляд цензора оставлял определенный отпечаток на содержании трудов.

Нами был осуществлен сплошной просмотр региональной справочной литературы (порядка 25 изданий), в результате чего было выявлено, что информация о казахх края содержится в 50 % изданий, что позволяет говорить об определенном уровне интереса авторов изданий к теме нашего исследования.

Что касается упоминаний о казахах, то о них в основном говорится в рамках рассказов о населении края, внешней торговле, политике имперских властей относительно новых подданных, а также контактах местных жителей со степным казахским населением.

В трудах содержатся описания внешнего облика казахов, что, к примеру, не характерно для изданий региональных научных обществ.

Так, в описательном труде, посвященном Оренбургу, Ф.И. Лобысевич писал: «Киргизки, кроме их неопрятности, весьма непривлекательны, даже безобразны по самому их типу. Узкие маленькие глаза, выдавшиеся скулы и загорелое до красноты лицо, до крайности грубое, большой рот – вот портрет любой киргизки. Только два ряда белых зубов, почти всегда оскаленных, поражают своею прелестью, но не гармонируют с общим видом черномазой степнячки. Наряд киргизских женщин тоже весьма незатейлив и очень мало различается от мужского. Вокруг головы намотан холст, не чалмою, в виде цилиндра, из-под которого сзади выходит одна или две заплетенные косы с разными украшениями. Только по головному убору и можно отличить киргизку, потому что как в лице, так и в манерах ее, мало женственности» [5, с. 34–35].

Левшин указывал: «Киргизы бреют голову, не едят свиного мяса, платье носят с узкими рукавами, шапки квадратные с плоским верхом» [4, с. 16].

Исходя из описания, можно сделать вывод о том, что внешний облик казахов вызывал у местных жителей определенное неприятие, что было вызвано нетипичными для жителей края чертами лица, сильным загаром, связанным с постоянным пребыванием на солнце, а также национальной традиционной одеждой.

Помимо описания внешнего облика казахов, в справочной литературе авторы оценивали их характер и привычки.

Так, в «Памятной книжке Тургайской области» указывалось, что киргиз есть сын своей степи в полном смысле этого слова: она выработала в нем особенности его характера, своеобразный быт [13, с. 307–308].

А в «Статистическом календаре» писали, что строй киргизской жизни слагается в зависимости от нужд и потребностей скота [15, с. 43], что, безусловно, стало объективным замечанием автора, но при этом им же и осуждалось.

Киргизы, по мнению Бларамберга, были бедны, но отважны. Автор отмечал их корыстолюбие, склонность к грабежу и храбрость на войне [1, с. 95].

Отмечая воинственный дух казахов, авторы делали вывод, что формировалась воинственность из-за необходимости охранять свой стада от хищения и самовольств расправы, от баранты.

У кочевников также отмечалась склонность уменьшать или увеличивать сведения о народонаселении, имущественном состоянии и другие данные о своем положении, чтобы извлечь выгоду [11, с. 15].

Казахам приписывалось обжорство: киргиз может истребить такое огромное количество мяса и кумыса, которое не под силу было бы и троим русским [11, с. 18].

Но в то же время, подчеркивая отрицательные качества казахов, авторы трудов писали и о достоинствах кочевников: «У этого народа существует прекрасный обычай, который бы не мешало бы перенять и нам: богатые киргизы в праздники кормят бедных» [12, с. 19].

Также отмечалось, что прежде всего киргизы отличаются большим гостеприимством: «Отправляясь в путь, киргизы никогда не берет с собой никакой еды, как бы далеко он ни отправлялся в степь. Он знает, что через какие бы аулы ни лежал его путь, будут ли там знакомые или нет, везде его с радостью приютят и накормят» [17, с. 27].

Вульфсон указывал, что пьют киргизы и любимый русский напиток чай и очень любят его, особенно в Букеевской степи, где они часто сталкивались с русскими. Не редкость встретить в киргизской кибитке самовар даже у бедных. Но кроме чая, киргизы после знакомства с русскими, научились пить водку [3, с. 77–78].

Интересны сведения, касавшиеся торговли с казахами. Так, Лобысевич писал: «Под навесом бухарских лавок несколько киргизок, поджав под себя ноги, сшивают какие-то лохмотья. Иглы в руках их толстые и грубые, а нитки ссучиваются киргизками тут же, по мере надобности; другие же, сидя на тележке, продают кумыс» [5, с. 34].

В «Памятной книжке Тургайской области» указывалось, что торговля с киргизами была особенно выгодна, так как они не знали цены денежным знакам, и, кроме того, товары, которые шли на обмен с киргизами, были в большинстве своем самого низкого качества [13, с. 32].

Сближению киргизов и русских началось, по сути, из-за обоюдных нужд: киргизам нужен был хлеб, русским – халаты, бараны, лошади. От сближения киргизы и русские перешли к куначеству (дружбе) и в «настоящее время между ними видно совершенное согласие» [15, с. 53].

На наш взгляд, такие выводы ошибочны, так как «совершенного согласия» между казахами и русскими не было, набеги казахов, пусть реже, чем после вхождения казахских земель в состав Российской империи, но случались.

Для нашего исследования интересным являлось изучение отношения властей к кочевому казахскому населению, а точнее, трансляция действий властей через региональную литературу.

В «Памятной книжке Тургайской области ...» указывалось, что в 1763 г., обратив внимание на притеснения киргиз, императрица Екатерина II предлагала немедленно употребить по отношению к ним пристойные средства, «коиими чинимые обиды и притеснения были бы отвращены» [13, с. 24]. В указе от 31 декабря 1767 г. говорилось, что «пока киргизы в поведении своем и нравах не смягчатся, следует воспользоваться их корыстолюбием», а потому признавалось возможным выдавать им вознаграждение за сопровождение караванов по 1 % от стоимости товаров [13, с. 26].

Таким образом, автор подчеркивал, что власти всячески пытались извлечь выгоду из качеств киргизов и превратить их из барантующих врагов в союзников. В подтверждение этому факту можно привести высказывание Бларамберга: «Нет сомнения, что киргизский народ до тех пор только будет полезен, пока он верен старине, то есть пока он не земледелец, а пастух. Если бы даже все причины, препятствующие его оседлости, были удалены, то распространение плуга повлечет за собой упадок скотоводства, земледелие принесет киргизу ничтожную пользу, а второе повредит русским» [1, с. 92].

При этом другой исследователь отмечал, что подати, которые выплачивали киргизы, а также сокращение пастбищ приводили к тому, что киргиз с каждым годом беднел. Уменьшалось главное его богатство – скот, достаток его все падал и падал. Это положение становилось еще хуже оттого, что киргиз беспечен, ленив, необразован и с трудом берется за новое дело [3, с. 67]. Он же отмечал, что правительство занято поиском способов, как придти на помощь киргизу и помочь ему выпутаться из тяжелого положения.

На страницах «Памятной книжки Тургайской области» читателю сообщалось, что по присоединении киргизов к России в 1731 г. и по принесении ими верноподданнических присяг главными заботами российского правительства было принятие мер к ограждению русских поселений от нападений со стороны новых подданных [13, с. 401]. То есть, по мнению данного автора, ограждение русских от нападений было важнее для имперских властей, нежели попытки включить казахов в социокультурную среду империи.

Хотя, если учитывать тот факт, что Оренбург во многом был городом азиатским, а не только европейским, а русское население его, в летнее время особенно, терялось в разношерстном сброде народов Азии – киргиз, татар, башкир, и летом на улицах Оренбурга на 25–30 азиатцев можно было встретить 2–3 из русских [2, с. 120], то, на наш взгляд, имперским и региональным властям необходимо было не только защищать русское население, но и обратить внимание на нужды новых подданных.

Отметим, что, несмотря на то, что казахи считались подданными Российской империи, в некоторых изданиях при рассказе о насе-

лении Оренбургского края авторы писали, что это население составляют русские и инородцы (башкиры, чувашаи, мордва, татары, мещеряки, тептяри) [16, с. 69], но не казахи, что говорит о том, что казахов все еще не считали частью империи, они, скорее, были «соседями», с которыми велась внешняя торговля.

В целом для справочной литературы характерна позиция по отношению к казахам Оренбургского края, выраженная в некоем превосходстве над этим народом, убежденность, что вхождение их в состав Российской империи положительно повлияет на развитие казахов, позволит им стать более культурными и образованными.

Вот как выражалась эта точка зрения в одном из изданий: «Под влиянием воспитательных начал, вселяемых администрацией и судом, можно надеяться, скоро сгладятся все ненормальные явления в жизни кочевников, характеризующие переходное состояние этого народа, пережившего печальную эпоху войн, произвола и обратившегося, при господстве русской власти, к мирным занятиям скотоводством и земледелием. Такое изменение в нравах кочевников совершилось потому, что они, по свойственному им благородию, не восприняли крайних основ магометанского вероучения, а последовали за более культурным народом, с которым уже более полутора века добровольно связали свою судьбу» [13, с. 375–376].

Имеющиеся данные позволяют составить таблицу соотношения слов-маркеров, характеризующих казахов Оренбургского края.

*Номенклатура и численное соотношение слов-маркеров,
характеризующих казахов Оренбургского края
в местной справочной литературе*

№ п/п	Слова-маркеры	Число повторов
1	Баранта	5
2	Сыновья степи, кочевники	4
3	Хитрые	3
4	Корыстолюбивые	3
5	Гостеприимные	2
6	Воинственные	2
7	Набеги, грабежи, воровство	2
8	Беспечные, легкомысленные, глупые	2
9	Нечистоплотные	2
10	Совестливые, добрые	2
11	Бедные	1
12	Полудикие, дикие	1
13	Лживые	1
14	Отважные	1
15	Ленивые	1

На основе табл. можно говорить о том, что наиболее часто встречаются в справочных трудах слова-маркеры *баранта, сыновья степи, хитрые, корыстолюбивые*. Таким образом, в количественном соотношении преобладают характеристики с резко негативным оттенком.

Кроме перечисленных, негативный образ казахов создают такие слова, как *нечистоплотные, лживые, ленивые*, позитивный: *гостеприимные, добрые, отважные*.

Таким образом, 69 % из общего количества слов-маркеров составляют негативные характеристики, 16 % – позитивные.

Образ казахов на страницах различных изданий формировался на основе множества факторов – это и личное общение авторов с кочевым населением степи, и рассказы соотечественников, побывавших в степи, а также стереотипы, сложившиеся в обществе относительно инородцев.

Отрицательные характеристики казахского народа были типичны для исследователей Оренбургского края интересующего нас периода. Это было связано с тем, что соседство с казахами (до их вступления в российское подданство и даже после этого события) приносило Оренбургскому краю ряд сложностей. Прежде всего такими сложностями были нападения на торговые караваны, взятие в плен жителей края, нестабильность на приграничных территориях. А также отрицательные оценки можно объяснить различиями в образе жизни и традициях кочевого общества.

Восприятие казахской степи и ее обитателей русской интеллигенцией как чужого, враждебного и опасного пространства было характерно для авторов местных изданий. Но с течением времени восприятие крайне медленно, но все же менялось. В начале XIX в. казахская степь была еще малоизученной в географическом и в этнографическом отношении. Поэтому исследователи, как правило, не имели точного представления ни об особенностях региона, ни о внешнем облике и обычаях местного населения.

Постепенно казахская степь стала утрачивать статус неизвестного края, но при этом она по-прежнему воспринималась в качестве опасного пространства, населенного враждебными хищниками. Образ казахов-разбойников постепенно уступал свои позиции образу хотя и полудиких, но мирных и дружелюбных кочевников. Немаловажную роль в этом процессе сыграло восприятие казахами, жившими вблизи русских укрепленных линий, некоторых элементов русской культуры: русских слов, одежды, оседлого типа ведения хозяйства. Как правило, это оценивалось оренбургскими авторами в качестве положительного явления. Теперь казахи делились на хищных и мирных.

Мнение о дикости казахов-кочевников подкреплялось также отсутствием у них государственности, письменного законодательства, развитых политических институтов, бытовой неустроенностью при кочевом образе жизни, якобы свойственными казахам неопрятностью и т. п. Преодоление дикости казахами виделось в этот период русскими исследователями при условии их приобщения к оседлости, земледелию и просвещению под эгидой российского правительства.

Исходя из вышесказанного, образ казахов Оренбургского края в справочной печатной продукции края можно охарактеризовать как переживший эволюцию от радикально до умеренно негативного. Это связано как с объективными, так и субъективными факторами. Их образ складывался на протяжении длительного периода времени. На этот процесс большое влияние оказал тот фактор, что присоединение казахских земель как определенной территории произошло быстрее, чем включение этого народа в социокультурное поле Российской империи.

Список литературы

1. Бларамберг И.Ф. Военно-статистическое обозрение земли киргиз-кайсаков Внутренней (Букеевской) и Зауральской (Малой) Орды, Оренбургского ведомства. – Оренбург, 1848.
2. История Оренбургской губернии / сост. А. Алекторов. – Оренбург, 1883.
3. Киргизы / под ред. Э.С. Вульфсона. – М., 1901.
4. Левшин А.И. Описание киргиз-кайсачьих Орд и Степей. – Ч. 2. – СПб., 1832.
5. Лобысевич Ф.И. Город Оренбург. С фотографическими картинками: историко-статист. очерк. – СПб., 1878.
6. Любичанковский С.В. Империя, регион и подданные: казахское население Оренбургской губернии как объект реформ в конце XVIII в. // Россия под властью Романовых: к 400-летию воцарения: сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. – Стерлитамак, 2013. – С. 102–104.
7. Любичанковский С.В. Реляции О. А. Игельстрома в Государственный Совет как исторический источник по проблеме интеграции Казахских земель в состав Российской империи // Уральский ист. вестн. – 2013. – № 2(39). – С. 102–107.
8. Любичанковский С.В. Империя Романовых и проблема управления культурно-гетерогенным пространством // Уральский ист. вестн. – 2013. – Т. 3(40). – С. 59–68.
9. Любичанковский С.В. Уклад жизни казахского населения Оренбургской губернии в 1-й половине XIX века: систематизация опубликованных до революции источников мемуарного характера на научно-образовательном сайте «Источник» // Сельское население России в условиях модернизации XIX–XXI веков: сб. ст. VII междунар. науч.-практ. конф. – Оренбург, 2012. – С. 207–211.
10. Методология истории. – Минск, 1996.
11. Обзор Тургайской области за 1912 год. – Оренбург, 1913.
12. Памятная книжка Оренбургской губернии 1865 года. – Оренбург, 1865.
13. Памятная книжка Тургайской области 1899 года. – Оренбург, 1899.

14. Родигина Н.Н. «Другая Россия»: образ Сибири в русской журнальной прессе вторая половина XIX – начало XX в. – Новосибирск, 2006.
15. Статистический календарь Оренбургской губернии 1869 года. – Оренбург, 1870.
16. Хохлов И.С. География Оренбургской губернии. – Оренбург, 1916.
17. Черемшанский В.М. Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом и промышленных отношениях. – Уфа, 1859.
18. Lyubichankovskiy S.V. Experience of creation of regions' images in the Russian empire military science // Fourth East Asien Conference on Slavic and Eurasian Studies On The Image of the Region in Eurasian Studies. – Osaka, 2012.
19. Lyubichankovskiy S.V. The project of creating a new scientific and educational website on History of the Orenburg region as a task of modern Russian historical studies // Humanity, Culture and Society Selected, peer reviewed papers from the 2012 International Conference on Humanity, Culture and Society (ICHCS2012). – Hong Kong, 2012. – P. 67–70.

Деятельность благотворительных организаций по борьбе с голодом 1891–1892 гг. на территории Оренбургской губернии

В статье рассмотрена работа благотворительных обществ по оказанию помощи пострадавшим от неурожая 1891 г. в Оренбургской губернии, а также деятельность различных обществ в каждом уезде, их методы работы. Затрагивается вопрос об отношении общества к благотворительности.

The article is about charitable foundation's work to help starving people in Orenburg region during 1891 year. The author studies the work of different charitable foundations in each district, their methods and results. The question of people's attitude to charity is also mentioned.

Ключевые слова: голод 1891–1892 гг., Оренбургская губерния, Епархиальный комитет, Российское общество Красного Креста, благотворительность.

Key words: The famine of 1891–1892 years, Orenburg region, Eparhialnyi komitet, Russian red cross society, charity.

Система благотворительности в Российской империи складывалась на протяжении многих столетий, меняя форму и содержание. И если на начальном этапе во главе дела по оказанию помощи нуждавшемуся населению стояла церковь, то с конца XVII в. это дело взяло в свои руки государство: Петр I специальным указом запретил частную благотворительность и за подачу милостыни был наложен штраф в 5 р. В 1775 г. частным лицам и обществам было разрешено устраивать благотворительные учреждения, однако до середины XIX в. процесс этот шел очень медленно: к 1861 г. благотворительные организации были созданы лишь в восьми городах Российской империи [16, с. 55–58]. Реформы 60-х гг. XIX в. пробудили общественность, и к концу века благотворительные учреждения существовали практически в каждом городе.

В Оренбургской губернии первым таким учреждением стало Епархиальное попечительство о призрении бедных духовного звания, основанное в 1866 г. В 70-е – 80-е гг. XIX в. в губернии появляется целый ряд благотворительных организаций: Губернское попечительство детских приютов (заботилось о призрении сирот, детей бедных родителей, подкидышей), Общество вспомоществования нуждающимся ученикам гимназии (выдавало денежные пособия нуждавшимся ученикам на учебники, одежду, вносило плату за учебу несостоятельных), местное Управление Российского общест-

ва Красного Креста (оказывало помощь всем пострадавшим от общественных бедствий), православное Михайло-Архангельское братство (выдавало пособия нуждавшимся жителям Оренбургской епархии всех сословий), Попечительный совет о призрении бедных духовного звания IX благочиннического округа, Общество взаимного вспомоществования приказчиков. Но все эти общества находились в г. Оренбурге и действовали в пределах Оренбургского уезда. Одна благотворительная организация находилась в г. Троицке – Общество попечения о народных школах. Оно оказывало помощь ученикам народных школ Троицка и его уезда выдачей книг, учебных принадлежностей, одежды, а также занималось устройством библиотек [1]. В остальных же уездах Оренбургской губернии до 1891 г. каких-либо благотворительных организаций не существовало.

Голод 1891–92 гг. явился для Российской империи настоящим народным бедствием, которое потребовало мобилизации не только государственных¹, но и общественных сил. Благотворительность стала одной из самых доступных форм помощи нуждавшемуся населению, а потому в этот период различные общества помощи пострадавшим от неурожая создавались повсеместно, активизировалась и частная благотворительность. Так, например, в 1892 г. было образовано Общество вспомоществования нуждающимся жителям г. Оренбурга с целью оказания помощи лицам местного мещанского сословия. Помощь эта выражалась в снабжении неимущих одеждой, пищей и приютом, выдаче единовременных денежных пособий, содействии в поисках работы, снабжении бедных больных медицинскими средствами, а для тех, кто остался без крова, был открыт дом призрения неимущих в Оренбурге [1].

Развитию дела благотворительности в годы голода во многом способствовало государство, взяв его под свой контроль. Так, 18 ноября 1891 г. при Министерстве внутренних дел был создан Особый комитет для помощи нуждающимся в местностях, застигнутых неурожаем, под председательством цесаревича Николая Александровича. В состав Комитета вошли генерал-адъютант фон Кауфман, действительный тайный советник Победоносцев, статс-секретарь Островский, статс-секретарь Дурново, генерал-адъютант граф Воронцов-Дашков, гофмейстер граф Строганов и тайный советник фон Плеве. В положении об учреждении Особого комитета говорилось: «Комитет, имея попечение об усилении средств частной благотворительности в пользу неурожайных местностей, принимает с этой целью пожертвования и обращает их по назначению при содействии по преимуществу существующих на местах для сей цели учреждений. В сих видах в комитете сосредотачиваются все сведе-

¹ Применительно к Оренбургской губернии об этом см., например [6].

ния о помянутых учреждениях. Комитет наблюдает за правильным употреблением пожертвований и принимает меры к согласованию благотворительной деятельности с распоряжениями местных начальств и учреждений, выдающих народное продовольствие и общественное призрение» [12]. Иными словами, Особый комитет был создан для сбора пожертвований и распределения их по губерниям, а также для контроля за использованием собранных денег. С целью координации действий на местах образовывались специальные губернские благотворительные комитеты, состав которых определялся местным губернским начальством. Помимо этого, Комитет направлял в губернии, пострадавшие от неурожая 1891 г., специальных уполномоченных, которые на месте могли следить за деятельностью комитетов.

Такой уполномоченный был командирован и в Оренбургскую губернию, им стал флигель-адъютант полковник Косач. В своих донесениях он писал, что «тяжелое экономическое положение Оренбургской губернии вызвало значительное оживление на месте общественной и частной благотворительности. Местная благотворительная организация, деятельность которой в настоящее время объединяется особым совещанием, под руководством губернатора, состоит из учреждений: духовного ведомства, российского общества Красного Креста и учреждений, возникших независимо от первых двух» [12]. Слова флигель-адъютанта об оживлении общественной благотворительности на местах подтверждаются конкретными примерами в каждом отдельном уезде Оренбургской губернии.

Так, например, в Троицком уезде, где к 1891 г. было лишь одно Общество попечения о народных школах, открылось сразу четыре учреждения: Комитет народного продовольствия (основан 5 октября 1891 г.), Благотворительный комитет (12 ноября 1891 г.), Попечительство Красного Креста (23 октября 1891 г.), Церковно-приходское попечительство (28 октября 1891 г.) [4. Л. 77]. Комитет народного продовольствия открылся на средства, ассигнованные Троицкой городской думой – 35 350 р. 87 к. На эти деньги комитет приобрел пшеницу – 22 020 пудов и ржаной муки из Златоуста – 1991 пуд, которые отпускались из специальной лавки по пониженной стоимости – 1 р. 65 к., а бедным за половину стоимости и бесплатно. Благотворительный комитет начинал свою деятельность с устройства двух бесплатных столовых (12 ноября 1891 г. – для православного населения, 13 ноября – для мусульман), в которых уже в первые 10 дней обедало свыше 4 тыс. чел. в каждой. Комитет разделил нуждающихся на два разряда: к первому отнес всех тех, кто от стечения различных обстоятельств: сиротства, болезней, дряхлости не в состоянии были сами зарабатывать насущный кусок хлеба, вообще известных в обиходе под названием «нищих», ко

второму разряду – всех тех, кто и могли бы сами обеспечивать себя, но вследствие безработицы не находили занятий и вследствие состояния не решались просить милостыни [5. Л. 20]. Число бесплатных обедов было ограничено: 200 – для православного населения, 100 – для мусульман.

Попечительство Красного Креста в г. Троицке занималось выдачей пособий нуждавшимся, которые не получали помощь от других комитетов, для чего из Оренбургского отделения Общества Красного Креста было прислано 5 198 р. 93 к. и собрано по подписке 1 473 р. Первоначально в работе комитетов не было слаженности, каждый действовал обособленно, поэтому один и тот же человек мог получить помощь сразу в нескольких местах, и сами нуждающиеся не знали, к кому обратиться за помощью. Поэтому 17 ноября 1891 г. Троицкий уездный исправник пригласил представителей всех попечительств для сбора сведений о нуждавшихся жителях. На этом собрании было решено образовать центральный комитет, в обязанности которого входило разбирать удостоверения, приносимые нуждающимися в помощи, и направлять их по благотворительным учреждениям, делать отметки на удостоверениях о выдаче или невыдаче пособия [4. Л. 3–5]. Так благотворительная помощь из стихийной превращалась в организованную, что позволяло охватить большее количество населения. Однако этих мер было недостаточно, уже в ноябре 1891 г. Троицкое городское управление докладывало оренбургскому губернатору: «Численность нуждающихся с каждым днем увеличивается, средств недостаточно, поэтому необходимо оказывать помощь благотворительным организациям со стороны государства» [4. Л. 77].

В Челябинском уезде в 1891 г. были учреждены два приходских попечительства (при Христорождественском соборе и Свято-Троицкой церкви), Комитет по призрению нищих и особый Дамский комитет, отделение Российского общества Красного Креста. Комитет по призрению нищих занимался устройством столовых – 12 октября такая столовая открылась в г. Челябинске. Особый Дамский комитет занимался устройством убежищ для детей, организацией детских столовых и больницы. Всего за период с 20 сентября 1891 г. по 9 мая 1892 г. Дамский комитет открыл три убежища для детей и одно – для бесприютных матерей с грудными детьми, в которых призревало всего 330 детей; три столовых, в которых к 1 мая 1892 г. получали пищу 760 детей и одну больницу [5. Л. 27]. Деятельность Дамского комитета тем примечательна, что первоначально это было полностью общественное начинание, основанное на деньги его основательниц и частные пожертвования, позже ему были выделены средства из Челябинского попечительства Красного

Креста – 200 р., из Санкт-Петербургского епархиального комитета – 400 р., из Оренбургского епархиального комитета – 500 р.

Значительно хуже дела обстояли в Орском и Верхнеуральском уездах. Орский городской голова 30 апреля 1892 г. докладывал оренбургскому губернатору: «Столовых и приютов по неимению у города средств учреждено для голодающих не было» [5. Л. 4]. Хотя все же два комитета в городе было, организовала их Орская городская дума. Один комитет на средства, выделенные некоторыми состоятельными горожанами, открыл хлебную лавку для урегулирования цен на рынке, второй комитет начал работу 15 декабря 1891 г. и занимался санитарными делами. Также в городе действовали Епархиальный комитет и попечительство Красного Креста.

Из Верхнеуральска 22 апреля 1892 г. в канцелярию оренбургского губернатора пришло похожее донесение: «Благотворительными заведениями помощь пострадавшему от неурожая населению не представлена, так как таких учреждений городским общественным управлением не содержится по неимению городских средств и население города питает единственную надежду и упование в будущем дожидаться обильного урожая» [5. Л. 3]. Тем не менее в Верхнеуральске действовали отделение Красного Креста, которое выдавало помощь деньгами, хлебом, мясом, и попечительство Епархиального комитета.

Работа оренбургского отделения Красного Креста и Епархиального комитета заслуживает отдельного рассмотрения. От других обществ их отличало наличие четкого руководства и разветвленной структуры на всех уровнях административного деления Российской империи.

Российское общество Красного Креста приняло самое деятельное участие в деле помощи населению, пострадавшему от неурожая. По сообщению «Вестника Российского общества Красного Креста» – главного печатного органа организации – «...во всех учреждениях общества Красного Креста открыт прием пожертвований, расставлены кружки, к участию в сборе привлечены члены общества, во многих местах учреждены особые попечительства. Решительно все учреждения общества отчисляют возможную по их средствам часть из всех запасных капиталов для немедленной отправки в неурожайные губернии» [2].

Главное управление общества распределило даже все отделения, закрепив их за конкретной неурожайной губернией. Так, Оренбургскому обществу Красного Креста должны были помогать Главное управление, Самаркандское управление, Енисейское местное управление, Санкт-Петербургский комитет для оказания помощи вдовам и сиротам пострадавших на войне, Московское местное

управление, а также Лифляндское, Вологодское, Новороссийское управления [3]. Всего за 1891 г. в Оренбургское отделение было отправлено 66 180 р. 46 к. Из Оренбурга деньги распределялись по уездам губернии, где также были учреждены попечительства Общества Красного Креста. В Оренбургском уезде такие филиальные отделения создавались в Илецке, селах Михайловском, Ташла и в станице Нижнеозерной. В Орском уезде филиалы открыли в станицах Верхнеозерной и Таналыкской, а также в с. Преображенском. В Верхнеуральском уезде – в станицах Кизильской, Великопетровской и при Белорецком заводе; в Троицком уезде – в станице Уйской и на Миасском заводе; в Челябинском – в селах Чумляк, Куртамыш, Воскресенском и в станице Усть-Уйской [5. Л. 46].

Помощь, которую оказывало Оренбургское общество Красного Креста населению, была как денежной, так и натуральной, а кроме того повсеместно, во всех уездах Оренбургской губернии Красный Крест организовывал бесплатные столовые. Всего было открыто 58 столовых: три в Оренбургском уезде, два в Орском, 11 в Верхнеуральском, три в Троицком и 38 в Челябинском уездах. Помимо столовых Красный Крест открыл больницы в с. Ташла Оренбургского уезда, на Миасском заводе и в хуторе Качкарском Троицкого уезда, а также два ночлежных дома в Челябинске [5. Л. 48].

Активную работу по оказанию помощи населению, пострадавшему от неурожая, проводил Оренбургский епархиальный комитет, который имел разветвленную сеть на местах: на уровне уездов – уездные благочиннические комитеты, в селениях – приходские попечительства. Уездные благочиннические комитеты состояли из председателя благочинного округа, нескольких лиц из духовенства и нескольких лиц из местного светского общества. В приходские попечительства входили священнослужители прихода, церковный староста, сельский староста или поселковый атаман, учителя народной школы и несколько представителей от прихожан [4]. Попечительства должны были собирать сведения о голодающих в приходе и передавать их оренбургскому епархиальному комитету. Попечительства получили подробную инструкцию от комитета, в которой прописывалось, кому выдавать пожертвования. Согласно этой инструкции, «к голодающим относятся только лица, решительно лишившиеся пропитания, а не вообще недостаточно обеспеченные продовольствием. Выбор лиц, которым должно быть оказываемо вспомоществование, лежит на совести попечительств и за недостаточное распределение подаваний между голодающими они несут на себе тяжкую ответственность перед Богом и обществом» [10].

Деятельность епархиального комитета заключалась в распределении средств по попечительствам на местах, выдаче хлеба (который присылали из других епархий) голодающим ближайших к

Оренбургу местностей и в непосредственной помощи голодающим г. Оренбурга. Помощь выдавалась в виде печеного хлеба по расчету 1 фунт хлеба в день на едока. Иногда этот паек мог быть уменьшен или увеличен: например, в многодетных семьях норма выдаваемого хлеба уменьшалась, а одиноким и не способным к труду увеличивалась. Также существовала градация по возрасту: детям до 5 лет и престарелым выдавали белый хлеб, всем остальным – черный. Для получения хлеба от епархиального комитета нуждавшимся выдавались специальные квитанции на определенный срок.

Помимо раздачи печеного хлеба, епархиальный комитет открывал столовые, где можно было получить обед по сниженным ценам или бесплатно. Такие столовые были открыты в 1891 г. в с. Новониколаевском Оренбургского уезда, в станице Звериноголовской, в слободе Куртамыш и в станице Миасской Челябинского уезда. С начала 1892 г. количество столовых, открытых на средства Оренбургского епархиального комитета, возросло: 6 февраля заработала столовая при Оренбургском Архиерейском доме, с 1 марта при Орской женской общине, в марте-апреле открылись еще девять столовых в Челябинском уезде [9].

Отношение общества к благотворительности в пользу пострадавших от неурожая 1891–92 гг. нельзя назвать однозначно положительным. Сначала осенью 1891 г. пожертвования шли неактивно, общество не верило в те огромные масштабы бедствия, которые рисовались в печати. Это отмечали как столичные газеты: «Нельзя не подивиться поэтому скудости, с которой поступают до сих пор пожертвования. Если такие учреждения как банки, имеющие значительные запасные капиталы, ограничивают свои пожертвования 12500 р., если о таком будто бы великодушном поступке их рассылаются телеграммы, то это можно объяснить только тем, что общество еще не осознало громадности того бедствия, которое постигло среднюю и восточную полосу России» [7], так и провинциальные: «Ужели общество Оренбургское настолько обнищало, что ничего не может принести в церкви в помощь голодающим! Или оно не верует в действительность народных страданий от голода? Нельзя допустить ни того, ни другого» [11]. Поэтому публицисты самых разных изданий принялись рисовать картины народного бедствия, зачастую преувеличивая его масштабы так, что правительство было вынуждено принимать меры.

В ноябре 1891 г. Главное управление по делам печати разослало губернаторам распоряжение об усилении цензуры для сообщений о голоде: «В последнее время в некоторых периодических изданиях начали появляться крайне тревожные и совершенно неверные или преувеличенные сведения о положении населения в местностях, застигнутых неурожаем. Авторы такого рода произве-

дений, не стесняясь красками и не заботясь о достоверности стремятся лишь к тому, чтобы произвести сильное впечатление на читателя, возбуждая, таким образом, тревожное настроение в среде общества» [15. Л. 40].

Тем не менее во многом благодаря средствам массовой информации отношение населения к пожертвованиям в пользу голодающих стало меняться. «Московские ведомости» перепечатавали сообщение из газеты «Варшавский дневник»: «Нет уже учреждения, общественного кружка, сословия, которое не собирало бы или не обязалось бы собрать известных процентов, долженствующих составить капитал нуждающихся. Жертвовать стало не только потребностью сердец, но и в некоторой степени модой» [8]. И это действительно так: пожертвования стекались из различных уголков Российской империи и даже из других государств. С сентября 1891 г. до 1 января 1892 г. в Оренбургский губернский епархиальный комитет поступило 50 212 р. 92 к. из других губерний, и еще 81 503 р. 49 к. в Оренбургское отделение Общества Красного Креста. География сбора пожертвований велика: Астраханская губерния, Виленская, Владимирская, Вологодская, Гродненская, Екатеринославская, Енисейская, Калужская, Кишиневская, Костромская, Минская, Могилевская, Новгородская, Олонецкая, Подольская, Витебская, Полтавская, Псковская, Петербургская, Смоленская, Область Войска Донского и еще более 10 губерний и областей [14. Л. 34].

Главной задачей благотворительных организаций считалось обеспечение продовольствием той части населения, которая не получала ссуды от правительства, разночинцев. По словам губернатора Н.А. Маслоковца, «разночинцами признаются проживающие в губернии лица, не имеющие законной возможности получить правительственные продовольственные ссуды порядком, установленным для коренного крестьянского, башкирского, мещанского населения. Таковы крестьяне, башкиры, мещане других губерний, прибывшие для заработков переселенцы еще не водворившиеся прочно хуторами и домами, не могущие представить требуемых круговых друг за друга ручательств, отставные нижние чины и их семейства, сироты; лица, причисленные к волостям для счета и другие подобные лица. По собранным полицией сведениям таких лиц в Оренбурге и уезде около 20.000, в Орском уезде – 3982, в Верхнеуральском – 9592, Троицком – 11017, Челябинском – 11415 человек. Всего около 56000 едоков» [13]. У местных благотворительных организаций денег на это не было, поэтому губернатор просил Особый комитет оказать содействие. Всего за год работы Оренбургского губернского особого совещания по благотворительной части было потрачено почти 77 тыс. р. и 97 тыс. пудов хлеба. Сумма эта очень мала, если

учесть, что для обеспечения хотя бы 30 тыс. чел. на восемь месяцев губернатор запрашивал сумму в 343 тыс. р. Выходит, что с главной задачей – обеспечение продовольствием разночинцев – благотворительные организации не справлялись.

Помимо централизованных благотворительных органов существовало понятие частной благотворительности, но эти случаи в Оренбургской губернии были редки. Так, купец I гильдии Ахмет Хусаинов открыл в Оренбурге бесплатную столовую на 1 тыс. чел. и обратился в городскую думу с просьбой о переводе из домов немущих всех магометан в нанятый им отдельный дом, а также прислал 200 ярлыков для раздачи их беднейшим русским. В сообщении губернатору от 3 апреля 1892 г. говорилось также о том, что купец Хусаинов по случаю магометанского поста на свои средства продовольствует нуждающееся население в числе 6094 душ из магометан в Сеитовском посаде, отпуская на каждого едока в день по 1/8 фунта пшена, 1/2 фунта пшеничной муки, 1/4 фунта соленой баранины. Пособие выдавалось с 15 марта каждому семейству на 15 дней [4. Л. 172, 181]. В Троицком уезде бесплатная столовая была организована в Егорьевской волости для жителей двух деревень по инициативе графини Мордвиновой на собственные средства [4. Л. 18]. Эти два примера оказания помощи пострадавшим от неурожая в частном порядке, пожалуй, единственные, других в документах не обнаружено.

Подводя итоги деятельности благотворительных организаций в Оренбургской губернии во время голода 1891–92 гг., необходимо отметить, что неурожай и наступивший затем голод послужили стимулом для активного развития благотворительности, но в большинстве случаев инициатива создания подобных обществ исходила от правительства, а не от общества. Государство стремилось переложить на него часть своих обязанностей по призрению отдельных категорий населения, поэтому деятельность благотворительных организаций строго контролировалась местной администрацией, более того, сам губернатор и другие чиновники входили в состав этих обществ. Работа подобных организаций заключалась главным образом в сборе пожертвований и раздаче пособий населению, не получавшему ссуды от правительства, а также в открытии бесплатных и дешевых столовых. Главной проблемой в работе благотворительных организаций стала нехватка средств, местные пожертвования были очень скудными в силу тяжелого экономического положения населения, пострадавшего от неурожая, средства поступали по большей части из других регионов. Но, несмотря на то, что обеспечить всех нуждавшихся пропитанием и семенами на будущий год благотворительные организации не смогли, работа их спасла тысячи людей от голодной смерти.

Список литературы

1. Благотворительность в России. – Т. 2. – СПб., 1902.
2. Вестн. Рос. об-ва Красного Креста. – 1891. – № 42.
3. Вестн. Рос. об-ва Красного Креста. – 1891. – № 51.
4. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 10. Оп. 1. Д. 99.
5. ГАОО. Ф. 10. Оп. 2. Д. 74.
6. Любичанковский С.В. Губернская администрация и проблема кризиса власти в позднеимперской России (на материалах Урала, 1892–1914). – Самара; Оренбург, 2007.
7. Моск. ведомости. – 1891. – № 271. – 1 окт.
8. Моск. ведомости. – 1891. – 2 нояб.
9. Николаева О.Ю. Деятельность РПЦ по оказанию помощи пострадавшим от неурожая 1891–1892 гг. в Оренбургской губернии. – URL: ogim.ru/docs/journal/2013-2.pdf
10. Оренбургские епархиальные ведомости. – 1891. – № 20.
11. Оренбургский листок. – 1891. – 17 нояб.
12. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1204. Оп. 1. Д. 1.
13. РГИА. Ф. 1204. Оп. 1. Д. 81.
14. РГИА. Ф. 1204. Оп. 1. Д. 208.
15. Центральный государственный архив Республики Башкортостан (ЦГИА РБ) Ф. И-11. Оп. 1. Д. 1235.
16. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. IV. – СПб., 1894.

Коммунисты как новация в крестьянских представлениях о власти на региональном уровне на этапе становления власти Советов (на материалах Южного Урала)

В статье предпринимается попытка проанализировать начало процесса ознакомления крестьян с коммунистами как принципиально новым фактором в их традиционной системе социальных воззрений. Учитывая многообразие и вариативность условий по стране в целом, автор стремится рассмотреть вопрос на региональном уровне, в данном случае – Южного Урала, в хронологических рамках 1918–1922 гг. Автор приходит к выводу, что крестьянство губернии изначально не восприняли коммунистов как политическую организацию, но как вновь созданный уровень власти с преимущественно принудительными способами воздействия.

The article tries to analyze the beginning of the process of peasants' familiarization with the Communists, as with the principally new factor in their traditional system of social beliefs. Taking into consideration the diversity and variability of conditions in the country in general, the author attempts to consider the issue on the regional level, in this case - the South Ural, in chronological framework 1918-1922. The author comes to the conclusion that the peasantry province initially did not perceive the Communists as a political organization, but as a newly established government with predominantly mandatory methods.

Ключевые слова: крестьянство, власть, коммунисты, советская власть.

Key words: peasants, the power, the Communists, the Soviet authorities.

Традиционно как в советской, так и в постсоветской историографии было принято считать, что широкое знакомство крестьян с коммунистами произошло после появления известного декрета о земле, подтверждением чего были начавшиеся массовые захваты помещичьих земель. А затем эта политическая партия встала в авангарде борьбы трудящихся за создание нового мира. А первоначальное знакомство относилось к годам первой революции: особенно старательно этот момент освещался в региональной краеведческой литературе, бережно отмечавшей факты проникновения в деревню большевистских агитаторов и пропагандистских материалов. Даже если принять данный тезис, то следует учитывать многообразие региональных условий: малое количество предприятий – особенно в окраинных губерниях, крайнюю малочисленность местных партийных организаций, значительность расстояний и

множественность «медвежьих углов», куда порой не доходили не только агитаторы, но и новости вообще, и т. п.

Применительно к Южному Уралу нужно отметить, что вплоть до 1917 г. «левые» агитаторы в деревне были исключительной редкостью [10]. В Оренбурге социал-демократическая организация, согласно официальной версии, была объединенной до лета 1917 г., так что собственно «большевиков» долгое время в крае не существовало. Установление советской власти на Южном Урале происходило в сложных условиях: территории не раз переходили из рук в руки. Согласно оренбургской историографии, советская власть установилась в Оренбурге в январе 1918 г. – и красные оставили губернии в июне 1918 г. В этот промежуток времени были созданы и действовали Оренбургский Военно-революционный комитет, Военно-революционный штаб, был проведен съезд Советов и образован губернский исполком.

Принято определять названные структуры большевистскими, однако те, кого историческая традиция всегда именовала оренбургскими «коммунистами», на деле первоначально себя так не позиционировали. Нами была собрана и изучена вся документация нормативного характера этой «большевистской» власти (всего 233 документа) [11, с. 176–257], и ни в одном из документов нет упоминания о партии, но только о советской власти. Нет ни одного упоминания о большевистской партии ни в одном известном публичном выступлении деятелей ВРК, публикации в местной советской прессе и т. п. Называть себя «большевиками», а потом и «коммунистами» участники событий стали только в мемуарах, минимум десять лет спустя.

Упоминание о большевиках (но не партии) мы встречаем в единственном документе – обращении ВРК к казакам в январе 1918 г.: «Большевики – это бедняки, рабочие, солдаты, крестьяне и вообще весь бедный народ» [6]. О большевиках и большевизме гораздо больше говорили и писали в 1918 г. иные политические силы: оренбургские меньшевики в городской думе [14. Оп. 1. Д. 48. Л. 343], казачий атаман А. Дутов [5. Оп. 1. Д. 33]. Впрочем, и они используют термин «большевизм» не как понятие, связанное с конкретной политической партией, а как определение образа мышления и поведения, отнюдь не свойственного одной конкретной партии. Меньшевики явно имели в виду большевизм как методику насилия, недемократических действий, обвиняя в большевизме и ВРК, и казачьи власти. Обвинение в большевизме – достаточно ходовая вещь в тот период: несогласный с Дутовым полк «оказывается» большевистским; отказ крестьян Мордовского Бугуруслана от мобилизации в армию КОМУЧа объясняется тем, что крестьяне стали большевиками [5. Оп. 1. Д. 33].

Вновь красные возвращаются в январе 1920 г. – теперь вместе с Красной армией в край приходят коммунисты. На наш взгляд, с переменной названия изменилась сама суть партии. Большевики были именно партией политической, а коммунистическая партия строилась уже как особая организационно-управленческая структура. Создается впечатление, что, по идее ее создателей, эта структура не подменяла собой аппарат управления, хотя неизбежно должна была дублировать его, но как бы становилась над ним. Практически впервые к факторам, обеспечивавшим работоспособность госаппарата, прибавились такие, как идейность, жесткая партийная дисциплина, единонаправленность всех звеньев. Возможно, рядовые члены, особенно в провинции, удаленные от партийного центра, этого еще не осознавали в полной мере, полагая РКП(б) «всего лишь правительственной партией» (из протокола 26 политбригады ВОХР от 22.5.1920 [4. Оп. 1. Д. 17. Л. 56]), что в достаточной мере объясняло им особый статус коммунистов. Основная масса местных коммунистов понимала свою задачу как политическое руководство всем. Очень образно эта мысль была сформулирована в докладе ответственного секретаря Шарлыкского райкома в марте 1922 г.: «райком, как политический глаз района» [13. Оп. 3. Д. 97. Л. 44].

Постоянно подчеркивая на словах, что вся власть принадлежит Советам, коммунисты постоянно предъявляли свои претензии на руководство. Именно партия коммунистов, в их понимании, вела вооруженную борьбу со всеми противниками Советской власти.

Получая членский билет, человек становился не просто членом партии, но личностью с особым статусом, особыми правами. Тем самым коммунисты сами поставили себя вне остального общества, точнее, над ним. Практически общество разделилось на коммунистов и остальных. Руководство партии требовало от рядовых партийцев непримиримости ко всем врагам, а таковыми становились все, в чем-либо не согласные с линией РКП(б). Нужно учитывать, что для коммунистов тех лет была свойственна удивительная убежденность, что только они, их партия знают верный путь к счастью и только они поступают верно. Такой подход изначально лишал партию союзников и исключал равноправный диалог с кем бы то ни было, в том числе и с крестьянством. Шло жесткое навязывание деревне новых правил, ценностей, критериев – при полном игнорировании традиций, привычек крестьянского общества, российской деревни.

Неверно было бы утверждать, что абсолютно все члены РКП были высокоидейными и сознательными людьми. Сложность заключалась в том, что недостойный человек, получивший партбилет, автоматически становился как бы неуязвимым. Для членов партии

существовала особая ответственность. В октябре 1920 г. суду ревтрибунала была предана группа лиц, членов комиссии по сбору продразверстки в с. Япрынцево Абрамовской вол. Оренбургской губернии. Обнаружив у крестьянина скрытый хлеб и масло, они распорядились перегнать зерно на самогон и использовали все изъятое для своих нужд. Трибунал приговорил их к лишению свободы на 9 лет, сократив срок по амнистии до пяти лет. Строгость приговора объяснялась тем, что они «будучи членами РКП, уронили в глазах крестьян значение РКП, как стоящей во главе управления Республики» [2. Оп. 3. Д. 49. Л. 100].

Но подобное было скорее исключением. В августе 1922 г. ЦК РКП был разослан циркуляр о двойной ответственности коммунистов – «за свои преступления каждый коммунист отвечает прежде всего перед партией». Несколько позже в развитие этой идеи был разослан секретный циркуляр за подписью секретаря ЦК В. Молотова, в котором давались следующие указания: судебные следственные учреждения должны в течение 24 часов ставить в известность местный партийный комитет о возбуждении дела против члена партии; аресты коммунистов в порядке предварительного следствия возможны лишь в ограниченном числе случаев; «судебно-следственные учреждения обязаны освобождать коммунистов под поручительство партийного комитета» [1. Оп. 3. Д. 3. Л. 2]. Неоднократно партийные органы отказывались давать согласие на привлечение к ответственности члена партии, аргументируя отказ тем, что это будет неверно истолковано массами и нанесет политический вред.

Превращение РКП в партию правящую имело неизбежным следствием приток в ее ряды значительных масс – в 1921 г. 80 % Оренбургской парторганизации составляли вступившие в партию в 1918–1921 гг. Очевидно, что особый, в немалой степени привилегированный статус членов партии был очень привлекателен – это было гарантией карьеры, выгодного поста, приобщенности к власти, способом выжить в условиях голода, в конце концов. Классовый подход к приему в партию облегчал задачу проникновения в ее ряды лиц, не являющихся убежденными революционерами, но имеющими «рабоче-крестьянское» происхождение.

Деревня сразу же отреагировала на это, проведя две четкие грани: разделив в сознании большевиков и коммунистов, крестьяне наотрез отказывались признавать, что речь идет об одной и той же партии; напротив, большевики воспринимались как «хорошие», как антитеза «плохим» коммунистам. Показательный случай был в Челябинской губернии. По Курганскому уезду были посланы «инструкторы-организаторы», которые организовывали на местах партийные ячейки. В ряды «рабоче-крестьянской партии» сразу же записалось

много крестьян. Но когда им объяснили, что такой партии нет, а есть только Российская коммунистическая партия, «то они сразу начали все выписываться и говорят, что нас опять обманывают» [Оп. 5. Д. 229. Л. 3].

Особенно ярко настроение крестьян проявлялось на беспартийных конференциях. Так, на конференции в Миассе крестьяне потребовали, чтобы коммунисты немедленно удалились, «объясняя, что коммунисты, услышав здесь прения, потом могут их всех перерестовать как контрреволюционеров» [7. Оп. 12. Д. 344. Л. 30 об.]. Регулярно отслеживая отношение крестьян к Коммунистической партии, чекисты упустили из виду одну деталь – крестьяне вовсе не были антикоммунистически настроены, как казалось, если судить по отчетам. В инфсводке ЧК за апрель 1921 г. есть очень показательное свидетельство. Признавая враждебное отношение крестьян к партии коммунистов, чекисты отмечали, что «понятие о партии у них самое превратное. Программы ее они не знают. Не знают даже как следует, кто член партии и часто беспартийных (подработчиков, учителей и пр.) считают членами партии. По их мнению коммунисты – грабители, вся цель которых нажиться...» [13. Оп. 1. Д. 234. Л. 79 об.]. Иными словами, в восприятии крестьян «коммунист» стал ассоциироваться с определенным типом людей; «коммунисты» стали в крестьянском сознании носителями всего отрицательного. Так, в ряде сел Петровской волости крестьяне долгое время отказывались создавать посевокомы, полагая их «выдумкой коммунистов» для того, чтобы «грабить граждан» [3. Оп. 1. Д. 1. Л. 22]. В октябре 1920 г. в Оренбургском районе активно обсуждался слух, что коммунисты отсиживаются в тылу, а на фронт гонят беспартийных. Встречались утверждения, что разверстка введена коммунистами для того, чтобы «самим им жить сыто и ничего не работать» [13. Оп. 1. Д. 234. Л. 161 об.; Д. 233. Л. 102 об.].

Важно отметить, что крестьяне выступали не против компартии вообще, а против конкретных людей с партийными билетами. Те же чекисты признавали: «Неправильную по их мнению [т. е. крестьян – прим. авт.] политику, разруху и прочее они объясняют тем, что от товарища Ленина скрывают все, что творится на местах, и освещают только с хорошей стороны» [13. Оп. 1. Д. 234. Л. 79 об.]. Была еще одна достаточно распространенная версия. В письме, посланном южноуральскими крестьянами Ленину, дано было свое объяснение: «К вам в партию забрались старые жандармы, полицейские, приставы, стражники и вся сволочь: офицеры, полковники, генералы и они жмут на всю сколько есть сил, чтобы только сорвать, чтобы показать нам, слепым крестьянам: вот, мол, как коммунисты делают. А когда подготовят почву, они тогда скажут бей коммунистов» [9. Оп. 5. Д. 183. Л. 11 об.]. Ответственный подработчик Орска

Г. Горелкин, сторонник репрессивных мер против крестьян, на районном съезде Советов был обвинен местными коммунистами в том, что он «или бывший управляющий или жандарм». Объявление о том, что Горелкин «с 15 лет металлист Иваново-Воскресенской фабрики», было встречено собравшимися «недоверчиво» [8. Оп. 2. Д. 504. Л. 145 об.].

Отношение крестьянской массы к коммунистическим функционерам («ответственным товарищам»), на наш взгляд, вполне сопоставимо с отношением в недавнем прошлом деревни к помещикам – те также воспринимались как инородные тела в крестьянской среде, чуждые ей и имеющие несправедливо и незаслуженно больше власти, чем крестьяне. В отношении их в принципе не обсуждается вопрос, хорошие они или плохие, их просто не надо, поскольку они только мешают нормальному течению жизни.

Настойчиво проводимая политика раскола деревни неизбежно давала свои плоды. И крестьянство, конечно же, не было единым. Определенная его часть увидела в членстве в партии несомненную выгоду. Так, секретарь ячейки х. Горный Васильевской волости Оренбургского уезда Боголюбов с группой по ночам останавливал проезжающих, угрозами забирал табак, соль, мануфактуру. Отобранное делилось между грабителями. На следствии Боголюбов показал, что делал это по причине отсутствия хлеба, а также потому, что так поступать ему разрешил волком партии. Выяснилось, что остатки награбленного действительно забирали в волостной комитет. Следователь отмечал, что молодежь хутора Горный «ведет себя нахально», «при всяком оскорблении или насилии ставят на вид партию коммунистов: мы коммунисты и власть наша, что хотим, то и делаем, а кто не запишется в партию, тот сдохнет с голоду». Достаточно демонстративно члены ячейки поселились в пустовавшем доме бывшего помещика Пашкова [13. Оп. 1. Д. 219. Л. 27 об.]. Подобные «коммунисты» наносили огромный ущерб авторитету партии, но именно их действия оказывали решающее влияние на сознание крестьян.

С 1921 г. мы констатируем появление новой формы социального протеста – выступления против коммунистов (что составляло 5 % от общего числа [12, с. 151]). На первый взгляд, таковым выступлением можно полагать любую акцию крестьян, направленную против разверстки и тому подобных начинаний, проводимых по инициативе РКП(б). Тем не менее нам кажется допустимым выделять такого рода выступления как особую форму протеста, протеста не против политики, а против особого положения партии и партийцев.

Таким образом, за первые несколько лет коммунисты так и не создали себе в деревне прочной опоры. Более того, к 1921 г. начинается резкое падение их авторитета – свидетельством тому стали

восстания красноармейских частей, основную часть которых составляли все те же крестьяне. Вот почему коммунистическая власть в борьбе с восстаниями смогла опираться только на коммунистические же отряды (типа ЧОН) и вести при этом жесткую, бескомпромиссную борьбу.

Список литературы

1. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 636.
2. ГАОО. Ф. 841.
3. ГАОО. Ф. Р-147.
4. ГАОО. Ф. Р-2414.
5. Государственный архив Российской Федерации. (ГАРФ). Ф. 671.
6. Изв. Оренбургского военно-революционного комитета. – 1918. – 24 янв.
7. Объединенный государственный архив Челябинской области. Ф. 77.
8. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 1943.
9. Российский центр хранения и исследования документации новейшей истории (РЦХИДНИ). Ф. 17.
10. Сафонов Д.А. Крестьянское движение на Южном Урале. 1855–1922. Хроника и историография. – Оренбург, 1999.
11. Сафонов Д.А. Между империей и республикой Советов: местная власть на Южном Урале в 1917–1918 гг. – Оренбург, 2008.
12. Сафонов Д.А. Крестьянство и власть в эпоху реформ и революций: на материалах Южного Урала. 1855–1922. LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011.
13. Центр документации новейшей истории Оренбургской области (ЦДННАО). Ф. 1.
14. ЦДННАО. Ф. 6002.

Конфессиональные отношения в полиэтничном регионе*

В статье рассматривается состояние конфессиональных отношений в полиэтничной Оренбургской области в динамике их становления и развития. Дана характеристика крупнейших религиозных объединений внутри- и межконфессионального взаимодействия, конфликтов, противоречий между традиционными и экстремистскими трендами.

This article discusses the state of religious relations in the multiethnic Orenburg region in the dynamics of their formation and development. The paper presents the characteristic of major religious groups, intra- and inter-confessional interaction, conflicts, contradictions between traditionally and extremist trends.

Ключевые слова: религия, конфессия, Оренбургская область, христианство, ислам, иудаизм, новые религиозные движения.

Key words: religion, confession, Orenburg region, Christianity, Islam, Judaism, new religious movements.

Современная этноконфессиональная ситуация в Оренбургской области отличается чрезвычайной сложностью и разнообразием. По данным социологических исследований, 54,0 % опрошенных полагают, что этноконфессиональные отношения в регионе хорошие. О присутствии некоторой напряжённости во взаимоотношениях между людьми разных вероисповеданий говорят 31,0 % респондентов [7].

В Оренбуржье действуют 399 зарегистрированных организаций, которые представляют 18 конфессий. Самыми многочисленными и доминирующими в регионе конфессиями являются Русская православная церковь (217 организаций) и ислам (111 объединений). Третье место по количеству зарегистрированных приходов занимают протестанты: 10 конфессий объединяют 49 организаций (пятидесятники и харизматы – 21, баптисты – 13, адвентисты седьмого дня – 8, меннониты – 4, лютеране – 3). Остальные конфессии малочисленны: старообрядцы – 7 организаций, Римско-католическая церковь – 5, «свидетели Иеговы» – 5, иудеи – 2, Армянская апостольская церковь – 1, Русская православная автономная церковь – 1, Церковь Иисуса Христа Святых последних дней (мормоны) – 1 [3].

Кроме того, в Оренбуржье функционирует 181 незарегистрированная группа: в их числе: пятидесятники и харизматы – 52, мусульмане – 41, РПЦ – 27, баптисты – 13, «свидетели Иеговы» – 9,

адвентисты седьмого дня – 6, старообрядцы – 3, католики – 2, РПАЦ – 1, меннониты – 1, другие – 26 (Церковь саентологии, Новоапостольская церковь, Бахаи, Общество сознания Кришны, Ошо, Сахаджа-йога, Сатья Саи Баба, Радастея, язычники и пр.).

В настоящее время в пользовании и собственности религиозных организаций области находятся 387 культовых зданий, в том числе 251 капитальное сооружение (РПЦ – 129, ислам – 101, протестанты – 15, старообрядцы – 3, католики – 2, иудеи – 1) и 136 молитвенных домов (РПЦ – 61, ислам – 38, протестанты – 25, старообрядцы – 7, католики – 4, иудеи – 1). Строятся ещё 39 православных храмов и 14 мечетей.

Развивается сеть образовательных учреждений религиозных организаций: РПЦ – 53 воскресных школы, 1 семинария, 5 гимназий и 1 духовное училище; протестанты – 19 воскресных школ; мусульмане – 13 воскресных школ, 1 медресе; католики – 2 воскресных школы и 1 колледж.

Религиозные организации области выпускают 12 периодических печатных изданий: РПЦ – 7, мусульмане – 2, пятидесятники и харизматы – 2, католики – 1.

Как показывают социологические исследования, 66,8 % участников опроса полагают, что в области сложились хорошие этноконфессиональные отношения. 22,6 % указали на ощущение некоторой напряженности в отношениях между людьми разных вероисповеданий, 3 % отметили острую напряженность. За 2011–2012 гг. зафиксирован рост позитивных оценок (на 11,8 %) в восприятии жителями области состояния межконфессиональных отношений.

Готовность принять личное участие в открытых столкновениях на стороне людей своей конфессии отметили 13,8 % жителей области, не готовы к подобным действиям 77,2 % (в 2011 г. – 17 % и 72 %, соответственно). Таким образом, уровень конфликтного потенциала снизился на 3,2 %.

Тем не менее на территории Оренбургской области отмечены проявления экстремизма по отношению к религиозным организациям, их молитвенным зданиям и служителям культа.

Так, в прошлом неоднократным нападениям подвергалась еврейская община г. Оренбурга. В 2002 г. скинхедами были избиты раввин, староста синагоги и его жена, в 2006 г. поколочены окна в молитвенном помещении, а в 2008 г. на его стены нанесены фашистские свастики и антисемитские листовки. Однако после ареста и осуждения в 2009 г. четырех участников этой акции нападения прекратились.

В 2009 г. в Оренбурге были разбиты окна и забросаны файерами здание протестантской церкви «Благодать» и помещение, где собирались кришнаиты.

В 2010 г. фашистскими свастиками была расписана ограда Центральной соборной мечети г. Оренбурга, а в 2010 и 2011 гг. – стены мечети г. Новотроицка с лозунгом «Смерть мусульманам».

В 2011 г. в Орске было обстреляно богослужебное здание «свидетелей Иеговы».

В целом в Оренбургской области сложились толерантные отношения между централизованными и местными религиозными организациями разных конфессий. Свидетельством этого является их сотрудничество в духовно-нравственной работе, профилактике наркомании, совместное празднование юбилеев, факты взаимопомощи. Вместе с тем существует исторически и идеологически обусловленная напряжённость в отношениях между некоторыми конфессиями, которая подогревается конкурентной борьбой за молитвенное пространство.

Сохраняется традиционная отчуждённость между РПЦ и старообрядцами. При этом если священники Русской древлеправославной церкви теоретически допускают сотрудничество с РПЦ в решении общих задач, то клирики Русской православной старообрядческой церкви считают его абсолютно неприемлемым и избегают любых контактов.

В резкой оппозиции РПЦ стоят организации Оренбургской и Курганской епархии Российской православной автономной церкви, выделившейся из Московского патриархата. В 2011 г. миссионеры РПЦ совершили специальную поездку в с. Мочегай Асекеевского района, где провели среди населения разъяснительную работу против руководителя местной организации РПАЦ епископа А. Шарова. Для противодействия его влиянию в селе была организована альтернативная община Московского патриархата и подготовлено помещение для богослужений [6].

РПЦ крайне негативно относится к проникновению и распространению в Оренбургской области всех новых религиозных движений и большинства протестантских течений. В публичных выступлениях и публикациях представителей Оренбургской митрополии опасными и деструктивными сектами объявляются кришнаиты, «свидетели Иеговы», адвентисты седьмого дня, пятидесятники и представители харизматических церквей, что возбуждает по отношению к ним негативные стереотипы и в какой-то степени подрывает межконфессиональное согласие, принципы свободы вероисповедания и равенства всех религий.

Отношения РПЦ со второй по численности конфессией Оренбургской области исламом складываются в общем конструктивно и взаимоуважительно, а небольшие конфликты между верующими возникают лишь на низовом уровне по вопросу сосуществования их храмов в смешанных населённых пунктах. За 2012 г. в регионе было

три подобных случая. В результате переговорного процесса в с. Новожедрино Матвеевского района с преобладающим русским населением из центра на окраину было перенесено место постройки мечети, а в с. Зиянчурино Кувандыкского района с преобладающим башкирским населением – православной церкви. В с. Александровке Александровского района один из жителей обратился к губернатору с требованием запретить возведение мечети в населённом пункте с преобладающим русским населением, но выбор места строительства был подтверждён и согласован на сходе местных жителей.

В Оренбургской области конкурентная борьба за молитвенное пространство между религиозными организациями общей конфессии наиболее остро проявляется среди мусульман. Начало ей было положено ещё в 1994 г., когда из состава Духовного управления мусульман (ДУМ) Оренбургской области (Оренбургского муфтията) под руководством А.Х. Хайруллина в составе ЦДУМ России (г. Уфа) вышли общины западных районов, которые в 1995 г. создали самостоятельное ДУМ Оренбургской области (Бугурусланский муфтият) во главе с И.К. Шангареевым. Для перетягивания новых приходов на свою сторону он также использовал ДУМ «Ассоциация мечетей России», которую возглавил с 2000 г. При этом сам И.К. Шангареев на правах сопредседателя вошёл в состав централизованной организации Совет муфтиев России (Москва), конкурирующей с ЦДУМ. Раскол в мусульманской умме Оренбуржья сопровождался взаимной дискредитацией в СМИ, насильственным захватом культовых зданий и даже избиениями священнослужителей.

Дестабилизация обстановки и падение авторитета мусульманских структур способствовали созданию питательной среды для проникновения в Оренбургскую область исламского экстремизма. В финансируемом Саудовской Аравией медресе Бугурусланского муфтията под руководством преподавателей из Алжира, Судана и Туниса прошёл подготовку целый ряд лиц, ставших участниками незаконных вооружённых формирований и исполнителями терактов. В результате длительного переговорного процесса при содействии областных органов власти в 2010 г. Бугурусланский муфтият принял решение о самоликвидации, а его приходы вернулись под контроль ДУМ Оренбургской области (Оренбургского муфтията) в составе ЦДУМ. Однако 20 общин региона, входивших в состав «Ассоциации мечетей России», отказались воссоединиться и в 2010 г. вошли в новую централизованную организацию – «Исламский объединённый центр мусульманских организаций России» (Москва), переименованный с 2012 г. в «Объединённый исламский конгресс (ОИК) России (Объединённый муфтият)» под председательством Ш.У. Авясова [1, с. 138–139]. Он развернул активную работу на за-

паде Оренбургской области, где сохранились сильные сепаратистские настроения: вложил значительные финансовые средства в ремонт и благоустройство местных мечетей, погасил их задолженность по ЖКХ, провёл благотворительные акции для пожилых мусульман. В 2012 г. в составе ОИК было образовано Оренбургское региональное ДУМ во главе с М.Р. Кашаповым, которое объединяет уже 28 местных организаций и две группы, часть из которых откололась от ДУМ Оренбургской области А.Х. Хайруллина. Возникла угроза нового отпадения всего запада региона и углубления раскола в мусульманском сообществе Оренбуржья, который тяжелейшими усилиями был практически преодолен. Тем не менее ДУМ Оренбургской области в составе ЦДУМ по-прежнему остаётся здесь крупнейшей мусульманской структурой, насчитывая 82 организации и 39 групп. Ситуация осложняется появлением на молитвенном поле Оренбуржья третьего игрока – централизованной организации ДУМ Европейской части России (Москва), зарегистрировавшей в 2012 г. первый приход в Оренбурге [4, с. 36–38].

Отсутствие жёсткой централизованной структуры, субординации, финансовых и имущественных рычагов влияния на низовые приходы делает централизованные мусульманские организации уязвимыми и для внутренних конфликтов, а общины практически неподконтрольными им. Так, ещё в 2008 г. ранее дважды судимый А.С. Рахматуллин фальсифицировал документы приходского совета и встал во главе общины Караван-Сарайской мечети г. Оренбурга, фактически выйдя из подчинения ДУМ Оренбургской области (Оренбургскому муфтияту). В результате длительной тяжбы лишь в 2010 г. Центральный районный суд г. Оренбурга признал избрание имама незаконным, а областной суд в 2012 г. утвердил решение об освобождении им здания мечети и передаче всей документации прихода законным представителям ДУМ.

В 2012 г. в Бугуруслане руководитель узбекской национальной автономии попытался провести на пост второго имама таджика по национальности, окончившего Бугурусланское медресе и Каирский исламский университет. Однако прихожане отвергли этого кандидата, заподозрив его в приверженности радикальному исламу.

Пограничное положение Оренбургской области на основных маршрутах транзитной миграции из Средней Азии в Россию способствует проникновению на её территорию мусульманских экстремистов. В разное время здесь была выявлена и пресечена деятельность организаций «Хизб ут-Тахрир», «Таблиги Джамаат» и «Нурджулар», запрещённых Верховным судом РФ.

Так, в 2007 г. в Бугуруслане была раскрыта ячейка международной организации «Хизб ут-Тахрир». Её организатор, помощник ректора местного медресе, был приговорён к 1,5 годам колонии-

поселения, а один из членов – к шести месяцам. В отношении шести преподавателей Бугурусланского медресе дело об использовании экстремистской литературы в процессе обучения прекращено за истечением срока давности. Ещё 10 участников организации депортированы в Узбекистан.

В 2009 г. пресечена деятельность в Оренбурге последователей турецкого богослова С. Нурси, которые в России рассматриваются как члены экстремистской организации «Нурджулар». С апреля 2008 по март 2009 г. на конспиративных квартирах они организовали изучение трудов С. Нурси и его последователей, в которое были вовлечены 15–20 тюркоязычных студентов оренбургских учебных заведений. Лидер группы в 2011 г. был осуждён за организацию деятельности экстремистского объединения к 1,5 годам колонии-поселения. Его сообщник в 2012 г. освобождён от уголовной ответственности за истечением срока давности.

В 2010 г. в г. Соль-Илецка были задержаны три гражданина Кыргызстана, которые вели пропаганду идей запрещённой в России экстремистской организации «Таблиги Джамаат» и пытались вербовать новых сторонников среди прихожан местной мечети. Один из них депортирован на родину, а двое других отделались предупреждениями. В 2011 г. правоохранительными органами пресечена деятельность двух ячеек «Таблиги Джамаат», которые тайно действовали в Оренбурге и г. Соль-Илецке с мая 2009 по июль 2011 г. Общая численность их последователей в Оренбургской области составляла более 50 чел.

По этим крупным делам и единичным случаям пропаганды судами Оренбургской области неоднократно выносились решения о запрете мусульманских изданий, выявленных в ходе следствия. Так, в 2007 г. Бугурусланский городской суд признал экстремистскими 16 публикаций, в 2008 г. Центральный районный суд г. Оренбурга – шесть листовок и журналов, в 2010 г. Соль-Илецкий районный суд – шесть книг и фильмов, а в 2012 г. – ещё семь. Тогда же Октябрьский районный суд г. Орска запретил к распространению пять материалов в сети Интернет, а Ленинский районный суд г. Оренбурга – сразу 67 публикаций [8]. Однако практика показывает, что местные суды не обладают достаточной компетентностью для правовой оценки религиозной литературы. Так, решение о признании экстремистскими в 2012 г. 67 мусульманских изданий взбудоражило исламское сообщество не только Оренбургской области, но и всей России потому, что одним списком без различия идейного содержания была запрещена вся библиотека, изъятая в ходе обысков у одного из последователей С. Нурси. В результате под запрет попали некоторые классические труды традиционного ислама, составляющие основу его вероучения, богословия и философии: сборники ха-

дисов (преданий о поступках и изречениях пророка Мухаммда), его наиболее популярные жизнеописания, труды авторитетного мусульманского теолога и философа XI в. аль-Газали. По факту запрета ДУМ Оренбургской области выступило с тремя официальными заявлениями, призывая верующих к спокойствию и борьбе за свои права только законными способами. Представители издательств и авторов подали пять жалоб для пересмотра скандального решения.

С 2006 г. в Оренбургской области активно развиваются, особенно среди казахского населения, движения «Алля Аят» и «Ата жолы», запрещённые у себя на родине, в Казахстане, в 2008 и 2009 гг. как религиозные организации, создающие реальную угрозу здоровью граждан.

В 2011 г. по иску прокурора Ленинского района г. Оренбурга Областной суд постановил ликвидировать региональную структуру «Алля Аят» – Оренбургское областное общественное движение «Саморазвития человека "Новый Мир"» в связи с призывами к отказу от медицинского лечения. В феврале 2013 г. Новосибирский областной суд признал организацию «Алля Аят» экстремистской. К этому времени в Оренбургской области действовали, по крайней мере, 10 центров движения: три – в Оренбурге, три – в Орске, по одному – в Асекеевском, Оренбургском, Кувандыкском и Соль-Илецком районах [2].

Движение «Ата Жолы», возникшее на основе казахских языческих верований, направлено на установление связи с духами предков, через которых его члены пытаются пророчествовать и исцелять людей. Поводом к запрету движения в Казахстане стало самоубийство его психически больной последовательницы, слышавшей голоса духов. В вину членам организации ставят вытягивание из адептов денежных средств, использование для вербовки опасных психотехнологий с изменением сознания, а при лечении – плетей, галлюциногенов и воды с растворённой могильной землёй. По непроверенным данным, в Оренбургской области она объединяет сотни членов. Достоверно известно о существовании ячеек организации в Оренбурге, Орске и Соль-Илецке [5]. Отметим, что в Оренбургской области правоохранительные органы пока не препятствуют распространению этого движения, хотя его ячейки были ликвидированы по искам прокуратуры в соседних регионах: столице Башкортостана Уфе (2011 г.) и пос. Измайловском Кизильского района Челябинской области (2012 г.).

В 2012 г. было возбуждено уголовное дело в отношении руководителей и членов организации «свидетели Иеговы» в Оренбургской области. Их обвиняют в распространении экстремистской литературы, а также возбуждении в своих проповедях ненависти и

вражды, унижении достоинства по признакам отношения к религии. В рамках дела проведен ряд обысков в богослужebных зданиях и частных домах верующих на территории Бугуруслана, Бузулука, Оренбурга, Орска и Ясного. Однако значительная часть российских религиоведов и правозащитников считает эти преследования необоснованными.

На протяжении всей истории края религиозные объединения оказывали и продолжают оказывать существенное влияние на культуру, образование, социальное обеспечение, военно-патриотическое воспитание и другие стороны духовной и общественной жизни Оренбургского края. Между тем в научной литературе до сих пор отсутствует целостная картина становления, развития и современного состояния конфессионального пространства Оренбуржья. Региональная специфика не отражена и в учебниках для средних и высших образовательных учреждений по дисциплинам «Основы религиозных культур и светской этики», «Государственно-церковные отношения», «История религий», «Новые религиозные движения» и др. Поэтому определение роли конфессий и религиозных организаций в общественной жизни Оренбургского края XVIII – начала XXI в. приобретает высокую актуальность и научную значимость.

Для повышения религиозной грамотности населения, профилактики экстремизма и терроризма, предотвращения втягивания молодёжи в деятельность деструктивных организаций необходимо уделить особое внимание изучению незарегистрированных религиозных групп, деятельность которых до настоящего времени не освещалась в региональной научной литературе.

Проведение органами государственной власти и местного самоуправления взвешенной, сбалансированной политики в Оренбургской области невозможно без глубокого знания и учёта этноконфессиональных особенностей её населения на серьёзной научно-методической основе.

Наконец, проведение научных исследований по истории и современному положению религий в Оренбургской области будет способствовать ознакомлению широкой общественности с духовными основами культуры соседей, преодолению стереотипов массового сознания, различных предрассудков и взаимных опасений, обеспечению межконфессионального мира и согласия, внутренней стабильности в регионе.

Список литературы

1. Денисов Д.Н. Ислам // Конфессии и религиозные объединения в Оренбургской области: справ. – Оренбург, 2012. – С. 138–139.
2. Иевлева Е. «Аят» – звезда заблудших // Вечерний Оренбург. – 2011. – № 13. – 31 марта.
3. Информация о зарегистрированных некоммерческих организациях // Информационный портал Министерства юстиции РФ о деятельности некоммерческих организаций [Электронный ресурс]. – URL: <http://unro.minjust.ru/NKOs.aspx> (дата обращения: 01.01.2013).
4. Николаев О.В. Ислам в Оренбуржье: постсоветский период // Расулевские чт.: ислам в истории и современной жизни России: материалы всерос. науч.-практ. конф. (г. Троицк, 29 марта 2012 г.). – Челябинск-Уфа, 2013. – С. 36–38.
5. Оренбуржцев предлагают избавить от грехов кнутом, а от болезней – огнём // Комсомольская правда в Оренбурге. – 2013. – 11 апр.
6. Отчёт о жизни и деятельности Оренбургской епархии Русской православной церкви Московской патриархии за 2011 г. Приложение. – Оренбург, 2011. – С. 157.
7. Состояние межэтнических и этноконфессиональных отношений в Оренбуржье // Отчёт по результатам социологических исследований / рук. иссл. Э. М. Виноградова. – Оренбург, 2013.
8. Федеральный список экстремистских материалов // Минюст России [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.minjust.ru/nko/fedspisok/> (дата обращения: 11.10.2013).

Новейшая история избирательных кампаний: гендерный анализ электоральной культуры оренбуржцев

Особенности электорального поведения демографических групп в регионах РФ пока не стали предметом комплексного научного изучения. В статье дан социологический и статистический анализ электорального поведения жителей Оренбургской области в избирательных кампаниях по выборам депутатов Государственной Думы и Президента РФ. Выявляются особенности и парадоксы электоральных позиций мужчин и женщин в этих избирательных кампаниях.

Peculiarities of electoral behavior demographic groups in the regions of the Russian Federation have not yet become the subject of a comprehensive scientific study. The article is carried out sociological and statistical analysis of electoral behavior of the residents of the Orenburg region in the electoral campaigns for the election of deputies of the State Duma and the President of the Russian Federation. Identifies features and paradoxes of electoral positions of men and women in these election campaigns.

Ключевые слова: избирательная кампания, электорат, политическая культура, рейтинги партий, рейтинги политиков, активность избирателей, гендерные характеристики, уровень бедности, интерес к информации.

Key words: the election campaign, the political culture of the electorate, party ratings ratings of politicians, voter participation, gender characteristics, the level of poverty, interest to the information.

Актуальность изучения электорального поведения определяется потребностями того периода, который переживает Россия. Это период формирования российской государственности на основе демократических принципов и ценностей. Именно поэтому электоральное поведение находится в центре внимания партий, общественных движений, государственных органов и политических лидеров. Самой массовой формой политического участия в демократических сообществах является голосование избирателей на конкурентных, свободных выборах. Однако эффективность такого участия предполагает наличие сложившихся политических представлений и ориентаций, на основе которых формируются навыки рационального участия граждан в выборах. В противном случае россияне по-прежнему останутся объектом манипулирования со стороны государства, партий, кандидатов и СМИ.

Сейчас политические лидеры нашей страны поняли, что судьбы политической элиты, власти, да и России во многом зависят от на-

селения российской «глубинки», от того, каковы ориентации, ценности, пристрастия и настроения провинциального электората. В каждом российском регионе можно выявить определенные особенности политической культуры населения, которые существенно влияют на результаты выборов в государственные и местные органы власти.

Оренбургская область относится к приграничью. Граница с Казахстаном не является фактором политической стабильности. Электорат области по сравнению с электоратом других регионов сохраняет распространенную для приграничных регионов ориентацию на социалистические ценности. Особую остроту приобретают этнополитические проблемы.

Регионы со схожей социокультурной ориентацией, со сдвигом в сторону авторитаризма и консерватизма играют весьма заметную роль в современной политике России. В этом можно убедиться в процессе анализа политики президента и правительства РФ, которые стремятся привлечь население этих регионов на свою сторону через протекционистскую политику, усиление государственного регулирования экономики, патриотическую риторику, усиление державнических и авторитарных тенденций во внешней политике.

Между тем особенности электорального поведения демографических групп в регионах РФ пока не стали предметом комплексного научного изучения.

Субъективные ориентации индивида, группы, электората в целом поддаются наблюдению методами конкретной социологии, статистики, что позволяет достаточно эффективно в динамике изучать отдельные компоненты политической культуры. Гендерные различия в поведении электората порождаются не одним, а многими факторами окружающей среды. Комплексное воздействие этих факторов и определяет главное политическое событие – голосование на выборах. Содержание ориентаций предполагает их взаимосвязь и взаимообусловленность.

Применительно к оренбургским избирателям анализ, даже поверхностный, политических ориентаций мужчин и женщин выявляет их внутреннюю конфликтность, противоречивость, причем как на индивидуальном, так и на групповом уровне.

Для выявления особенностей гендерного электорального поведения женщин воспользуемся результатами социологического опроса, проведенного СЦОМ в Оренбургской области после выборов в Государственную Думу и накануне выборов президента РФ. Важный фактор, оказывающий влияние на электоральные позиции мужчин и женщин – это оценки ими социальной и экономической ситуации в России и области (табл. 1).

Таблица 1

*Оценка жителями Оренбургской области ситуации в РФ
(17–22 февраля 2012 г., %)*

Довольны ли вы сегодняшним положением дел в РФ?	Все избиратели	Мужчины	Женщины
Безусловно, доволен	5,30	5,70	4,96
Скорее доволен	26,30	24,12	28,13
Скорее не доволен	41,00	41,01	40,99
Безусловно, не доволен	21,00	23,25	19,12
Затрудняюсь ответить	6,40	5,92	6,80

В феврале 2012 г. были недовольны ситуацией в России: 64 % избирателей мужчин, 60 % – женщин. По существу, уровень недовольства ситуацией в России практически совпадает у мужчин и женщин. Однако мужчины более критично оценивают ситуацию в стране.

С этими данными коррелируются данные по уровню удовлетворенности мужчинами и женщинами собственной жизнью.

Были удовлетворены своей жизнью в феврале 2012 г. 50 % мужчин и 46 % женщин. И не удовлетворены 46 % мужчин и 50 % женщин. Итак, уровень удовлетворенности собственной жизнью у мужчин выше, чем у женщин. Оценка удовлетворенности собственной жизнью существенно зависит от самооценки избирателями своего материального положения.

Данные социологического опроса свидетельствуют о серьезном расхождении с результатами статистики в фиксации уровня бедности населения в области. Статистка дает данные, не превышающие 13 % бедных по населению страны. Президент России Владимир Путин на заседании Госсовета в июле 2012 г признал, что в стране «недопустимо велика дифференциация доходов» и 13 % граждан (около 18 млн чел.) до сих пор живут за чертой бедности.

Таблица 2

*Оценка населением Оренбургской области
собственного материального положения, %*

Как Вы оцениваете материальное положение своей семьи?	Все избиратели	Мужчины	Женщины
Практически ни в чем себе не отказываем	2,90	2,41	3,31
Можем позволить себе кое-что сверх необходимого	8,20	10,31	6,43
Не нуждаемся, но не более того	49,10	50,44	47,98
Едва сводим концы с концами	29,40	28,51	30,15
Денег не хватает на самое необходимое	10,30	8,11	12,13

К бедным можно отнести тех жителей, которые, по их самооценке, едва сводят концы с концами, и тех, у кого денег не хватает на самое необходимое: в ноябре перед выборами в ГД – 42 % жителей, в феврале – 40 %. В настоящее время к бедным относят себя 37 % мужчин и 42 % женщин.

Женщины чаще негативно оценивают свое материальное положение по сравнению с мужчинами, так как по социальному статусу и доходам отстают от мужчин.

Впрочем, фактор бедности, как выяснится в ходе нашего дальнейшего анализа, не является решающим для женщин в голосовании за Президента РФ.

Серьезный фактор, влияющий на электоральное поведение мужчин и женщин – это уровень их интереса к информации о выборах. Существует распространенное мнение, что женщины интересуются политикой меньше, чем мужчины. Наши данные опровергают это мнение. Уровень политической активности избирателей определяется тем, как они относятся к информации о выборах

Перед выборами Президента РФ мы выясняли, интересуются ли избиратели информацией о выборах (выступлениями кандидатов в президенты РФ, их программами, теледебатами, рекламными роликами) (табл. 3).

Таблица 3

Уровень интереса избирателей к информации о выборах Президента РФ (17–22 февраля 2012 г., %)

Интересуетесь ли Вы информацией о выборах (выступления кандидатов в Президенты РФ, их программы, теледебаты, рекламные ролики)	Все избиратели	Мужчины	Женщины
ДА	75,00	75,88	74,26
НЕТ	21,60	20,39	22,61
Затрудняюсь ответить	3,40	3,73	3,13

Итак, интересовались информацией о выборах 76 % мужчин и 75 % женщин. Таким образом, существенных различий в уровне интереса к выборам по гендерному критерию не было выявлено. Далее мы попытались выяснить уровень электоральной активности женщин и мужчин на предстоящих выборах президента РФ.

По данным нашего опроса, 66 % женщин и 64 % мужчин проявили готовность принять участие в выборах президента РФ. Предполагаемая активность женщин была выше, чем у мужчин.

В центре политической дискуссии в РФ в период от выборов Государственной Думы 4 декабря 2011 г. до выборов президента РФ

4 марта оказалась проблема доверия избирателей к результатам выборов. Мы знаем, что во многих странах именно недоверие к итогам выборов порождает сильнейшие политические кризисы, которые могут закончиться и даже заканчиваются революционными событиями (табл. 4).

Таблица 4

*Оценка жителями области итогов выборов в ГД
(17–22 февраля 2012 г., %)*

Считаете ли вы, что выборы в Государственную Думу России 4 декабря 2011 г. на той территории, где вы проживаете, были честными?	Все избиратели	Мужчины	Женщины
ДА	35,30	35,53	35,11
НЕТ	38,90	40,79	37,32
Затрудняюсь ответить	25,80	23,46	27,76

Итак, по итогам социологического опроса, проведенного в Оренбургской области 17–22 февраля 2012 г., оценивали выборы в Государственную Думу России 4 декабря 2011 г на территории проживания как честные 35 % избирателей области, а как нечестные – 39 % избирателей. В Оренбургской области 36 % мужчин и 35 % женщин оценивали выборы в ГД на территории проживания как честные. 41 % мужчин и 37 % женщин оценивали выборы в ГД на территории проживания как нечестные.

Между тем мы знаем, что на выборах в Государственную Думу 4 декабря 2011 г. в городах области: в Оренбурге, Бузулуке, Бугуруслане победила КПРФ, что соответствовало реальным электоральным ориентациям жителей области. Серьезных судебных исков в связи с фальсификацией выборов оппозиция не подала. Поэтому говорить о серьезных фальсификациях в нашей области не приходится. Почему же 39 % населения области сочли, что выборы в области были нечестными? И вот здесь как раз, на наш взгляд, сказался такой фактор, как влияние всей политической ситуации в стране через СМИ и Интернет на общественное мнение. То есть имело место определенное манипулирование общественным мнением или формирование общественного мнения со стороны СМИ и Интернета.

Одобрляли митинги протеста в стране и области по поводу итогов выборов в Государственную Думу 45 % мужчин и 37 % женщин.

Не одобряли 30 % мужчин и 34 % женщин. Итак, мы видим, что женщины в большей степени расположены к компромиссу с властью по сравнению с мужчинами.

Рассмотрим электоральный рейтинг кандидатов в президенты РФ по итогам нашего опроса (табл. 5).

Таблица 5

*Электоральный рейтинг кандидатов в Президенты РФ
по Оренбургской области
в зависимости активности и пола избирателей, %*

Если бы выборы президента РФ состоялись в ближайшее воскресенье, то за какого кандидата вы бы проголосовали?	Все избиратели	Активные избиратели	Мужчины	Женщины
Жириновский В.В. – лидер партии ЛДПР	8,50	8,24	12,98	4,78
Зюганов Г.А. – лидер партии КПРФ	13,30	14,66	17,11	10,11
Миронов С.М. – лидер партии «Справедливая Россия»	4,20	4,43	4,82	3,68
Прохоров М.Д. – предприниматель	5,20	5,80	6,14	4,41
Путин В.В. – председатель Правительства РФ	47,80	55,57	39,25	54,96
Затрудняюсь ответить	11,70	9,92	8,77	14,15
Испорчу бюллетень	1,50	1,37	1,75	1,29
Не пойду на выборы	7,80	0,00	9,21	6,62

Далее выясним влияние гендерного состава электората кандидатов в президенты РФ на итоги выборов. В Оренбургской области по результатам социологического опроса в электорате Г. Зюганова женщин 41 %, мужчин 59 %; В. Путина женщин 63 %, мужчин 37 %; Жириновского женщин 31 %, мужчин 69 %; М.Прохорова женщин 46 %, мужчин 54 %; С. Миронова женщин 48, мужчин 52 %.

Итак, если учесть, что путинский электорат составлял на выборах 57 % проголосовавших, то становится ясно, что судьбу прошедших выборов президента РФ решили женщины.

Выявлен определенный парадокс женского голосования. Результаты анализа социологических опросов свидетельствуют о том, что удовлетворенность собственной жизнью и материальным положением у женщин была ниже, чем у мужчин.

Но вопреки этому женщины в меньшей степени поддерживали митинги протеста и в большей степени были готовы поддержать представителя действующей власти. Это свидетельствует о том, что женский электорат – фактор стабильности в стране, фактор влияния консервативных ориентаций женщин. Склонность голосовать за В. Путина, сильного и волевого лидера – это определенная

склонность женщин к авторитарному лидеру. А так как женщин-избирательниц больше, чем мужчин, то их ориентации определяют лицо российской региональной политики в условиях современной России.

Литература

1. Архив СЦОМ. (Социологический центра «Общественное мнение», руководитель Шешукова Г.В.) Аналитический отчет СЦОМ 17–19 февр. 2012 г. Тема опросов: «Выборы Президента РФ».

ЛИЧНОСТЬ В ИСТОРИИ

УДК 94(47).042

Л. Е. Морозова

К вопросу об обстоятельствах женитьбы Василия III на Соломонии Сабуровой

В статье делается вывод о том, что используемые всеми историками в качестве источника «Записки о Московии» австрийского дипломата Сигизмунда Герберштейна дают недостоверные сведения об обстоятельствах женитьбы Василия III.

The article states that "Notes about Moskovia" by Austrian diplomat Sigismund Gerberstein used by all historians as a source gives false information about the circumstances of the marriage of Vasily III.

Ключевые слова: Василий III, Соломония Сабурова, Романовы, женитьба, «Записки о Московии», Сигизмунд Герберштейн.

Key words: Vasily III, Solomonina Saburova, The Romanovs, the marriage, "Notes about Moskovia", Sigismund Gerberstein.

В истории Русского государства есть немало событий, которые никогда не вызывали споры у исследователей и всегда повторяются в исторических трудах в одной и той же версии. К их числу относятся обстоятельства женитьбы великого князя Василия III на боярышне Соломонии Сабуровой, достаточно необычной для своего времени, поскольку предки великого князя предпочитали жениться на титулованных особах.

В исследовательской литературе еще со времен Н.М. Карамзина повторяются данные, сообщенные австрийским дипломатом Сигизмундом Герберштейном о том, что великий князь Василий III женился на Соломонии Сабуровой, потому что выбрал ее как самую красивую в ходе смотрин невест [9].

Советских исследователей смутило только количество претенденток на роль невесты, якобы прибывших в Москву – 1500. Поэтому они произвольно сократили его в три раза и оставили всего 500 [21].

В остальных деталях историки всегда повторяют сообщение С. Герберштейна. При этом никто из них не задумался о том, почему в русских летописях, созданных вскоре после свадьбы Василия III и Соломонии, нет ни слова о столь небывалом для Русского государства событии, как выбор великим государем невесты из очень

большого числа боярских дочерей. Ведь даже приезд в Москву многочисленных претенденток должен был запомниться современникам.

Рассмотрим, что же писалось в летописях о женитьбе великого князя Василия III на Соломонии. Прежде всего необходимо отметить, что в составе большинства летописей начала XVI в. (Воскресенской, Софийской I, Софийской II), по утверждению исследователей, лежал официальный свод 1508 г., созданный в канцелярии великого князя вскоре после его женитьбы на Соломонии Сабуровой в 1505 г. [6, с. 37–38].

В основе других летописей XVI в. (Уваровской, Львовской, Иоасафовской, Никоновской и др.) лежал свод 1518 г. [6, с. 38–39]. Это означает, что в большом количестве летописей XVI в. отразились записи, почти современные описываемым в начале века событиям.

В Воскресенской летописи об обстоятельствах женитьбы Василия III было записано так: «В лето 7014, сентября 4, в четверток, князь велики Иван Васильевич всеа Руси жени своего сына великого князя Василиа Ивановича всеа Руси, взял за него дочь Юрья Костянтиновича Сабурова, именем Соломонию; а венчал великого князя Василиа Ивановича всеа Руси и великую княгиню Соломонию преосвященный Симон, митрополит всеа Руси, в соборной церкви пречистыа Успения святыа Богородица, в преименитом славном граде Москве» [3].

Аналогичные записи помещены в Софийской I, Львовской и Уваровской летописях, в основе которых, как уже отмечалось, лежали своды 1508 и 1518 гг., созданные вскоре после свадьбы Василия и Соломонии.

Согласно всем летописным записям начала XVI в. получается, что невесту для Василия III выбрал его отец, великий князь Иван III, исходя из своих соображений.

Игнорирование историками данных русских источников и интерес к сообщениям Герберштейна объясняется, видимо, тем, что первые были слишком немногословны, у австрийского дипломата, напротив, был помещен красочный рассказ о том, как великий князь Василий III женился на Соломонии. По версии Герберштейна, русский государь решил сочетаться браком со своей поданной, чтобы избежать больших трат в случае женитьбы на иностранке. К тому же он опасался, что с иноземной невестой не найдет общего языка и понимания из-за воспитания в иных традициях и вере.

Для выбора будущей жены, по версии Герберштейна, сам Василий III устроил смотрины невест. Сделал это он по совету главного вельможи Георгия Малого, рассчитывавшего на то, что великий князь изберет его дочь. Но Василий захотел познакомиться со многими претендентками на роль его жены и повелел привезти в Москву 1500 боярских дочерей. Встретившись с ними, он «выбрал

Саломею, дочь боярина Ивана Сабурова, вопреки ожиданиям Георгия» [4, с. 86–87].

Эти данные Герберштейна, как уже отмечалось, приводятся практически во всех исследованиях, касающихся женитьбы Василия III на Соломонии. О правдивости красочного рассказа в «Записках» историки никогда не задумывались и принимали его на веру.

Однако при разборе деталей в сообщении Герберштейна некоторые из них вызывают большие сомнения. Во-первых, в дипломатических источниках сохранились сведения о том, что первоначально Иван III и Софья Палеолог пытались высватать княжичу Василию иностранную принцессу, дочь датского короля. При этом большие затраты на свадьбу их не пугали. Когда это не удалось сделать, Иван III стал просить дочь, польскую королеву Елену, найти для брата подходящую невесту в европейских королевских домах. Но Елене пришлось ответить, что брак с католичкой невозможен для Василия, поскольку Римский папа не даст на него согласие [22].

В итоге получалось, что женитьба наследника престола на русской девушке была вынужденной, а не из-за соображений экономии или опасений жениха не найти взаимопонимания с иностранкой.

Во-вторых, вызывает сомнение, что Георгий (Юрий Дмитриевич Траханиот) Малый был главным советником Василия III. Известно, что он был только великокняжеским казначеем и печатником. В число первых советников государя входили М.Ю. Захарьин – «око государя», Шигона Поджогин – главный любимец и др. [6, с. 408–409].

К тому же неизвестно, была ли у Ю.Д. Траханиота дочь, подходящая по возрасту в невесты Василию III. Никаких данных о ней в источниках нет. Сам Юрий предположительно родился в 70-е гг. XV в. и умер в 1525/26 гг.

Только в сочинении Герберштейна содержатся сведения о том, что летом 1505 г. в Москве устраивали смотрины невест, на которые в город привезли 1500 боярских дочерей. Ни в одном русском источнике об этом небывалом для столицы событии нет никаких данных. Исследователи, как уже отмечалось, усомнились в том, что на смотр было собрано столь большое число представительниц боярских родов, поскольку в то время их было не так много, и сократили число невест до 500 [6, с. 67].

Правда, и это число вызывает сомнение, поскольку в Кремле негде было расселить такое большое число юных и знатных девушек с сопровождающими лицами. Без них им не полагалось совершать какие-либо поездки.

Если численность боярских дочерей в «Записках» только сомнительна, то сведения Герберштейна об имени невесты Василия III, имени ее отца и его звании просто неверны. Невесту

звали Соломонией, а не Саломеей. Отцом ее был рядовой дворянин Юрий Константинович Сабуров, а не боярин Иоанн Сабуров, как утверждал австриец [4, с. 87].

Все эти ошибки свидетельствуют о том, что у австрийского дипломата имелись очень неточные данные об обстоятельствах женитьбы великого князя Василия Ивановича на Соломонии Юрьевне Сабуровой, поэтому использовать его сочинение в качестве исторического источника без научной критики нельзя.

На наш взгляд, более правильным будет опираться на данные русских источников, созданных «по горячим следам событий» и сообщавших о том, что невесту для Василия III выбрал отец – великий князь Иван III. Необходимо лишь разобраться в том, почему его выбор пал на Соломонию Сабурову.

Прежде всего, следует отметить, что Сабуровы не принадлежали к высшей столичной титулованной знати. С.Б. Веселовский и А.А. Зимин считали их представителями костромского боярского рода Зерновых.

Сабуровы только с XV в. стали служить великим князьям Московским и их ближайшим родственникам. Первым прославился в этом отношении Михаил Федорович. В 1447 г. он привез Василию II находившуюся в плену у Дмитрия Шемяки великую княгиню Софью Витовтовну и после этого остался на московской службе [8, с. 191].

Из духовных и договорных грамот известно, что М.Ф. Сабуров дал село Чухистово на Коломне Софье Витовтовне, а село Михайловское у Костромы – великой княгине Марии Ярославне [5].

Поэтому напрашивается предположение, что Михаил Федорович служил боярином и дворецким именно этим княгиням. Свою единственную дочь он выдал замуж за князя Ярослава Васильевича Оболенского. Перед смертью принял постриг в Троице-Сергиевом монастыре [8, с. 191–195].

Брат Михаила – Семен Федорович Пешек Сабуров тоже служил при дворе великой княгини Марии Ярославны и носил боярский чин. Во время похода Ивана III на Новгород в 1478 г. он возглавлял полк, который выставляла Мария Ярославна в качестве ростовской удельной княгини. В ходе боев к нему присоединился со своими людьми и его брат Василий Федорович Сабуров [8, с. 194–195].

Сын Семена Пешака Дмитрий был отправлен в Литву в качестве дворецкого дочери Ивана III Елены, ставшей женой великого князя Литовского, а потом и польского короля Александра. Сын Василия Андрей числился в ее свите стольником [14].

Таким образом, получается, что братья Сабуровы: Михаил, Семен и Василий Федоровичи служили в течение длительного времени великим княгиням Московским. Сначала – Софье Витовтовне,

матери Василия II Темного, потом – Марии Ярославне – матери Ивана III. Их сыновья, судя по всему, продолжили эту традицию и служили великой княжне Елене.

Дед Соломонии – Константин Федорович Сверчок Сабуров – был младшим братом бояр Михаила, Василия и Семена. Сам он до высоких чинов не дослужился. Есть данные лишь об его участии в походе на Казань в 1482 г. в качестве одного из воевод [19. Л. 9–9 об.]. Его старший сын Юрий, отец Соломонии, в 1495/96 гг. занимался переписью Обонежской пятины. В 1501 г. был наместником в небольшом приграничном городке Корела [8, с. 193].

В семье Константина Федоровича, кроме Юрия, было еще несколько сыновей. Иван служил в 1501 г. наместником в Городце, Тимофей – в Вятке [8, с. 193].

Следует отметить, что при выборе невесты для знатного жениха учитывалось, сколько в ее семье дядьев и братьев. Особенно ценились девушки из тех семей, где было много особ мужского пола. В этом отношении у Соломонии все было в порядке. У нее было четверо дядьев и четверо братьев. Даже ее дед был шестым сыном в семье. Поэтому можно было надеяться, что и сама Соломония родит много мальчиков.

Несомненно, Иван III знал, что род Сабуровых многолюден и достаточно знатен, поэтому его представители могли стать надежными помощниками Василия III. Ведь его надежным окружением всегда являлись родственники по матери бояре из рода Кобылиных: Колычевы, Лобановы, Хлудневы, Кошкины-Захарьины. Особенно близки ему были Яков Захарьич, Юрий Захарьич и Петр Яковлевич, возглавлявшие походы на Новгород и Казань. Поэтому он мог надеяться, что и Сабуровы сплотятся вокруг его сына.

К тому же Иван III мог обратить на Сабуровых особое внимание после того, как во время одного из пиров боярин В.Ф. Сабуров вступил в местнический спор с Г.В. Заболоцким и доказал, что его родичи всегда были ближними людьми великого князя. В то время столь аргументированные местнические споры были еще редки [19. Л. 51].

Из документальных источников известно, что Сабуровы жили на территории Кремля. Здесь они всегда были на виду и «под рукой» у великих князей.

Таким образом, напрашивается вывод о том, что Соломония стала невестой Василия III не потому, что была выбрана им в ходе смотрин, как сообщал Герберштейн, а потому, что ее кандидатуру счел подходящей великий князь Иван III. Он руководствовался тем, что Сабуровы верно служили сразу нескольким великим княгиням и даже дарили им свои земли. Кроме того, в их роду из поколения в поколение рождалось много мальчиков. Значит, плодовитость в их семье была наследственной. Представители этого рода, по замыслу

государя, должны были стать опорой трона его сына. В довершение всего Соломония, несомненно, была наделена красотой и рядом положительных качеств, таких как скромность, благочестие и любовь к рукоделию, о которых жениху, жившему рядом, было известно задолго до свадьбы.

Хотя Иван III подошел к выбору невесты для своего наследника достаточно вдумчиво, большинство его надежд не оправдалось. Особо талантливых воевод и государственных деятелей среди Сабуровых не оказалось. Вскоре после свадьбы Василий III попытался возвысить отца Соломонии Юрия Константиновича и поставил его во главе Сторожевого полка в войске, отправившемся в 1506 г. к Казани. Вместо того чтобы обрадоваться высокому назначению, Юрий тут же затеял местнический спор с боярином С.И. Воронцовым, который стоял во главе Передового полка. В итоге поход был на время отложен [19. Л. 46–47].

Приблизительно в 1509 г. Василий III пожаловал тестю околичество, но в походы больше не брал. В 1511/12 гг. Юрий Константинович скончался [8, с. 193].

Не продемонстрировали особо выдающихся полководческих талантов и братья Юрия. Иван Константинович был послан в 1510 г. писцом в Псков, в 1517–25 гг. служил новгородским дворецким. Его брат Тимофей погиб под Оршей в 1514 г. Брат Соломонии Иван даже в 1522 г. был всего лишь рындой, т. е. оруженосцем. Возможно, он был намного младше сестры [8, с. 191].

Несомненно, что по своим талантам Сабуровы не могли сравниться с Кошкиными-Захарьиными. Это было понятно Василию III, поэтому родственников жены в свое ближнее окружение он не стал вводить.

В летописях содержится очень мало сведений о великой княгине Соломонии. Очевидно, она не принимала участие ни в политической, ни экономической, ни культурной жизни страны, в отличие от таких своих знаменитых предшественниц, как Евдокия Дмитриевна, Софья Витовтовна, Мария Ярославна и Софья Палеолог. Не вмешивалась она и в дела мужа. При великокняжеском дворе ее влияние, судя по всему, было минимальным. Это могло нравиться властному и своенравному Василию III, поэтому 20 лет он не разводился с бесплодной женой. Он даже выдал замуж сестру Соломонии Марию за своего дальнего родственника – князя Василия Семеновича Стародубского. Его дедом был удельный князь Иван Андреевич Можайский, внук Дмитрия Донского. Во время феодальных распр XV в. Иван Андреевич поддержал Дмитрия Шемяку, а после его поражения в 1454 г. бежал в Литву. Там он женился на дочери князя Ф.Ю. Воротынского и получил от великого князя Литовского несколько крупных городов: Стародуб, Гомель, Чернигов,

Карачев, Хотимль. В 1500 г. сын Ивана Можайского Семен уже со своим сыном Василием и с большой литовской вотчиной перешел на службу к Ивану III [8, с. 137–138].

Несомненно, что для боярышни Марии Сабуровой брак с богатым и очень знатным князем Василием Семеновичем был очень выгоден. Василий III же был заинтересован в том, чтобы приблизить к себе родственника. Он даже добавил ему ряд волостей по реке Угре.

Следует отметить, что сватами к князю Василию Семеновичу были отправлены не родственники невесты, а бояре Яков Захарьевич Кошкин, Григорий Федорович Давыдов-Храмов и печатник Юрий Дмитриевич Траханиот [20].

Первый боярин приходился дальним родственником Марии Ярославне, матери Ивана III, второй происходил из рода Ратшичей, но его матерью являлась дочь Якова Ивановича Кошкина, также состоявшая в родстве с Марией Ярославной. Ю.Д. Траханиот когда-то находился в свите Софьи Палеолог. Поэтому получалось, что сваты были связаны родством по женской линии с самим Василием III. Этим и объяснялось их назначение на данную должность.

Из разрядных книг известно, что муж сестры Соломонии Василий Семенович Стародубский стал вскоре одним из ведущих полководцев великого князя и сохранял это положение до самой своей смерти в 1518 г. После этого все его громадные владения перешли в казну, поскольку Мария, видимо, не родила наследника [8, с. 42].

О деятельности Соломонии в качестве великой княгини в источниках мало данных. Но можно предположить, что в ее ведении были золотошвейные мастерские, где изготавливали новую одежду для всех членов великокняжеской семьи и всевозможные пелены и покровы для храмов. О какой-либо другой ее хозяйственной деятельности в источниках нет данных. Видимо, муж не передал в ее распоряжение земельные наделы прежних великих княгинь

Когда в октябре 1506 г. на территории Кремля была завершена постройка храма в честь Николая Гостунского, Соломония послала для украшения ее внутренних интерьеров изготовленные в ее мастерской вышивки. Василий III подарил храму икону святого в очень дорогом окладе [17, с. 340].

В октябре 1507 г. состоялось перенесение мощей прародителей Василия III – великих князей Московских. Покровы на их гробницы, очевидно, были изготовлены в золотошвейной мастерской Соломонии [17, с. 342.]

Вскоре молодая великокняжеская семья отпраздновала новоселье. В 1508 г. наконец-то было завершено строительство кирпичного дворца в итальянском стиле, и 7 мая состоялся переезд в новое просторное здание [17, с. 341].

Затем в том же 1508 г. были завершены великолепный Архангельский собор и небольшая одноглавая церковь в честь Иоанна Предтечи у Боровицких ворот [17, с. 341–342].

После этого мастера-иконописцы под руководством известного мастера Федора-иконника, сына прославленного живописца Дионисия, украсили стены храмов великолепными фресками, у икон появились новые золотые и серебряные оклады и пелены, вышитые бисером под руководством великой княгини [17, с. 346].

В первые годы правления Василий III активно занимался укреплением своего престола, поэтому вопрос об отсутствии в его семье детей, видимо, еще не стоял перед ним особенно остро. Но со временем супругов стало беспокоить бесплодие их брака. Поэтому 8 сентября 1510 г. они предприняли первую богомольную поездку по монастырям «чадородия ради». Во время нее Василий и Соломония посетили многочисленные обители Переславля-Залесского – города, являвшегося столицей Северо-Восточной Руси после Батыева нашествия, побывали в Юрьеве-Польском, Суздале, Владимире и Ростове. В Москву богомольцы вернулись только 5 декабря [18].

До нас дошла пелена, вышитая в мастерской Соломонии под названием «Явление Богородицы святому Сергию». Она была подарена в 1524 г. Троице-Сергиевому монастырю. Во вкладной надписи содержится просьба Соломонии к Господу дать ей дар чадородия – «подать плод чреву». В клеймах одна тема – «чудо зачатия неплодных пар», а также изображение святой Соломонии с сыновьями [11, с. 240–242].

Василий III продолжал активно заниматься церковным строительством. Он, видимо, полагал, что так вымолит себе наследника. Перечень построенных и отремонтированных им храмов удивляет. Это и церковь Введения Богородицы на Торгу, и храм Владимира Святого в Садах, и такие церкви, как: Благовещения на Воронцове поле, Благовещения на Ваганькове, Петра Чудотворца на Неглинке, Афанасия Александрийского у Фроловских ворот и ряд других. Все они были каменными и построены итальянскими архитекторами [10, с. 424–428].

Великий князь распорядился также, чтобы опытные иконописцы отреставрировали наиболее почитаемые на Руси иконы: Владимирскую Богоматерь, ряд образов из Троице-Сергиева монастыря и Успенского собора Кремля [10, с. 366].

Но все было напрасным, детей у Соломонии не было. Поэтому уже в 1523 г. великий князь принял решение расстаться с «неплодной» женой.

В довольно поздней Псковской летописи писалось о том, что осенью 1523 г. после очередной богомольной поездки по монастырям Василий III собрал бояр и стал думать с ними «о своей великой княгине Соломонеи, что неплодна бысть». Он знал, что по церковным законам отсутствие детей в семье не могло считаться поводом для развода, поэтому решил услышать мнение бояр по этому поводу.

Участникам думы великий князь сказал следующее: «Кому по мне царствовать на Руской земли и во всех градах моих и приделах:

братьи ли дам, ино братья своих уделов не умеют устраивати?» На это бояре ответили: «Неплодную смоковницу посекают и измещут из винограда», т. е. они советовали развестись с Соломонией и жениться вновь [12].

Однако в 1523 г. Василий III не решился расстаться с супругой, поскольку против этого выступили известные церковные деятели: Вассиан Патрикеев, ученый монах Максим Грек, а также некоторые бояре [20].

Но уже в следующем году великий князь стал все больше склоняться к разводу. По мнению А.А. Зимина, на это указывало начало строительства Новодевичьего монастыря около Москвы. С одной стороны, он мог быть заложен для «чадородия» Соломонии, с другой – в качестве обители, где великая княгиня должна была стать монахиней [6, с. 295].

В мае 1524 г. началось возведение храма Новодевичьего монастыря. Надзирать за этим важным делом было поручено старице суздальского Покровского монастыря Елене Девочкиной. По мнению А.А. Зимина, это означало, что новая обитель становилась как бы филиалом старой, где обретали покой знатные женщины [6, с. 294–295].

Можно предположить, что Василий III рассматривал два варианта относительно места пострижения Соломонии. В случае ее добровольного согласия стать монахиней ее обителью должен был стать подмосковный Новодевичий монастырь. При отказе это сделать по собственной воле местом ее ссылки становился суздальский Покровский монастырь.

Весной 1525 г. строительство Новодевичьего монастыря было завершено. В июле его собор в честь «Одигитрия святой Богородицы» был освящен [18].

В 1524 г. Василий III еще ездил с Соломонией по монастырям. Осенью следующего 1525 г. великий князь отправился в богомольную поездку уже один. Значит, вопрос о разводе был окончательно решен [6, с. 295].

В официальных летописях писалось о разводе так: «В лето 1525, ноября, постриже князь Василий Иванович великую княгиню Соломонию по совету ея, тягости ради и болезни бездетства, а жил с нею 20 лет, а дети не бывали» [13].

Из описи царского архива известно, что перед разводом бояре из ближнего окружения Василия III рассматривали «Дело о неплодии великой княгини». Документы этого «Дела» были собраны в ходе «обыска о колдовстве», начатого 23 ноября 1525 г. Они хранились в ящике 44 Государственного архива и включали в себя «Сказки Юрья Малого и Степаниды Рязанки, и Ивана Юрьева сына Сабурова, и Машки Корелянки, и иных про немочь великой княгини Соломонии» [1, с. 191].

Из всех «сказок», входивших в «Дело», сохранился только донес брата Соломонии Ивана Юрьевича Сабурова. Он рассказал со слов своей жены Анастасии о том, что Соломония приглашала к себе известную знахарку Степаниду. Та, осмотрев великую княгиню, заявила, что детей у нее не будет, но Соломонии необходимо сохранить любовь мужа. Для этого ей следовало смачивать в заговоренной воде рубашки, порты и чехол супруга. Воду Степанида заговорила прямо в рукомойнике. Кроме того, Соломония просила разыскать безносую монахиню, которая «делала детей», наговорив волшебные слова на мед или масло. Этими снадобьями следовало натираться бесплодным женщинам. По сообщению Ивана Юрьевича, к Соломонии приносили заговоренные масло и мед, и она ими натиралась. В довершение он добавил, что к сестре в последнее время приходило много разных женок и мужей, занимавшихся колдовством [1, с. 191–192].

После такого сообщения церковный суд даже мог вынести Соломонии смертельный приговор. Но великий князь не стал сгущать краски и лишь повелел постричь супругу в монастырь. Этот обряд состоялся 29 ноября 1525 г. в московском монастыре Рождества на Рву [16].

Австрийский дипломат С. Герберштейн оставил очень красочное описание обряда пострижения Соломонии. По его версии, великую княгиню насильно отвели в монастырь, хотя она плакала и рыдала. Там митрополит Даниил обрезал ей волосы и подал монашеский кукуль, чтобы та его надела. Но Соломония бросила его на землю и растоптала. Тогда присутствующий на церемонии Иван Шигона не только отругал ее, но даже ударил плеткой, заявив: «Неужели ты дерзнешь противиться воле государя?» После этого великая княгиня упала духом, но все же призывала Бога отомстить за нанесенные ей обиды [4, с. 87].

Однако и это красочное описание Герберштейна вызывает сомнение. Дело в том, что митрополиты обычно не занимались постригом особ женского пола. Это было обязанностью игуменов монастырей. В 3-й Псковской летописи сообщалось, что Соломонию постригал игумен Никольского монастыря Давид [17]. Эта версия представляется более достоверной.

Не мог на церемонии присутствовать и Шигона Поджогин, поскольку он был светским лицом, при котором с великой княгини не могли снять головной убор и открыть ее волосы. Это было бы для нее публичным позором.

Прав Герберштейн был лишь в том, что Соломония не хотела добровольно уходить в монастырь. В противном случае она оказалась бы не в Покровском, а Новодевичьем монастыре.

В некоторых источниках содержатся сведения о том, что из-за сопротивления пострижению Соломония была сослана на пять лет в Каргополь. Но эти данные вряд ли достоверны.

Дело в том, что уже 7 мая 1526 г., т. е. через полгода после пострига Соломонии, Василий III пожаловал в Покровский монастырь Суздаля село Павловское Суздальского уезда. Затем 19 сентября этого же года он пожаловал уже саму старицу Софью (это имя приняла Соломония после пострижения) «в Суздале своим селом Вышеславским...до ее живота» [1, с. 192–193]. Значит, в это время бывшая великая княгиня находилась в суздальском Покровском монастыре, а не в Каргополе.

С. Герберштейн сообщил, что вскоре после пострижения Соломония-Софья стала распространять слухи о том, что беременна, а потом даже сообщила знакомым женщинам, что родила сына Юрия. Этими женщинами были жены казначея Юрия Траханиота (уже опального) и постельничего Якова Мансурова. Когда слухи дошли до Василия III, он приказал их распространительниц наказать. Однако в монастырь на всякий случай он все же послал комиссию во главе с дьяками Меньшим Путятиным и Третьяком Раковым. Но с ними знатная постриженица разговаривать не стала. Поэтому вопрос о существовании сына Соломонии остался открытым [4, с. 55–56].

В довоенное время археологи проводили исследование гробниц Покровского монастыря и в одной могиле обнаружили полуистлевшую одежду мальчика лет 3–5, покрытую бурыми пятнами и землей. Исследователи решили, что это погребение было сделано для имитации смерти несуществовавшего сына Соломонии [2].

В монастыре Соломония-София вела уединенный образ жизни. Основным ее занятием было рукоделие. Известно, что она вышила покров на раку святой Евфросинии Суздальской. Ей принадлежала икона Богоматери на липовой доске с изображением на полях святых Соломонии и Василия. Поэтому местное духовенство очень ее почитало.

Скончалась бывшая великая княгиня Соломония-Софья 16 декабря 1542 г., пережив и супруга, и его вторую жену Елену Глинскую [23].

Таким образом, следует сделать вывод о том, что брак Василия III и Соломонии Сабуровой оказался во всех отношениях неудачным. Но, породнившись с великими князьями, Сабуровы стали считаться элитой русского обществ. Это способствовало возвышению и младших представителей их рода Годуновых. Малозаметные дворяне этой фамилии смогли получить достаточно высокие должности в войске сначала при Василии III, а потом и при дворе Ивана IV. Общими усилиями Годуновы добились того, что их родственница Ирина Федоровна стала женой царевича Федора, который в 1584 г. унаследовал отцов престол. В 1598 г. царь Федор Иванович скончался, не оставив потомства, поэтому престол унаследовал брат царицы Ирины Б.Ф. Годунов.

Однако невероятный взлет не самого знатного боярина на вершину власти вскоре привел к массовому нестроению в Русском го-

сударстве – к Великой Смуте, едва не завершившейся гибелью страны. Первопричина же ее формально заключалась в женитьбе Василия III на Соломонии Сабуровой.

Напротив, другой брак – царя Ивана Грозного и Анастасии Романовны – привел к избранию на престол после Смуты внучатого племянника царицы Михаила Федоровича, ставшего родоначальником династии Романовых.

Все это говорит о том, что вопрос о женах русских государей не должен игнорироваться историками, его следует тщательно исследовать на основе достоверных источников.

Список литературы

1. Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. – Т. 1. – СПб. – 1841. – № 131. – С. 192–193.
2. Видонова Е.С. Детская одежда начала XVI в. // Краткое сообщение Института истории материальной культуры АН СССР. – Вып. 36. – М.; Л., 1941. – С. 68–75.
3. Воскресенская летопись. – Рязань, 1998. – Т. 3. – С. 323–324.
4. Герберштейн Сигизмунд. Записки о Московии. – М., 1988.
5. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. – М.; Л., 1950. – С. 196, 243.
6. Зимин А.А. Россия на пороге нового времени. – М., 1972.
7. Зимин А.А. Русские летописи и хронографы конца XV–XVI вв. – М., 1960.
8. Зимин А.А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XVI – первой трети XVII в. – М., 1988.
9. Карамзин Н.М. История государства Российского. – Калуга, 1993. Т. 7. – Примечание 280.
10. Московский летописный свод конца XV в. – Рязань, 2000. – С. 366.
11. Петров А.С. Иконографическая программа пелен Софьи Палеолог и Соломонии Сабуровой и их место в устройстве Троицкого собора Троице-Сергиева монастыря // Церковное шитье Древней Руси. – М., 2010. – С. 240–242.
12. Псковские летописи. Вып. 1. – С. 102–103.
13. Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. 12.
14. ПСРЛ. Т. 20.
15. ПСРЛ. Т. 24.
16. ПСРЛ. Т. 26.
17. ПСРЛ. Т. 28.
18. ПСРЛ. Т. 8.
19. Разрядная книга 1475–1605. Т. 1. Российская историческая библиотека (РИБ). Т. 31. – Стб. 163.
20. Скрынников Р.Г. История Российская. IX–XVII вв. – М., 1997. – С. 235–236.
21. Соловьев С.М. Сочинения. Кн. 3. – М., 1989. – С. 147.
22. Тихомиров К.Н. Великая княгиня Соломония // Русская старина. Т. XVI. Кн. 6. – 1876. – С. 383–394.

П.И. Попов во главе ЦСУ (1918–1926)

В статье исследуется роль видного земского статистика П.И. Попова в создании и налаживании деятельности Центрального статистического управления в России. Показана его разносторонняя деятельность в качестве управляющего ЦСУ как по налаживанию статистических работ в стране в условиях Гражданской войны и новой экономической политики, так и по выстраиванию взаимоотношений с различными ведомствами и с высшим политическим руководством страны.

The article examines the role of the outstanding provincial statistician P.I. Popov in creation and establishment of the Central Statistical Administration in Russia. The author shows his various activities as a Manager of the Central Statistical Administration of the USSR in establishing statistical work in the country during the civil war, the new economic policy, and in creation of relationships with various departments and with the political leadership of the country.

Ключевые слова: ЦСУ, статистика, П.И. Попов, Совнарком, большевики, ВСНХ, Госплан, внутрипартийная борьба.

Key words: Central Statistical Administration of the USSR, statistics, P.I. Popov, the Sovnarkom (Council of People's Commissars), the Bolsheviks, the Supreme Council of National Economy, Gosplan (the State Planning Committee), inner-party struggle.

Центральное статистическое управление (ЦСУ), сформированное 25 июля 1918 г., производило сбор, обработку и публикацию статистических сведений практически обо всех значимых сторонах государственной и общественной жизни России. Данные ЦСУ использовались различными ведомствами и высшим политическим руководством страны в 1918–1920-х гг. Эти же данные активно использовались и продолжают использоваться учеными при написании научных трудов по истории Гражданской войны, «военного коммунизма» и новой экономической политики.

Между тем история самого этого учреждения изучена еще далеко не достаточно. В советской историографии основное внимание уделялось роли ЦСУ в «социалистическом строительстве», в частности, в системе директивного планирования экономики [7; 5; 3]. Но и в современной историографии конца XX – начала XXI в. вышло лишь несколько работ, затрагивающих проблемы создания и функционирования ЦСУ в 1918–1920-х гг. [1; 19; 20].

Деятельность первого управляющего ЦСУ Павла Ильича Попова (1872–1950) и вовсе остается на периферии научных исследова-

ний. Этому человеку посвящен небольшой биографический очерк в журнале «Вестник статистики» [8] и краткая статья-справка в специализированном биографическом словаре [6, с. 120–122]. Не отрицая значения данных публикаций, отметим, что их авторы попытались лишь в самом общем виде представить основные вехи биографии П.И. Попова, вследствие чего роль этой личности в непростых условиях формирования и первых лет деятельности ЦСУ осталась не раскрытой.

П.И. Попов был одним из выдающихся представителей земских статистиков России наряду с такими деятелями, как П.А. Вихляев, Н.И. Воробьев, А.Е. Лосицкий и др. Его организаторские способности весьма ярко проявились в годы Первой мировой войны, когда он являлся ответственным секретарем и заместителем председателя Исполнительной комиссии статистических съездов (ИКСС) Всероссийского земского союза и союза городов [16. Д. 896. Л. 189]. П.И. Попов оказался востребованным как либеральными деятелями Временного правительства весной – летом 1917 г. (он возглавил отдел статистики Министерства земледелия), так и пришедшими вскоре к власти большевиками, с некоторыми из которых он был хорошо знаком по революционной деятельности и ссылке еще с середины 1890-х гг. [8, с. 55; 20, с. 27, 38–40].

С октября 1917 г. П.И. Попов работал в должности руководителя отдела переписи Наркомзема, а с 8 февраля 1918 г. – руководителя отдела переписи и статистики ВСНХ [15. Д. 2964. Л. 1–3]. Это было крайне трудное время для земской интеллигенции, в частности для статистиков: финансовое положение органов городского и земского самоуправления было критическим, падал их авторитет в глазах населения, происходило неуклонное вытеснение земств и городских дум Советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. В таких условиях ни влияния Наркомзема, ни политического веса ВСНХ не хватало для того, чтобы сберечь накопленные земскими статистиками данные и продолжить начатые ими работы. Ярким показателем неустойчивого положения статистических органов в послеоктябрьский период стала приостановка в январе 1918 г. деятельности отдела переписи Наркомзема, нелепо обвиненного в стремлении к созданию некой «особой Статистической Республики» [14. Д. 97. Л. 3–4]. Не лучше была и ситуация на местах – только в центральной России в первой половине 1918 г. различных, бессистемно работавших статистических организаций насчитывалось, по некоторым данным, в 5–6 раз больше, чем до революции [14. Д. 28. Л. 23].

Главная заслуга П.И. Попова в этот крайне непростой период состояла в том, что ему удалось, заручившись поддержкой руководства ВСНХ во главе с А.И. Рыковым и опираясь на авторитет

ИКСС, организовать и провести специальный съезд российских статистиков (8–16 июня 1918 г.). На этом представительном форуме П.И. Попов выступил с обширным докладом, в котором содержалось обоснование необходимости создания общегосударственного, независимого от различных ведомственных интересов статистического органа в РСФСР, была намечена его структура и основные функции. Несмотря на имевшиеся разногласия, делегаты съезда в большинстве своем поддержали основные идеи и предложения П.И. Попова [19, с. 105; 20, с. 48–49].

Роль П.И. Попова не ограничилась лишь теоретической разработкой вопросов устройства нового статистического органа РСФСР. Избранный большинством делегатов на должность управляющего ЦСУ [14. Д. 28. Л. 417], П.И. Попов практически сразу был вынужден защищать одобренный съездом проект от попыток бюрократии внести в него такие изменения, которые бы ставили государственную статистику под контроль центральных ведомств, например, ВСНХ. П.И. Попов отчетливо понимал, что противодействовать этому можно было, лишь заручившись поддержкой главы СНК В.И. Ленина. 26 июня 1918 г. накануне обсуждения проекта на заседании правительства управляющий ЦСУ сумел добиться личной встречи с Лениным, который, по воспоминаниям П.И. Попова, «подтвердил правильность, рациональность и своевременность организации единой центральной статистики» [9, с. 52]. На состоявшемся 27 июня 1918 г. заседании СНК П.И. Попов получил уже официальную поддержку главы правительства [12. Д. 27. Л. 20].

После завершения работы комиссии, созданной для «окончательной редакции положения» и поддержавшей в целом решения июньского (1918 г.) съезда статистиков, вопрос был поставлен в повестку дня очередного заседания Совнаркома 18 июля. Здесь П.И. Попову пришлось вновь выступать, на этот раз от «большинства» комиссии, аргументируя несостоятельность предложений «меньшинства» о том, чтобы ЦСУ существовало в качестве отдела ВСНХ.

Совнарком в целом поддержал П.И. Попова и уже вскоре – 25 июля 1918 г. – за подписью В.И. Ленина и В.Д. Бонч-Бруевича было издано положение «О государственной статистике» [17, № 55, ст. 611].

Создание общегосударственного статистического учреждения, имевшего надведомственный характер, представляло собой реализацию давней мечты российских земских статистиков. Но, очевидно, в этом была огромная заслуга лично П.И. Попова, сумевшего не только организовать работу съезда статистиков, но и отстоять большинство принятых на нем решений перед лицом центральных и высших органов власти.

В 1918–1920 гг. под непосредственным руководством П.И. Попова, в сложнейших условиях эскалации Гражданской войны, острой нехватки материальных средств и прежде всего продовольствия, шло строительство ЦСУ в центре и на местах. Анализ делопроизводственных источников свидетельствует о том, что управляющему ЦСУ неоднократно приходилось лично обращаться в различные инстанции государственной «вертикали» – от исполкомов местных Советов до председателя Совнаркома – для того, чтобы обеспечить выполнение правительственных постановлений об организации государственной статистики в РСФСР.

Серьезной проблемой, с которой П.И. Попову пришлось вести решительную борьбу, было пренебрежение части местных «ответственных работников» задачами формирования губернских и уездных статистических бюро. Так, передача Советам статистических учреждений земств и городских дум после ликвидации последних нередко осуществлялась без необходимых для работы материальных ресурсов (канцелярских принадлежностей, мебели и пр.) [20, с. 109–110].

Большое внимание П.И. Попов уделял также весьма острому вопросу о характере взаимоотношений новых статистических органов с представителями партийно-государственной власти. На I-й статистической конференции (19–24 октября 1918 г.) по его докладу было принято постановление, один из пунктов которого гласил: «План работ, установленный Центральным статистическим управлением ... не может быть изменяем местными органами, – ни статистическими, ни Совдепами... Местные органы не могут изменять ни программы государственных работ, ни сокращать объема их, ни нарушать сроков выполнения и последовательности отдельных частей работ» [10, с. 4].

Данное решение, инициированное П.И. Поповым, было направлено на обеспечение планомерной, научно обоснованной деятельности статистиков и их независимости от вмешательства со стороны местных «ответственных работников». Вместе с тем управляющий ЦСУ предостерегал своих коллег от конфронтации с представителями местной партийно-государственной власти. В своем выступлении на январской (1920 г.) статистической конференции он призывал делегатов признать очевидный факт, что губисполкомы имеют все возможности «поставить под свое политическое наблюдение» любой свой отдел, включая и статистический, следовательно, по мнению П.И. Попова, нужно преодолевать имевшуюся на местах «отчужденность» и добиваться более тесной взаимосвязи губернских и уездных статбюро с соответствующими исполкомами Советов [14. Д. 152. Л. 5–7].

Большевистское руководство страны, принимая в окончательной редакции положение о создании ЦСУ, сделало существенную уступку ведомствам, допустив существование при них статистических органов, не входивших в состав губернских статбюро и, следовательно, не подчинявшихся в своей работе ЦСУ [17, № 67, ст. 729]. Это положение заметно подстегнуло и без того ярко выраженный ведомственный сепаратизм, который в дальнейшем вылился в проведение «параллельных» с ЦСУ работ и в попытки подчинить общегосударственную статистическую службу интересам бюрократии.

П.И. Попов совместно с другими сотрудниками коллегии ЦСУ проводил в 1918–1920 гг. энергичную работу по противодействию бюрократическому сепаратизму в вопросах статистической деятельности. В частности, Попов принимал участие в заседаниях многочисленных межведомственных комиссий с участием прежде всего представителей ВСНХ, активно выступал на статистических конференциях, излагал свои взгляды в печати и в своих письменных обращениях в Совнарком [4. Д. 337. Л. 4–4 об.]. Однако, несмотря на все усилия, ему не удалось противодействовать развитию ведомствами собственных не согласованных с ЦСУ учетно-статистических работ.

Отход П.И. Попова от ранее отстаиваемых им взглядов в отношении «ведомственного сепаратизма» отчетливо проявился в феврале 1920 г. Выступая на очередном заседании коллегии ЦСУ, он заявил, что работа Центрального статистического управления может протекать планомерно при условии единения с учреждениями ведомственной статистики как на уровне личных контактов, так и при составлении «обзоров и балансов экономической жизни страны» [2, с. 186–187]. Это означало ни что иное, как признание П.И. Поповым допустимости проведения «параллельных» статистических работ в стране ЦСУ и различными учреждениями ведомственной статистики.

В начале 1920-х гг. П.И. Попов и возглавляемое им учреждение оказались буквально под огнем критики как со стороны различных ведомств (прежде всего Госплана), так и политического руководства страны. Эта критика носила совершенно предвзятый характер. Формально она была вызвана будто бы допуском ЦСУ «недоучетом» в области сельскохозяйственной статистики. В действительности же это была попытка «теоретически» и «политически» обосновать необходимость серьезной реорганизации ЦСУ с целью превращения данного учреждения в подконтрольный большевистской власти инструмент манипулирования общественным сознанием.

Приходится констатировать, что в этих крайне непростых условиях П.И. Попов действовал весьма противоречиво. С одной стороны, он проводил большую работу по разъяснению сути расхождений

ЦСУ и других государственных учреждений. Так, П.И. Попов решительно протестовал против идеи подчинения возглавляемого им учреждения Госплану, подчеркивая, что в таком случае ЦСУ превратится «в один из придатков Госплана, справочно-информационный его отдел» и, по сути, перестанет выполнять возложенные на него государством функции [12. Д. 35. Л. 6–9]. П.И. Попов пытался также доказать необоснованность обвинений ЦСУ в искажении им статистических данных [13. Д. 403. Л. 3–4].

С другой стороны, П.И. Попов, заинтересованный в преодолении межведомственных конфликтов и в обеспечении планомерной работы ЦСУ, шаг за шагом соглашался на внесение требуемых от него корректировок статистических данных. Думается, данная уступка оппонентам стала серьезной ошибкой П.И. Попова. Критика ЦСУ теперь была перенесена со статистических конференций и газетных полос на высший политический уровень. Так, на XIII съезде РКП(б) в мае 1924 г. И.В. Сталиным было определено заявлено, что «элементарное чувство профессиональной чести имеется, к сожалению, не у всех советских статистиков», часть из которых украшают «фасад, внешний вид, скрывая от глаз гнилое» [18, с. 116, 118].

Прозвучавшие с высоких трибун обвинения были быстро подхвачены на местах и привели к волне смещений заведующих губстатбюро из числа бывших земских статистиков и к замене их «партийными товарищами» [13. Д. 21. Л. 6]. Кроме того, ЦКК–РКИ организовала и в ноябре 1924 г. провела проверку личного состава ЦСУ. В результате этого политически ангажированного действия комиссия партийно-государственного контроля приняла решение «вычистить» 63 чел., т. е. свыше 60 % кадрового состава ЦСУ. П.И. Попов, как мог, противодействовал этому решению, проявляя исключительную принципиальность и личное мужество, отстаивая интересы своих работников. Однако под нажимом наркомата РКИ ему пришлось составить список на увольнение сотрудников ЦСУ, вобравший в себя 46 чел. От дальнейшего проведения «кадровой чистки» он решительно отказался [1, с. 41–48].

Завершающим этапом в деятельности П.И. Попова в качестве руководителя ЦСУ стал 1925 г., когда возглавляемое им учреждение помимо своей воли было вовлечено в политическую борьбу между различными группами внутри правящей партии. «Камнем преткновения» стал составленный ЦСУ в июле 1925 г. хлебофуражный баланс, данные которого широко использовались как представителями оппозиции в лице Г.Е. Зиновьева и Л.Б. Каменева, так и их противниками, группировавшимися вокруг И.В. Сталина. Попытки П.И. Попова протестовать против произвольного толкования статистических данных, против политизации деятельности возглавляемого им учреждения, конечно же, не увенчались успехом. Более того, на очередном XIV съезде ВКП(б) в декабре 1925 г. И.В. Сталин без-

апелляционно заявил, что предоставляемые ЦСУ цифры «хуже контрреволюции» [21, с. 44].

П.И. Попов прекрасно понимал, какие последствия лично для него будут иметь эти слова генсека партии. «Что касается меня, – говорил в это время Попов, – то мне уже давно известно, что меня предполагается убрать» [12. Д. 71. Л. 19]. Действительно, «оргвыводы» не заставили себя долго ждать: в январе 1926 г. была проведена очередная реорганизация, в результате которой П.И. Попов был отстранен от занимаемой должности управляющего ЦСУ.

В последующие годы он работал в Госплане РСФСР, возглавляя его сельскохозяйственную секцию. Ему удалось уцелеть в период массовых репрессий 30-х гг. и пережить тяжелейшие годы Великой Отечественной войны. Павел Ильич Попов скончался в Москве 26 мая 1950 г.

Список литературы

1. Блюм А., Меспуле М. Бюрократическая анархия: Статистика и власть при Сталине. – М., 2006.
2. Вестн. статистики. – 1920. – № 1–4.
3. Володарский Л.М. Статистика и планирование народного хозяйства. – М., 1964.
4. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р–130. Оп. 2.
5. Гуревич С.М. В.И. Ленин и статистика социалистического государства. – М., 1963.
6. Корнев В.П. Видные деятели отечественной статистики. 1686–1990: биограф. слов. / под ред. А.Г. Волкова. – М., 1993.
7. Минаев С.В. К вопросам реконструкции статистики // Статистическое обозрение. – 1930. – № 5. – С. 3–12.
8. Оксейнот Г. У истоков советской статистики (первый управляющий ЦСУ) // Вестн. статистики. – 1988. – № 6. – С. 55–65.
9. Попов П.И. Государственная статистика и В.И. Ленин // Вестн. статистики. – 1988. – № 7. – С. 48–54.
10. Постановления I-й статистической конференции при Центральном Статистическом управлении, сост. 19–24 окт. 1918 г. – М., 1918.
11. Правда. – 1922.
12. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 105. Оп. 1.
13. РГАЭ. Ф. 105. Оп. 2.
14. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 1.
15. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 307.
16. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1290. Оп. 2.
17. Собрание узаконений Рабочего и Крестьянского правительства. – 1918.
18. Тринадцатый съезд РКП(б). Стенографический отчет. – М., 1924.
19. Тропов И.А. Деятельность местных органов власти и управления Советской России по организации статистических работ в 1917–1920 гг. // Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А.С. Пушкина. 2011. – Т. 4. История. – № 1. – С. 101–108.
20. Тропов И.А. «Национализация информации»: Политическая власть и ЦСУ в послереволюционной России. – СПб., 2007.
21. Четырнадцатый съезд ВКП(б). Стенографический отчет. – М., 1926.

ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

УДК 94(420)«1945/1947:329(410)Лейб:327

Д. И. Портнягин

Дебаты о «социалистической» внешней политике в британском парламенте (1945–1947)

В статье рассматриваются дискуссии в британском парламенте в первые послевоенные годы по вопросам внешней политики. Автор показывает, что в основном критика внешнеполитического курса правительства К. Эттли шла со стороны лейбористов-заднескамеечников, которые полагали, что с победой их партии на выборах 1945 г. наступила эпоха «социалистической» внешней политики.

The article considers the British parliamentary debates about the foreign policy in the first post-World War II years. The author shows that C. Attlee's foreign-policy course was generally criticized by Labour backbenchers who believed that with their party's victory on election 1945 the era of "socialist" foreign policy had begun.

Ключевые слова: внешняя политика Великобритании, лейбористская партия, правительство К. Эттли.

Key words: British foreign policy, Labour party, C. Attlee's government.

С окончанием Второй мировой войны роль Великобритании в системе международных отношений значительно изменилась. Обладая крупнейшей колониальной системой в мире и оставаясь участницей «Большой тройки», формально она наравне с США и СССР участвовала в установлении послевоенного миропорядка. Однако значительно меньший по сравнению с двумя сверхдержавами экономический и в особенности военный потенциал заставлял политическую элиту искать новое место страны на международной арене. Решать эту задачу должно было лейбористское правительство Клементы Эттли. Проблема заключалась в том, что в самой партии не было единства относительно внешнеполитического курса, и анализ парламентских дебатов позволяет определить, насколько представители различных внутрипартийных группировок расходились во взглядах на то, какой должна быть политика социалистического правительства Великобритании.

Различные аспекты внешней политики кабинета К. Эттли, в том числе и внутрипартийные споры об её основных направлениях, постоянно привлекают внимание исследователей, прежде всего, британских [3; 4; 5; 17; 18]. В отечественной историографии после работ

1970–1980-х гг. только в последнее время стали появляться статьи, посвящённые внешней политике лейбористской партии в первые годы после Второй мировой войны [1; 2]. При этом как в отечественной, так и в зарубежной историографии изучению парламентских дебатов не уделяется достаточно внимания, несмотря на то, что именно в ходе выступлений в палате общин депутаты, прежде всего представители левого крыла лейбористской партии, предельно чётко выражали своё видение «социалистической» внешней политики и высказывали свои претензии к действиям правительства на международной арене.

В ходе всеобщих парламентских выборов 1945 г. в Великобритании победу за явным преимуществом одержала лейбористская партия, что позволило ей впервые в своей истории сформировать правительство большинства и проводить независимую от парламентских фракций других политических партий политику. У части членов партии, прежде всего представителей её левого крыла, это породило ожидания кардинального изменения как внутренней, так и внешней политики страны. И если в отношении внутренних преобразований эти ожидания в значительной степени оправдались (была реализована широкая программа национализации, проводилась активная социальная политика), то в отношении внешнеполитической линии надежды на новую «социалистическую» внешнюю политику оказались тщетны. Правда, иллюзии относительно возможности изменения британской внешней политики развеялись не сразу.

Следует сразу оговориться, что, говоря о дебатах в палате общин по поводу «социалистической» внешней политики, речь идёт не о спорах между лейбористами и консерваторами, а о спорах между самими лейбористами, где, с одной стороны, выступали представители левого крыла, а с другой – партийное руководство, которое преимущественно состояло из представителей правого крыла и из которого по большей части состояло правительство, включая премьер-министра К. Эттли и министра иностранных дел Эрнста Бевина. Заметим, что критика в адрес правительства в отношении внешней политики со стороны оппозиции звучала значительно реже, чем со стороны самих лейбористов. Наоборот, со стороны консерваторов чаще раздавались комплименты в адрес министра иностранных дел и его действий. Например, Ричард Батлер, один из самых известных политиков-консерваторов послевоенной поры, в ходе дебатов по внешней политике 23 ноября 1945 г. сказал: «Я позволю себе высказать довольно грубоватый комплимент, суть которого в том, что мы рассматриваем его (Бевина – *Д. П.*) как алмаз, лежащий на обширной куче кокса. Он искрится и сверкает на фоне своих современников» [8, col. 828]. Несколько ранее лидер консер-

вативной оппозиции Уинстон Черчилль высказался в том духе, что, несмотря на значительные расхождения во внутренней политике, он искренне надеется, что «в нашей внешней политике мы сможем говорить как великая единая британская нация, Британское Содружество и Империя» [7, col. 1290].

Многочисленные комплименты подобного рода со стороны консерваторов вызывали критику левых лейбористов. Так, Хью Хатчинсон 21 февраля 1946 г. заявил: «Чувствуется, что когда наша политика встречает такое сердечное одобрение со стороны оппозиции, с ней должно быть что-то не так. Если тори ей аплодируют, это не может быть социалистическая внешняя политика» [9, col. 1322]. Как будто в подтверждение этих слов, депутат-консерватор Найджел Бёрч, выступая с критикой лейбориста Джеймса Каллагана, будущего премьер-министра Великобритании, заявил: «он (Дж. Каллаган – Д. П.) близок к тому, чтобы защищать социалистическую внешнюю политику, которая, я уверен, не в фаворе у тех, кто находится на передних скамьях с его стороны» [12, col. 1504–1505].

Следует отметить, что за стенами парламента критика политики Э. Бевина в первые послевоенные годы звучала постоянно. Им недовольны были многие рядовые члены партии, значительная часть профсоюзов. На ежегодных партийных конференциях в 1945–1946 гг. постоянно выдвигались резолюции с неодобрением тех или иных действий правительства на внешнеполитическом поприще [18, p. 170–171].

Что подразумевали под «социалистической» внешней политикой левые лейбористы? Вряд ли можно говорить о наличии какой-либо единой концепции, скорее, можно выделить некий набор принципов, которые должны были быть положены в её основу. Например, с точки зрения Эрнста Миллингтона, выбранного в парламент от партии всеобщего благосостояния, но присоединившегося к лейбористам в 1946 г., такими принципами являлись антимилитаризм и антиимпериализм. В ноябре 1945 г. Э. Миллингтон заявил, что «первоосновой социалистического мышления в отношении международных отношений является антимилитаризм. Министр иностранных дел должен понять, что в некоторых аспектах его политика представляется народам мира и народу этой страны как следование лейбористским правительством Великобритании империалистической внешней политики, особенно в Индонезии» [8, col. 816–817]. Помимо антимилитаризма и осуждения любых форм империализма, Э. Миллингтон высказался в поддержку политической свободы и демократии, создание всемирной военной организации, европейской социалистической федерации [8, col. 818].

Особое место для сторонников «социалистической» внешней политики занимал вопрос об отношениях с СССР, без развития тес-

ных дружеских связей с которым, с их точки зрения, нельзя было установить прочного мира. Позицию левого крыла лейбористов по этой проблеме сформулировал в своём выступлении Конни Зиллиакс: «Я сконцентрируюсь на вопросе наших отношений с Советским Союзом, поскольку в случае с США проблемы не существует. В отношениях с США мы впадаем в опасность, о которой предупреждал генерал Смитс (южноафриканский военный и политический деятель – Д. П.), который указал, что англо-американская комбинация сделает нас вассальным государством США и спровоцирует создание соперничающих блоков... которое может угрожать всему будущему мирному существованию. Я уверен, что мы можем, на основе признания социальной революции и левых сил в Европе, найти достаточно общего в социальных целях с СССР в деле реконструкции Европы ... и я уверен, что только на этой основе мы можем объединить Европу, её восстановить и установить в ней мир. Только на этой основе ... мы можем достичь согласия с СССР, что сделает возможным ... построение союза западных демократий, который должен стать частью ... организации Объединённой Европы вместе с СССР и при согласии и сотрудничестве с США и доминионами» [8, col. 824–826]. Другой депутат-лейборист Джон Мэк заявил, что успех партии на парламентских выборах 1945 г. в значительной степени связан с внешним фактором, а именно с ростом популярности СССР. По мнению Д. Мэка, необходимо приложить максимум усилий для «решения одной задачи – установлению дружбы между Россией и этой страной, без которой мир может опуститься в варварство» [8, col. 627].

Определяя наиболее критикуемые лейбористами-заднескамеечниками направления внешней политики кабинета К. Эттли, отметим, что к ним относились действия правительства в Греции, британской зоне оккупации в Германии, Индонезии. Отдельно высказывалось недовольство засильем старых кадров в системе министерства иностранных дел. Как результат, по мнению Уильяма Уорби, министр иностранных дел не способен во многих случаях проводить эффективную социалистическую политику и является, по сути, заложником людей, чьи «социальные и политические взгляды таковы, что они не могут ... симпатизировать этому социалистическому правительству» [10, col. 1979–1980].

Однако самый серьёзный протест вызывал проамериканский и, соответственно, антисоветский крен в политике Э. Бевина. Так, Томас Перт, впоследствии министр в кабинетах Гарольда Вильсона 1964–1970 гг. и 1974–1976 гг., заявил, что относится с подозрением к американскому монополистическому капитализму, который «стремится ухватиться мёртвой хваткой за многие части мира». Иллюстрируя агрессивные намерения США, он сослался на высказывание

министра внутренних дел в администрациях Ф. Рузвельта, а затем Г. Трумана, Гарольда Айкса о том, что «чем более зависимой становится Америка от внешних источников минеральных ресурсов, тем больше должны быть её военные силы» [8, col. 691].

Однако основная часть партийного руководства, особенно те лейбористы, которые с 1940 г. входили в коалиционное правительство У. Черчилля, придерживалась гораздо более традиционных взглядов на внешнюю политику Великобритании. Характерно высказывание Э. Бевина, которое он сделал, выступая с первой большой речью в качестве министра иностранных дел в парламенте 20 августа 1945 г.: «Основа нашей политики находится в полном соответствии с тем, что было сделано коалиционным правительством» [6, col. 287]. Э. Бевин, как и большинство лидеров лейбористской партии, ещё до начала Второй мировой войны составил своё представление относительно сталинского режима: это диктатура крайне левых, которая также враждебна идеи свободы, как и любая диктатура правых. Он считал, что советский опыт является отрицанием всего того, за что выступает лейбористская партия и извращает социалистические идеалы. Неслучайно уже в первые полгода нахождения в должности министра иностранных дел Э. Бевин трижды сравнивал советскую внешнюю политику с внешней политикой Гитлера [17, p. 107–109]. Однако выработка и реализация конкретного внешнеполитического курса требовали от правительства К. Эттли, особенно на начальном этапе его существования, учёта мнения рядовых членов партии, многие из которых считали, что с формированием первого лейбористского правительства большинства наступает эпоха новой «социалистической внешней политики». Поэтому Э. Бевин постоянно, на протяжении 1945–1946 гг., выступая в палате общин и затрагивая тему англо-советских отношений, отдавал должное роли СССР во Второй мировой войне, называя Красную армию «изумительной», а её победы «выдающимся вкладом в освобождение Европы от нацистской тирании» [6, col. 300]. В тон ему высказывался и лидер оппозиции У. Черчилль: «Лично я не могу чувствовать ничего кроме самого живого восхищения этим действительно великим человеком (Сталиным – *Д. П.*), отцом своей страны, правителем её судеб во времена мира и победоносным защитником её жизни во времена войны. ... Любая мысль о том, что Британия преследует антирусские цели или разрабатывает комбинацию во вред России, полностью противоречит британскому мышлению и сознанию» [7, col. 1291].

В этой ситуации большое значение приобретал фактор личности министра иностранных дел Э. Бевина и его взгляды на послевоенное мирное урегулирование и роль Великобритании в новой системе международных отношений. Э. Бевин занимал исключи-

тельное положение в правительстве К. Эттли благодаря своему авторитету в лейбористском движении. Внешняя политика Великобритании в рассматриваемый период, конечно, не была только политикой Э. Бевина, но его влияние было определяющим. На Э. Бевина оказывал воздействие предыдущий опыт знакомства с СССР, однако он, как, впрочем, Г. Трумэн и И. Сталин, мыслил прежде всего категориями политики баланса сил и для него на первом месте стояли национальные интересы Великобритании и её империи. По сути дела, он разделял известную концепцию трёх окружностей У. Черчилля, согласно которой Великобритания является связующим звеном между США, Европой и Британским Содружеством наций.

Проблема заключалась в том, что Э. Бевин, как и большинство политической элиты страны, далеко не сразу осознал изменившуюся роль Великобритании в послевоенном мировом порядке. При этом публично Э. Бевин предпочитал выдвигать на первый план расхождения идеологического порядка с СССР. Выступая 4 мая 1948 г. в палате общин, он заявил: «Я всегда чувствовал, что если бы мы имели дело только с Россией, а не с коммунистической идеологией, то урегулирование можно было бы найти. Мы могли бы найти урегулирование по территориальным вопросам и другим проблемам». Проблема в том, по мнению Э. Бевина, что СССР при решении проблем предлагал такой вариант, который в первую очередь должен был соответствовать коммунистической идеологии и её целям [16, col. 1116]. Правда, даже среди консерваторов с этим были согласны не все. Сошлёмся на выступление уже упоминавшегося Р. Батлера: «...я должен сказать, что здесь прозвучало много критики в адрес Советского Союза, но я хотел бы добавить, что весь мой опыт работы в Женеве (Лиге Наций – Д. П.) свидетельствует, если и есть страна, на которую можно положиться в её верности слову, что она будет выполнять то решение, которое принято, то это СССР» [8, col. 832].

Заметим, что иногда в риторике Э. Бевина проскальзывали намёки и на ещё более глубинные цивилизационные различия, которые препятствовали построению устойчивого миропорядка: «Мы должны ... достичь соглашения между Западом, который имеет общую культуру и схожие традиции и огромными славянскими территориями, чья история и развитие шло по очень отличному от нас пути» [11, col. 1827].

Своей кульминации споры по внешней политике в парламенте достигли в ноябре 1946 г., когда в ходе дебатов по королевской речи 57 депутатов-заднескамеечников внесли поправку, требующую решительного пересмотра действий правительства на международной арене в пользу сотрудничества со всеми социалистическими силами

и создания, таким образом, социалистической альтернативы противостоянию американского капитализма и советского коммунизма [12, col. 526]. Выступавший от имени подписантов Ричард Кроссмэн заявил о полном согласии в вопросах внешней политики между лидерами лейбористов и консерваторов, а также фактически обвинил руководство своей партии в следовании «политике Фултона». Суть этой политики, по мнению Р. Кроссмэна, сводилась к тому, что к России относятся как и к нацистской Германии, а главная её цель – поиск союзников для подавления СССР в случае его попыток расширить собственную сферу влияния. Альтернативой ей должна стать политика полного сотрудничества с Россией и США, отказ от исключительных обязательств с одной из сторон, сохранение реальной независимости и «через эту независимость оказывать моральное влияние, которое единственно может спасти мир» [12, col. 538]. Таким образом, Р. Кроссмэн сформулировал концепцию «третьей силы», каковой должны стать социалисты всего мира, а их нравственным лидером он видел британских лейбористов.

Поскольку Э. Бевин в это время находился в Нью-Йорке, в защиту его внешнеполитического курса выступил премьер-министр К. Эттли, который довольно точно разделил недовольных политикой правительства на три группы. Первые полагали, что Великобритания слишком сблизилась с США, оказавшись при этом в подчинённом положении. Вторые обвиняли Э. Бевина в неготовности сотрудничать с СССР. Третьи, как Р. Кроссмэн, предлагали создать блок социал-демократических стран. К. Эттли назвал все эти обвинения безосновательными, а предложение Р. Кроссмэна противоречащим базовому принципу лейбористской внешней политики – поддержке деятельности ООН [12, col. 578].

Надо заметить, что выступление К. Эттли произвело достаточно сильное впечатление, и Р. Кроссмэн попытался, правда неудачно, снять поправку с голосования. В результате ни одного голоса в поддержку предложения Р. Кроссмэна и его сторонников не получило, однако 82 депутата-лейбориста своё неодобрение правительственной политики выразили тем, что воздержались при голосовании [12, col. 591–592].

На протяжении первой половины 1947 г. в ходе парламентских дебатов по внешней политике критика правительства продолжалась. В феврале Р. Кроссмэн выступил с резкой критикой действий правительства в Палестине [13, col. 1980–1985]. В мае другой видный представитель левого крыла лейбористов Майкл Фут высказался «за внешнюю политику, которая позволила бы процветать этой стране как Социалистическому содружеству» [14, col. 1802]. Тогда же в мае 1947 г. был опубликован памфлет «Держитесь левее», авторами которого были Р. Кроссмэн, М. Фут и Ян Микардо. Памфлет

стал манифестом сторонников концепции «третьей силы», которые образовали группу с одноимённым названием. Однако 1947 г. становится переломным в противостоянии сторонников и противников политики Э. Бевина. По мере обострения холодной войны положение Э. Бевина в парламенте всё более укреплялось. Решающим событием становится выступление государственного секретаря США Джорджа Маршалла с известной речью в Гарвардском университете 5 июня 1947 г., а точнее, отказ советского правительства в реализации предложенного им плана восстановления Европы. Об этом прямо заявил Р. Кроссмэн в январе 1948 г.: «Я буду искренен. Мои взгляды на Америку сильно изменились за последние 6 месяцев. ... Я не мог поверить 6 месяцев назад, что план подобного рода может быть выработан и при столь незначительных политических условиях» [15, col. 566]. После 1947 г. внешнюю политику правительства в парламенте продолжали критиковать только два депутата-коммуниста, а также несколько крайне левых лейбористов, так называемых «коммунистических попутчиков». Некоторые из них, например Х. Хатчинсон, Лесли Солли и Конни Зиллиакус, были изгнаны из лейбористской партии в мае 1949 г. за то, что голосовали против подписания Великобританией Североатлантического договора. Никто из них не был переизбран в ходе парламентских выборов 1950 г.

Таким образом, анализ дебатов в британском парламенте в 1945–1947 гг. показывает, что значительная часть лейбористов-заднескамеечников была недовольна проводимой правительством К. Эттли внешней политикой, полагая, что она не соответствует социалистическим идеалам. Хотя какой-либо единой программы «социалистической» внешней политики не существовало, была предпринята попытка Р. Кроссменом и его сторонниками предложить альтернативу правительственному курсу в виде концепции «третьей силы». При этом ведущие министры в правительстве К. Эттли, включая Э. Бевина, придерживались традиционных взглядов на внешнюю политику Великобритании и ни о какой «социалистической» внешней политике даже не упоминали. По мере перехода холодной войны в фазу открытого противостояния критика внешнеполитического курса правительства в парламенте практически прекращается. Отчасти здесь играли роль карьерные соображения. Те из лейбористов, кто рассчитывал продвинуться по партийной лестнице, не могли позволить себе долгое время находиться в оппозиции собственному правительству. Однако значительная часть оппонентов кабинета К. Эттли искренне разочаровалась в действиях СССР, прежде всего в Центральной и Восточной Европе, и перешла на позиции национального единения перед лицом, как им представлялось, коммунистической экспансии.

Список литературы

1. Сагалова А.Л. Три вопроса для «второразрядной державы»: британские лейбористы о роли Великобритании в послевоенном мире // Клио. – 2012. – № 12(72). – С. 31–36.
2. Сагалова А.Л. Дилемма Эрнеста Бевина: коллективная оборона и интеграция в европейской политике Великобритании после Второй мировой войны // Клио. – 2013. – № 1(73). – С. 29–35.
3. Bullock A. Ernest Bevin. A biography. – London, 2002.
4. Callaghan J. The Labour party and foreign policy. A history. – London, 2007.
5. Jones B. The Russia complex. The British Labour party and the Soviet Union. – Manchester, 1977.
6. House of Commons Debates, 20 August 1945. V. 413.
7. House of Commons Debates, 7 November 1945. V. 415.
8. House of Commons Debates, 22–23 November 1945. V. 416.
9. House of Commons Debates, 21 February 1946. V. 419.
10. House of Commons Debates, 20 March 1946. V. 420.
11. House of Commons Debates, 4 June 1946. V. 423.
12. House of Commons Debates, 18, 26 November 1946. V. 430.
13. House of Commons Debates, 25 February 1947. V. 433.
14. House of Commons Debates, 15 May 1947. V. 437.
15. House of Commons Debates, 23 January 1948. V. 446.
16. House of Commons Debates, 4 May 1948. V. 450.
17. Saville J. The politics of continuity. British foreign policy and the Labour Government 1945–46. – London, 1993.
18. Vickers R. The Labour party and the world. V. 1. The Evolution of Labour's foreign policy. – Manchester, 2003.

ИСТОРИЯ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

УДК 94(47).083.4:329:323.072

Р. Р. Магомедов

Русско-японская война (1904–1905) и ее место в концепции В.И. Ленина о мировой революции

В статье показана оценка В.И. Лениным роли Русско-японской войны как катализатора социальной революции в начале XX в. Вождь большевиков рассчитывал на то, что эта война вызовет буржуазно-демократическую революцию в России, которая приведет к началу европейской социалистической революции. Значительное место уделено обоснованию ошибочности расчета В.И. Ленина на пролетариат развитых стран Европы, который поможет победить социализму в нашей стране в рассматриваемый период.

The article describes the evaluation of the role of Lenin Russian-Japanese War as a catalyst for social revolution in the early twentieth century. Bolshevik leader counting on the fact that this war will cause the bourgeois- democratic revolution in Russia, which will lead to the beginning of the European socialist revolution. Considerable space is devoted to the justification of miscalculations VI Lenin on the proletariat in the developed countries of Europe, which will help the victory of socialism in our country in the period under review.

Ключевые слова: большевики, социализм, пролетариат, европейская социалистическая революция, буржуазный реформизм, социальный компромисс, Российская социал-демократическая рабочая партия.

Key words: Bolsheviks, socialism, the proletariat, the European socialist revolution, bourgeois reformism, social compromise, the Russian Social -Democratic Labour Party.

Традиционно в отечественной исторической науке акцентируют внимание на ленинской оценке роли Первой мировой войны как катализаторе социальной революции в России с последующим ее перерастанием в общеевропейскую или мировую революцию. Однако анализ его работ, написанных в годы Первой российской революции, показывает, что вождь большевиков рассчитывал, что Русско-японская война и поражение России в ней способствует началу революции в нашей стране, которая выйдет за чисто русские рамки и приобретет общеевропейский характер. В связи с этим данная проблема требует к себе научного внимания.

В начале XX в. обострились межимпериалистические противоречия между Российской империей и Японией на Дальнем Востоке.

Дело неуклонно шло к войне, в которой царское правительство преследовало двоякую цель. С одной стороны, оно стремилось путем нанесения военного поражения Японии усилить свое присутствие в данном регионе, подорвав военную мощь соседней страны, надолго устранить потенциального конкурента в своей экспансионистской политике, направленной на приобретение новых источников сырья и рынков сбыта. С другой стороны, по своей значимости, по убеждению царского правительства реализация второй цели приобретала наибольшую актуальность для дальнейшей судьбы самодержавной России.

Дело в том, что в начале XX в. Российская империя представляла собой клубок острых социальных противоречий, которые стимулировали начало мощного антиправительственного движения, охватившего все слои населения. Они требовали осуществления кардинальных перемен во всех сферах общественно-политической и социально-экономической жизни страны, а также государственного администрирования [5; 6]. Студенческая молодежь призывала к восстановлению университетской автономии. Российский пролетариат, участвуя в массовых забастовках, отстаивал свои экономические и политические права. Начало века было отмечено мощными антиправительственными выступлениями крестьян с требованием радикально решить земельную проблему. Либеральная буржуазия призывала правящие круги совершенствовать государственно-политическую систему страны на основе демократизации общества путем проведения политических реформ.

Однако нежелание царя и его окружения идти на уступки как следствие их политической близорукости усилило социальную и политическую напряженность в обществе. Страна находилась на пороге буржуазно-демократической революции.

В этих условиях правящие круги России взяли на вооружение многократно примененный европейскими монархами, но не всегда оправданный по конечному результату метод спасения своего режима. Они, исходя из трезвого анализа социально-экономической и политической ситуации в стране, ее спасение от грядущей социальной революции напрямую связывали с организацией внешней войны – быстрой и победоносной. Таким образом, они пытались отвлечь общественное мнение от насущных внутренних российских проблем, полагая, что непродолжительная по времени и успешная война с Японией положительно отразится на росте национального самосознания народов Российской империи, концентрации материальных и моральных стремлений всего общества на обеспечении разгрома общенационального врага. Все это должно было, устранив угрозу социального взрыва, усилить тенденцию к ослаблению кон-

фронтации в отношениях государства и его граждан и обеспечить социально-экономическую и политическую стабильность в обществе.

Однако гражданский мир, столь необходимый для России, находящейся в состоянии войны с другой державой, не наступил. Это объяснялось рядом причин. Прежде всего Россия оказалась неподготовленной к войне с Японией как в дипломатическом, так и в военно-техническом отношении. Интересы России на Дальнем Востоке противоречили экспансионистской политике США и Великобритании. Поэтому нетрудно догадаться, какой из воюющих сторон эти две мировые державы симпатизировали в самом прямом смысле. Кроме того, с начала открытия военных действий русскую армию преследовали неудачи, которые воочию продемонстрировали технико-экономическую отсталость царской России.

Помимо всего этого, правящему режиму в России не удалось создать коалицию политических сил, согласных выработать единую политическую платформу по отношению к войне и миру. Военные поражения стимулировали рост оппозиционных настроений в российском обществе. Экономические неурядицы, вызванные войной, усиливали недовольство рабочих и крестьян. Либеральная буржуазия обвиняла царскую бюрократию в неудачах русской армии.

На противоположной позиции правительству оказалась Российская социал-демократическая рабочая партия (РСДРП). В свою очередь согласия и единства не наблюдалось в подходах и оценках Русско-японской войны и в самой партии. Партийное меньшинство отстаивало лозунг прекращения войны и заключения мира «во что бы то ни стало». Большевики во главе с В. Лениным, критикуя меньшевиков за отсутствие последовательной революционной позиции в отношении войны, свое видение решения этой проблемы подчинили конечной цели борьбы РСДРП и революционного пролетариата – построению социализма.

Лидер большевиков был убежден в том, что эта война по своему характеру является антинародной, империалистической, не отвечающей коренным интересам российского пролетариата и крестьянства. В связи с этим он провозглашал лозунг поражения царизма в данной войне, признавая, что провал России положит начало глубокому политическому кризису в стране: «...военный крах, понесенный самодержавием, приобретает еще большее значение, как признак крушения всей нашей политической системы» [4, с. 154]. При этом, по словам В. Ленина, в военном столкновении Япония как передовая буржуазная страна играла «великую революционную роль», нанося сокрушительные удары по самодержавию и таким образом ускоряла его поражение. Этот тезис, призывал В. Ленин, большевикам следует широко разрекламировать в своей агитационной работе среди народных масс против войны [4, с. 158].

В своей позиции в отношении Русско-японской войны В. Ленин не был одинок. Аналогичные симпатии к Японии выразили также представители радикально настроенной части международной социал-демократии: Жюль Гед во Франции и Гайндман в Англии. При этом В.И. Ленин, оправдывая их политическую линию, подчеркивал, что Гед и Гайндман не защищали японский империализм, «...но в вопросе о столкновении двух буржуазных стран они правильно отметили исторически прогрессивную роль одной из них» [4, с. 157].

Справедливости ради следует отметить, что далеко не все революционеры, радикально настроенные против царского самодержавия, придерживались точки зрения В. Ленина. Один из лидеров меньшевиков Л. Мартов заявлял: «Не воспламеняюсь желанием победы императорской России, мы менее всего жаждем победы буржуазной Японии». Аналогично высказывался и руководитель социалистов-революционеров В. Чернов: «Мы, – писал он, – не могли желать побед русского оружия в явно неправом деле. Но не могли желать и побед японскому оружию» [1, с. 294]. Не правда ли, что каждый из этих трех вождей российского освободительного движения предвосхитил свое и своих единомышленников отношение к грядущей Первой мировой войне?

Военный разгром России, по убеждению лидера большевиков, приближал русскую революцию. Эти два события он анализировал в непосредственной связи друг с другом: первое – как причину, второе – как ее следствие: «Самодержавие ослаблено. В революцию начинают верить самые неверующие. Всеобщая вера в революцию есть уже начало революции. О ее продолжении печется само правительство своей военной авантюрой» [4, с. 159].

Русско-японскую войну и ее последствия В. Ленин рассматривал не через призму очевидной политической и военной выгоды той или иной воюющей стороны: России или Японии. Наоборот, он к военному столкновению двух империалистических государств подходил с позиции события международного значения, исход которого не должен оставлять равнодушными большевиков и представителей радикальной части международной социал-демократии.

Поражение царизма, по его мнению, должно было повлечь за собой далеко идущие социально-политические последствия не только в национально-государственном масштабе России, но и в международном, имея в виду новый революционный подъем европейского пролетариата в борьбе за социализм. «Дело русской свободы и борьбы русского (и всемирного) пролетариата за социализм очень сильно зависит от военных поражений самодержавия. Это дело много выиграло от военного краха, внушающего страх всем европейским хранителям порядка. ...Война далеко еще не кончена, но всякий шаг в ее продолжении расширяет необъятно брожение и

возмущение в русском народе, приближает момент новой великой войны, войны народа против самодержавия, войны пролетариата за свободу. Недаром так тревожится самая спокойная и трезвенная европейская буржуазия, которая... пуще огня боится русской революции, как пролога революции европейской», – писал В. Ленин в январе 1905 г. после падения Порт-Артура [4, с. 157, 158].

Ничуть не сомневаясь в военном крахе самодержавия и превращении войны с внешним врагом в гражданскую войну, В. Ленин призывал революционный пролетариат приложить максимум усилий в деле расширения революционного натиска на основы самодержавного строя, ликвидация которого откроет возможность непосредственной борьбы за социализм.

Таким образом, ленинская политическая линия в годы русско-японской войны была направлена на поражение Российской империи, которое ускоряло наступление буржуазно-демократической революции в стране. В свою очередь русская революция должна была выступить катализатором борьбы мирового пролетариата за социализм.

В свою очередь социалистическую революцию в Европе он считал одним из обязательных внешних условий для перехода к социализму.

Однако, как нам кажется, надежда большевистского руководителя на помощь со стороны западного пролетариата строилась на ошибочном расчете о готовности развитых стран Европы к социалистической революции. Впоследствии об этом признавался Н.И. Бухарин в переписке с В.И. Лениным. В частности, он писал: «В 1905 рассчитывали совсем не так на европ(ейскую) рев(олюцию). Это аксиома, что русская революция 1905 г. развивалась в неблагоприятной междун(ародной) обстановке» ...«В рев(олюции) 1905 г. не было особых надежд на европ(ейскую) революцию [7, с. 168, 169].

Анализ социально-экономической и политической ситуации в ведущих европейских странах – Германии, Англии, Франции, Италии, а также в США показывает, что В.И. Ленин несколько преувеличивал возможность международной социальной революции в начале XX в. Дело в том, что тогда капитализм сумел успешно использовать достижения научно-технической революции, пошел на социальные компромиссы, провел политические и социально-экономические реформы. Социальные реформы Л. Джорджа в Англии, Т. Рузвельта в США, Д. Джолитти в Италии в начале XX в. заложили основы для стабильного развития этих стран в рассматриваемый период. В частности, президент США Т. Рузвельт провозгласил: «Мы стоим лицом к лицу с новыми концепциями взаимоотношений собственности и человеческого благосостояния. Тот, кто ошибочно считает, что любое из прав человека является

менее важным, чем его доходы, должен ныне уступить место защитникам общественного благосостояния, которые справедливо полагают, что собственность каждого человека подчинена общему праву коллектива регулировать ее использование в той степени, в какой это может потребовать общественное благо» [8].

В. Ленина беспокоило, что политика буржуазного реформизма в ведущих европейских странах придаст стабильность и устойчивость капиталистическим общественным отношениям, сузит почву для революционирования народных масс. Он осознавал, что социально-экономические реформы значительно отодвинут горизонты возможной социальной революции, сделают ее делом далекой перспективы. Поэтому буржуазные реформаторы являлись для него объектом резких политических выпадов. О министре финансов Англии он говорил: «Первоклассный буржуазный делец и политический пройдоха, популярный оратор, умеющий говорить какие-угодно, даже революционные речи перед рабочей аудиторией, способный проводить изрядные подачки послушным рабочим в виде социальных реформ (страхование и т. п.¹), Ллойд Джордж служит буржуазии великолепно и служит ей именно среди рабочих, проводит ее влияние именно в пролетариате, там, где всего нужнее и всего труднее морально подчинить себе массы» [3, с. 176].

Известно, что в годы Первой мировой войны и первые годы Советской власти В.И. Ленин считал Россию плацдармом для мировой революции, а Германию ее будущим центром, признавая ее высоко развитой индустриальной державой, обладавшей многочисленным и организованным пролетариатом. Однако в начале XX в. и в Германии отсутствовали факторы, которые стимулировали рост революционных настроений среди рабочего класса. Германская империя по уровню промышленного производства занимала первое место в Европе и второе место в мире после США. Внутренняя политика правящих кругов Германии была направлена на сплочение всех своих верноподданных вокруг националистических лозунгов и обещаний политических и социальных реформ. Во многом благодаря такому курсу «бюловский» консервативно-либеральный блок победил на выборах в рейхстаг в январе 1907 г. Социал-демократы, наоборот, потерпели поражение. Электорат социал-демократов количественно уменьшился.

Кроме того, в начале XX в. социал-демократическая партия Германии (СДПГ) находилась в состоянии идейного раскола. Она была представлена тремя идейно-политическими течениями, лиде-

¹ В 1911 г. английским парламентом был принят закон о государственном страховании, дававший право на обеспечение по болезни и нетрудоспособности, а также закон о страховании по безработице. Они помогли Англии сохранить социальную стабильность в послевоенные годы.

ры которых имели собственное представление о текущем политическом моменте и видение революционных перспектив пролетариата. С учетом этого они определяли стратегию и тактику борьбы за социализм.

Правое крыло СДПГ сосредоточило свои усилия на поисках компромиссов и уступок с другими политическими партиями и правительством. Его идеологи выступали против революционных методов борьбы с правящим режимом. Представители этого крыла преобладали в социал-демократической фракции немецкого рейхстага.

Центристское крыло в СДПГ было представлено сторонниками А. Бебеля и К. Каутского, которые, считая себя ортодоксальными марксистами, на самом деле во многих вопросах блокировались с правыми. Они, учитывая уроки поражения российской революции, выступали против насильственных методов свержения капитализма.

Наиболее радикально настроенная часть немецкой социал-демократии имела слабые позиции в партии.

Первая мировая война показала, что подавляющее большинство немецкого пролетариата оказалось под влиянием правого и центристского крыла социал-демократии. Левые оказались в меньшинстве и не смогли противостоять в борьбе за массы социал-шовинистическим и националистическим лозунгам правых социал-демократов.

Таким образом, Русско-японская война 1904–1905 гг. была серьезным фактором в политических расчетах В.И. Ленина на начало русской революции. А она, в свою очередь, должна была стимулировать начало общеевропейской революции, которая помогла бы осуществить большевикам социалистическую революцию в России.

Список литературы

1. История СССР (XIX – начало XX в.) / под ред. И. А. Федосова. – М., 1981.
2. Ленин В.И. Две тактики социал-демократии в буржуазно-демократической революции // Полн. собр. соч. – Т. 11.
3. Ленин В. И. Империализм и раскол социализма // Полн. собр. соч. – Т. 30.
4. Ленин В. И. Падение Порт-Артура // Полн. собр. соч. – Т. 9.
5. Любичанковский С.В. Кризис системы местного управления в последнее десятилетие существования Российской империи // Отечеств. история. – 2003. № 1. – С. 197–201.
6. Любичанковский С.В. Губернские администрации российской империи в оценке сенаторских ревизий начала XX в. // Клио. – 2005. – №3. – С.125–131.
7. Письма Н. И. Бухарина В. И. Ленину (1915 г.) // Вопр. истории. – 1990. – № 3.
8. Уткин А.И. Теодор Рузвельт: Политический портрет. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.rulit.net/books/teodor-ruzvelt-politicheskij-portret-read-256944-39.html>

«Нельзя совместить конституцию с насилием...»: взгляды октябристов на террор в период революции 1905–1907 гг.

В статье анализируется отношение к революционному террору партии правых либералов – «Союза 17 октября». Основываясь на материалах периодической печати, стенографических отчетов I и II Государственных дум и других источниках, автор показывает, что октябристы были одной из немногих партий России, видевших опасность террора для конституционного развития страны и последовательно борющейся за создание общественного мнения, осуждающего террор.

This article examines the attitude of right liberals' party – The Union of October 17 – towards the revolutionary terror. Based on the materials of the periodical press, verbatim records of the First and Second State Duma and other sources the author shows that Octobrists were one of the few parties of Russia seeing danger of terror for the constitutional development of the country. The party consistently fought for the creation of the public opinion condemning terror.

Ключевые слова: революционный террор, октябристы, I Государственная дума, II Государственная дума, фракция октябристов, общественное мнение, «Голос Москвы», публицисты.

Key words: revolutionary terror, Octobrists, the First State Duma, the Second State Duma, Octobrists Fraction, public opinion, «Voice of Moscow», publicist.

*Голоса умеренных либералов остались
голосами вопиющих в пустыне.
А.В. Тыркова-Вильямс*

В начале XX в политический террор стал любимым средством борьбы российских революционеров с властью. В период революции 1905–1907 гг. он применялся многими левыми партиями и практически перестал контролироваться их руководством. Революционный террор, ставший частью российской повседневности, уже трудно было отличить от уголовной преступности. Губернский гласный Полтавского земства В.И. Мезенцов в письме С.Ю. Витте в конце 1905 г. писал: «Совершенно терроризировано все мирное, благоразумное общество. Вы напрасно взываете к поддержке благомыслящих людей, – они не могут, они не смеют пикнуть против обуявшего их террора, – хотя несколько не сочувствуют революции» [26. Л. 73]. Такой размах террору во многом обеспечило сочувствие общественного мнения. Между тем проблема влияния общественного мнения на развитие

политического террора в России в отечественной историографии практически не исследована. Настоящая статья – одна из первых попыток проанализировать отношение к террору правых либералов – «Союза 17 октября».

Партия буквально с момента своего возникновения посчитала проблему террора очень важной и активно включилась в ее обсуждение как в печати, так и в стенах Государственной думы. Свою задачу «Союз 17 октября» видел не просто в осуждении террора, но в создании устойчивого негативного по отношению к террору общественного мнения. Главную роль в этом октябристы отводили печати. Так, «Голос Москвы», центральный печатный орган партии, с момента выхода первого номера опубликовал 28 больших статей о терроре, затрагивающих разные аспекты этого явления, а в Государственной думе первого созыва октябристы инициировали вопрос о необходимости осуждения террора. Борьбу с террором октябристы сделали одной из ключевых идей своей агитационной кампании по выборам во II Думу. «Голос Москвы» постоянно публиковал обращение ЦК партии к гражданам Москвы, желающим работоспособной Думы и выступающим «против анархии и против насилия со стороны революционных партий...», голосовать за октябристов. Кроме осуждения террора, предвыборные воззвания ЦК содержали критику кадетов, отказавшихся осудить террор в I Думе [9, с. 1].

Октябристам удалось всесторонне проанализировать феномен революционного террора. Они воспринимали его прежде всего как средство борьбы оппозиции за власть, как средство устрашения и деморализации противника, пропаганды, разрушения или насаждения новой государственности [4, с. 1]. Раньше, по мнению правых либералов, террор был попыткой заменить революцию, но и тогда приносил освободительному движению вред, а не пользу [2, с. 4]. В период революции он выродился, превратился в средство мести своим политическим противникам, часто за образ мысли [5, с. 2]. Октябристы ставили знак равенства между террором справа и слева, считали тот и другой проявлением «нашей дикости, нашей некультурности, стремлением политической партии стать выше государства [3, с. 1].

«Союз 17 октября» был конституционной партией, и в публичных речах его лидеры, например М.А. Стахович, относили к причинам террора как раз отсутствие конституции, бесправие населения и «жестокость» власти [29, с. 228]. Но в отличие от левых либералов они не считали это обстоятельством оправданием террора. Октябристы в поисках причин террора больше были ориентированы не на прошлое, а на современное состояние страны. Истоки современного террора они видели в пошатнувшемся в обществе уважении к закону, которое привело к появлению «целой тучи волонтеров, которые

жгут, грабят, убивают...» [31, с. 1–2], а также в искусственно создаваемом в России общественном мнении, поддерживающим практику террора. Поэтому основная вина за террор возлагалась октябристами не на левые партии, а на партию кадетов, «партию политической игры», «привыкшую ходить кривыми путями, с постоянными обходами налево», которая «всячески изощряется, чтобы удержать за собой руководящую роль и захватить кормило законодательства и управления» [10, с. 1]. Октябристские публицисты спрашивали читателей: «Почему "чистые" студенты идут в рядах грабителей и убийц? Почему погибли М.Я. Герценштейн и Г.Б. Иоллос?». И отвечали так: «Потому что кадеты и их левые друзья целых два года неустанно и на все лады проповедают, что цель оправдывает средства..., они своими словами и делами деморализовали круги населения, выходящие за пределы их партий» [20, с. 1].

Октябристы не просто осуждали и боролись с практикой террора, но пытались убедить левых в нецелесообразности террора как революционного средства борьбы, даже вредного для интересов пролетариата [4, с. 1]. Они доказывали, что отдельные теракты не оказывали существенного влияния на политику правительства, что «внушение произвела забастовка, т. е. угроза со стороны массы» [2, с. 4].

Октябристы выделяли три аспекта опасности террора для страны: нравственный, политический и экономический. Они много говорили о уже сложившейся неестественной привычке к террору русского общества, о его нравственном отупении [20, с. 1; 22, с. 3]. «Голос Москвы» много писал о жестокости этого средства борьбы, о пытках, которые применяют к своим жертвам террористы [30, с. 1]. Даже репортаж с выставки картин М.В. Нестерова стал поводом для публицистов поговорить о недопустимости террора. Картина художника «Дмитрий-царевич убиенный», привела автора репортажа к мысли, что современное общество нуждается не в жестокости, а в жалости и умилении: «Столетия прошли, а человек все еще считает за собой право на жизнь человека. Люди могут еще думать, что ради каких-то целей могут отнимать жизнь...: Нельзя этого! Больше нельзя! Довольно крови и кровавых страниц! Нужна жалость, простая человеческая жалость...» [12, с. 2–3].

Октябристы опасались, что террор помешает России укрепиться на конституционном пути, на который она вступила в 1906 г., поскольку «нельзя совместить конституцию с насилием...» [3, с. 1; 15, с. 1]. Террор, по их мнению, может вызвать, с одной стороны, ответный террор черной сотни, с другой – реакционную политику власти, одобренную населением, уставшим от убийств [2, с. 4].

Особое внимание правые либералы уделяли влиянию террора на развитие промышленности в стране. Террор в период революции

коснулся не только представителей власти, но и промышленников, торговцев, землевладельцев. Против представителей буржуазии, а также управляющих, инженеров, принадлежащих, по мнению террористов, к угнетателям рабочих, теракты совершали в основном анархисты. Так, в январе 1906 г. на конференции сторонников безмотивного террора было решено устроить взрыв во время Всероссийского конгресса горнопромышленников [6, с. 188–189]. По мнению октябристов, такое положение вещей грозило как производству, так и рабочим, которым просто негде будет работать из-за закрытия предприятий. «Мы рискуем утратить самое главное – способность к труду, к творческой и производительной деятельности, т. к. нельзя работать под Дамокловым мечом постоянной опасности, что эта деятельность не понравится тем, кто считает себя вправе быть верховным и безапелляционным судьей над всеми, кто не так делает, не так мыслит», – писал «Голос Москвы» [33, с. 1].

Весной 1907 г. в России прошли съезды представителей торговли и промышленности, на многих из них обсуждался вопрос о терроре и мерах борьбы с ним, были приняты соответствующие резолюции. Октябристская печать помещала их на своих страницах [16, с. 5; 33, с. 1].

Октябристы предложили и программу борьбы с террором. По их мнению, радикального средства против террора, своего рода эпидемии, нет. Но остановить ее может общественное мнение, союз общества и власти. Поэтому октябристская печать боролась против одобрения террора левой и либеральной печатью, прежде всего кадетской: «Отнимите у политических убийств сочувствие общества, и они, несомненно, уменьшатся в числе и потеряют храбрость. Без поддержки в широких слоях общества не может успешно действовать никакая подпольная организация... Всякий из нас, молчаливо сочувствующий политическим убийствам и громко их не осуждающий, – соучастник террора и враг отечества. На каждом из нас – ответственность за преступления, совершаемые ежедневно. Сознание нашей ответственности – лучшее лекарство от заразной болезни, называемой террором [2, с. 4].

В период революции октябристы активно не ратовали за применение смертной казни и военно-полевых судов. Они занимали двойственную позицию. С одной стороны, правые либералы понимали, что «смертная казнь для фанатиков не страшна» [2, с. 4], с другой – не могли согласиться с мнением кадетов и левых о том, что ослабление репрессивных мер может вызвать такое же ослабление террора и анархии. Они полагали, что некоторым снижением террора в 1907 г. страна обязана «мерам неизбежной репрессии» [27, с. 3]. В I Думе октябрист И.В. Способный выступил против отмены смертной казни «во что бы то ни стало». Обосновать свою мысль и

говорить по поводу полной амнистии он не смог «ввиду настроения почтенного собрания» [29, с. 87]. На И.В. Способного тут же обрушилась лавина критики. В тот же день в «Биржевых ведомостях» появилось следующее стихотворение:

Депутат, – не столь способный,
Как фамилия его, –
Бросил Думе вызов злобный
И рискнул на озорство.
Всех вопросов безобразней
Им затронутый вопрос:
Он в защиту смертных казней
Спич хвалебный произнес! [23].

Кроме того, октябристы считали, что необходимо еще до «успокоения» России завести хорошо организованную полицию, условия службы в которой привлекли бы в ее среду более «интеллигентные элементы» [34, с. 2].

Особое значение октябристы придавали необходимости осуждения террора Государственной думой. Выборы в I и II Думы они проиграли. По словам талантливой журналистки, члена ЦК кадетской партии, А.В. Тырковой-Вильямс, в политике тогда бушевала «эмоциональная стихия», поэтому на выборах в Думу избиратели и посетители митингов не отзывались не только на призывы правых, но «даже на доводы умеренных конституционалистов, сплотившихся в Союз 17 октября» [32, с. 233–234]. В Думу первого созыва от партии октябристов прошло всего 27 депутатов, которые даже не смогли создать самостоятельной фракции, а действовали в составе правого крыла Думы. Им руководил один из организаторов партии и член его ЦК граф П.А. Гейден [21, с. 492, 578], «парламентарий английского типа, либерал, но умеренный и благоразумный» [32, с. 261].

А.В. Тыркова-Вильямс в воспоминаниях отметила всю сложность положения группы правых либералов в I Думе: «У Гейдена не было организованной партии, просто пять-шесть единомышленников, которые чувствовали грозность положения и самоотверженно, но тщетно пытались образумить остальных. В них не было эгоистического страха за себя, за свои преимущества. В них было не меньше искренности и мужества, чем у левых депутатов. Они это доказали своими речами, резко расходившимися с буйным пафосом думского большинства. Эти паладины здравого смысла взяли на себя неблагоприятную задачу утихомирить взвинченных депутатов, призвать их к хладнокровию, к благоразумной осмотрительности, справедливости и постепенности» [32, с. 262].

Обсуждение проблемы террора, амнистии, отмены смертной казни и военно-полевых судов стали едва ли не главными в работе I

и II Государственных дум, и по всем этим вопросам октябристы заняли самую непопулярную позицию. Предложение осудить террор было высказано в I Думе именно депутатами-октябристами. Первым эту идею озвучил 2 мая октябрист А.А. Остафьев. Он подчеркнул, что нельзя требовать амнистии без того, чтобы сказать, что в «культурной стране, какой должна быть Россия, когда будут гарантированы все свободы, никаких смертных казней и покушений одного человека на другого не может быть...» [29, с. 82].

Большинство депутатов «Союза 17 октября» не имели такого дара парламентского красноречия, каким обладали многие кадетские депутаты [25], но одни из лучших речей в I Думе были произнесены членом ЦК партии октябристов М.А. Стаховичем в защиту осуждения террора. 4 мая он предложил принять поправку к адресу императору, осуждающую террор. Террор, с его точки зрения, являлся преступлением, вызванным жестокостью власти и несправедливостью народа. Но в Думе, нужно «добиваться своего или общественного права не силой, а по закону» [29, с. 228]. В поправке говорилось: «...Государственная дума выражает твердую надежду, что ныне, с установлением конституционного строя, прекратятся политические убийства и другие насильственные действия, которым дума высказывает самое решительное осуждение, считая их оскорблением нравственного чувства народа и самой идеи народного представительства. Дума заявляет, что она твердо и зорко будет стоять на страже прав народных и защитит неприкосновенность всех граждан от всякого произвола и насилия, откуда бы они ни исходили» [29, с. 228]. По свидетельству А.В. Тырковой-Вильямс, М.А. Стахович говорил «вдохновенно и заразительно», не искал популярности, «да и заслужить ее в Думе он не мог, так как шел в разрез с массовыми чувствами, взбудораженными смутой» [32, с. 261].

При баллотировке поправки М.А. Стаховича октябристы требовали поименного голосования. П.А. Гейден настаивал: «Я за поименную баллотировку, так как против насилия большинства над меньшинством и желаю, чтобы мое мнение было отделено от мнения других и чтобы было удостоверено, что я высказал то мнение, которое я желал здесь высказать» [29, с. 234]. Однако Дума проголосовала и против поименной баллотировки, и против поправки М.А. Стаховича. Председатель С.А. Муромцев предложил несогласным письменно сообщить бюро свое мнение. 5 мая, когда депутаты голосовали за окончательный кадетский вариант ответного адреса императору, содержащий требование полной политической амнистии, семь депутатов во главе с П.А. Гейденом, не разделявшие идеи адреса, но и не желавшие нарушать единодушие думы, покинули зал заседания. 8 мая секретарю Думы подали заявление еще

четыре члена Думы, таким образом, присоединившись к мнению группы П.А. Гейдена по вопросам об амнистии и терроре.

Дума оказалась не в состоянии осудить террор, потому что она, в отличие от депутатов-октябристов, не видела в нем преступления. Позже В. Герье усомнится в способностях Думы, не осудившей террор, дать России «свободу и мирное обновление» [8, с. 124].

В период выборов во II Государственную думу октябристы выражали уверенность, что на этот раз им удастся осудить террор, что это будет «не дума народного гнева, а Дума народного разума, который слишком ясен, чтобы примириться с политическими убийствами» [28, с. 1]. Однако и во II Государственной думе октябристов было немного. По неполным данным, в начале сессии фракция октябристов насчитывала 28 депутатов [21, с. 578]. Дума опять была левой, а положение октябристов в ней нелегким. М.Я. Капустин, лидер фракции, после роспуска Думы докладывал ЦК партии: «Лучшие помещения для фракционных заседаний разобрали партии, примыкающие к большинству. Нам дали недурную комнату, но нам пришлось пустить к себе правых, которых вовсе лишили фракционного помещения. Положение партии, не примкнувшей к большинству, как наша, было не из веселых. Заявлениям, поданным группой членов, большинство, увидя подписи под ними, не давало движения; сокращение срока для речей ораторов и даже прекращение прений делались тогда, когда ораторы большинства высказывались» [24, с. 12].

Тем не менее фракция октябристов вместе с правыми боролась за осуждение террора в Думе. Предложение осудить террор во II Государственной думе выдвинули правые депутаты-священники, епископы Платон и Евлогий, уже на пятом заседании 6 марта, а 13 марта эту идею высказал П.А. Столыпин. После его выступления в тот же день группа правых депутатов (42 члена) внесли на рассмотрение заявление о порицании революционного террора. Через неделю, 19 марта, В.М. Пуришкевич напомнил Думе об этом заявлении, 26 марта правые сами попросили отложить обсуждение этого вопроса для того, чтобы лучше к нему подготовиться. Вновь они его внесли 2 апреля, но Дума рассматривать эту проблему уже не хотела. Еще несколько раз, вплоть до роспуска Думы, правые вносили это предложение на обсуждение, и каждый раз оно большинством голосов отклонялось под разными предлогами. Определяющей силой, которая могла бы повлиять на настроения Думы, была кадетская фракция, но она не поддержала начинание правых. Объясняя свою позицию широкой публике, кадеты обвиняли во всем правых, заявляя, что те ненавидят Думу, у них чувствуются «нечистые помыслы», они хотят вызвать скандал и с этой целью подняли вопрос об осуждении террора, поэтому другие и отказались его порицать. В

целом же кадеты, не одобряя террор, считают, что не дело Думы его осуждать [17, с. 6–7].

Октябристы протестовали против этой позиции левых либералов и в печати, и в Думе. Так Г.Е. Рейн напомнил депутатам с парламентской трибуны, что, может быть, именно потому, что I Дума не выразила порицания террору, о ней так мало жалели. Он убеждал депутатов поставить этот вопрос на обсуждение заблаговременно во избежание роспуска Думы. Председатель Ф.А. Головин расценил эти слова депутата как угрозу Думе. Г.Е. Рейн вынужден был оправдываться: «...Я не угрожаю, я хочу только высказать свою мысль» [18, стб. 1926–1927]. Фракция октябристов выступала за отмену военно-полевых судов, так как они «не обеспечивают правду и как бы исключают милость» [18, стб. 401]. Она поддерживала и идею отмены смертной казни, но при условии, что ее отмене будет предшествовать осуждение политических убийств, иначе наши законопроекты для завоевания действительной гражданской и политической свободы не будут приняты дальнейшими инстанциями [19, стб. 603–604]. Все члены фракции поддерживали это мнение. А.М. Балло, С.Т. Варун-Секрет, И.П. Созонович считали нецелесообразным отмену военно-полевых судов, которые являются ответом на революционный террор в данных условиях [18, стб. 401, 456, 484–486].

Октябристская печать поддерживала свою фракцию в борьбе за осуждение террора. Она уже в апреле дала взвешенный анализ проблемы осуждения террора в Думе, предположив, что «и на этот раз думское большинство намерено уклониться от выражения осуждения свирепствующему в России террору снизу». Публицисты показали своим читателям, почему это произойдет. Эсеры как террористическая партия не могут осудить террор. Социал-демократы признают целесообразность подобной тактики в данный момент, считая ее ответом на политику правительственного произвола. Народные социалисты и трудовики также одобряют террор снизу, вызванный, по их мнению, террором сверху. Кадеты же «как истые мудрецы и глубокие политики, ... хотят воспользоваться предложением правых и осудить политику правительства». «Итак, по всем данным, большинством будет вынесено порицание не террористам, а правительству и его агентам». Но все же октябристская печать продолжала бороться за осуждение террора. По мнению публицистов, «то «слово», которое ждет от Государственной думы страна, конечно, само по себе не в состоянии «утишить сразу взбаламученное море страстей. Но важно уже и то, чтобы сверху прекратилось то веяние, которое волнует море. Важно, чтобы из стен Таврического дворца громко и во всеуслышание было заявлено, что цель не оправдывает средства, что политические убийства и грабежи – гнусны и преступны». После осуждения террора парламентом

«можно будет уже принимать конкретные меры к искоренению террора». Правые, по мнению публицистов, внесли предложение об осуждении террора не для провокации, а для того, чтобы создать нравственную почву для законодательства против террора [20, с. 1].

Правильно октябристы оценили и влияние вопроса об осуждении террора на роспуск Думы и роль кадетов в этом процессе. Кадеты, по их мнению, больше заботились о террористах («их, бедных, более всего жаль: их казнят, бьют и истязают»), а не о простых обывателях. Дума с таким большинством, по мнению правых либералов, неизбежно будет распущена [11, с. 1]. Позже октябрист В. Герье напишет: «Кадеты не могли осудить революционный террор, так как им нужно было революционное настроение в обществе для осуществления своей программы. Кадеты предпочли замять вопрос, чтобы не компрометировать своих ораторов защитой революционного террора» [7, с. 331–332].

На страницах печати октябристы критиковали в основном кадетов за их отношение к террору, позиция левых представлялась им более ясной и честной. Но когда 7 мая 1907 г. при обсуждении в Думе вопроса о раскрытии попытки теракта против императора левые фракции, не захотев в нем участвовать, вышли из зала заседания, октябристская печать обрушилась на них с критикой. «Голос Москвы» писал: «Левые партии разыгрывают гнусную комедию. Их представители демонстративно уходят из залы заседания, когда им приходится ответить на вопрос, сочувствуют ли они заговору, направленному против Государя, а затем уверяют, что с заговором не имеют ничего общего... Левые партии должны признать, что им нечего делать в Государственной Думе и уступить свое место другим. Пусть они открыто проповедуют насилие, это будет честно. Тогда мы разделимся на два лагеря, на революционеров и защитников государства...» [13, с. 1].

Таким образом, правые либералы в период революции 1905–1907 гг. были одной из немногих общественных сил России, не только осуждавших террор, но и боровшихся за создание общественного мнения, враждебного террору. Перу октябристских публицистов принадлежат, пожалуй, самые грамотные статьи о терроре. В них давался комплексный анализ этого феномена, оценивался вред, наносимый террором стране и обществу, предлагалась программа борьбы с ним. Праволиберальные публицисты искренне сожалели об участии молодежи в террористическом движении, и в отличие от правых никогда не рисовали террористов только чёрными красками. К сожалению, определяющее влияние на общественное мнение России оказывали не правые, а левые либералы, а голоса октябристов оставались голосами вопиющих в пустыне.

Список литературы

1. Безобразов П. Максималисты // Голос Москвы. – 1907. – 8 апр.
2. Безобразов П. Размышления // Голос Москвы. – 1907. – 3 янв.
3. Безобразов П. Террор // Голос Москвы. – 1907. – 21 марта.
4. «Берегитесь, товарищи!» тактика террора в России // Голос Москвы. – 1907. – 19 янв.
5. Вырождение террора (По поводу убийства графа А.П. Игнатьева) // Голос Москвы. – 1907. – 12 янв.
6. Гейфман А. Революционный террор в России, 1894–1917. – М., 1997.
7. Герье В. Вторая Государственная дума. – М., 1907.
8. Герье В. Первые шаги бывшей Государственной думы. – М., 1907.
9. Голос Москвы. – 1906. – 31 дек.
10. Голос Москвы. – 1907. – 3 марта.
11. Голос Москвы. – 1907. – 12 апр.
12. Голос Москвы. – 1907. – 18 апр.
13. Голос Москвы. – 1907. – 11 мая.
14. Голос Москвы. – 1907. – 17 мая.
15. Голос Москвы. – 1907. – 20 мая.
16. Голос Москвы. – 1907. – 25 мая.
17. Голубев В. Вторая Государственная дума. – СПб., 1907.
18. Государственная дума. Созыв второй. Стеногр. отчеты. – СПб., 1907.
- Т. 1.
19. Государственная дума. Созыв второй. Стеногр. отчеты. – СПб., 1907.
- Т. 2.
20. Государственная дума и террор // Голос Москвы. – 1907. – 10 апр.
21. Государственная дума Российской империи: 1906–1917: энцикл. – М., 2008.
22. Кофе с убийством // Голос Москвы. – 1906. – 29 дек.
23. Льдов К. Отзвуки. Против смертной казни // Биржевые ведомости. – 1906. – 5 мая.
24. Партия «Союз 17 октября». Протоколы съездов, конференций и заседаний ЦК: в 2 т. / Т. 2. Протоколы III съезда, конференций и заседаний ЦК. 1907–1915. – М., 2000.
25. Патриكيةва О.А. Конституционные демократы в Государственной думе (1906–1917 гг.): зарождение парламентского ораторского искусства в России // Вестн. СПбГУ. Сер. История. – 2013. – № 2. – С. 52–59.
26. РГИА. Ф. 1276. Канцелярия Совета министров. Оп. 1. Д. 57.
27. Репрессии, печать и Дума // Голос Москвы. – 1907. – 2 нояб.
28. Соловьев Б.М. Новое покушение // Голос Москвы. – 1907. – 18 февр.
29. Стенографические отчеты / Государственная дума. Первый созыв, 1906. Сес. 1. Т. 1. – СПб., 1906.
30. Столыпин А.А. Жестокость // Голос Москвы. – 1907. – 3 июня.
31. Теория социал-разбоя // Голос Москвы. – 1907. – 3 июня.
32. Тыркова-Вильямс А.В. На путях к свободе. – М., 2007.
33. Фабричный террор // Голос Москвы. – 1907. – 29 мая.
34. Fields W. Терроризм в Соединенных Штатах // Голос Москвы. – 1907. – 9 дек.

УДК 94(470.341)«1895»:37:271.2:070

В. В. Карпова

«Дело А.А. Штевен» и его отражение в столичной периодической печати

В статье рассмотрены вопросы развития народного образования в конце XIX в., когда обострилось противостояние земства и церкви в условиях постановки вопроса о введении всеобщего обучения. Проблема рассматривается на примере одного частного случая, произошедшего в Нижегородской губернии в 1895 г. и получившего широкий отклик в периодической печати. Механизмы формирования общественного мнения по вопросам народного образования рассмотрены на основе публикаций в столичных газетах и журналах.

The article is about the development of public education in the end of XIX century. There was a discussion among the zemstvo and church about universal teaching. The problem is shown an example of «Shteven's case» in Nizhny Novgorod province in 1895. The press discussed the case. The mechanisms of the creating public opinion about general education were considered on the basis of publications in the capital newspapers and magazines.

Ключевые слова: народное образование, земская школа, школа грамоты, периодическая печать, общественное мнение.

Key words: public education, zemstvo's school, school of reading and writing, periodical, public opinion.

Периодическая печать в конце XIX в. не только отражала существовавшие в обществе настроения, но и стремилась формировать общественное мнение. С этой целью важно было обращать внимание не только на факты общегосударственного масштаба, но отыскивать такие события, произошедшие в провинции, которые при правильном их освещении могли стать убедительным доказательством определенной точки зрения, позиции, отстаиваемой редакцией газеты или журнала. Более подробно данный вопрос уже освещался автором ранее [см. 11; 13].

Чаще всего о событиях в провинции сотрудники столичного печатного органа узнавали из писем, присылаемых в редакцию, из провинциальных газет или от столичного издания-конкурента. Обычно каждый случай удостоивался однократного упоминания в разделах «Внутреннее обозрение», «Хроника внутренней жизни» или в обзоре прессы. Редко таким происшествиям выделяли не-

сколько полос, посвящали проблемные статьи, передовицы. Но в отдельных случаях этот частный эпизод становился буквально точкой опоры, катализатором спора по концептуальным вопросам, не имевшим однозначной оценки.

Одним из таких вопросов в середине 1890-х гг. стало развитие народного образования, в частности, необходимость и возможность осуществления всеобщего обучения в России. Полемика между либералами и консерваторами разворачивалась вокруг нескольких аспектов: требуется ли вообще расширение сети школ и рост образования в деревне, чему и кому необходимо учить крестьянина? Учитывая, что сеть начальных учебных заведений в России в конце XIX в. отличалась многообразием, то вопрос фактически состоял в том, какой вид школ должен быть положен в основу школьной сети в условиях осуществления всеобщего и какому ведомству он будет непосредственно подчинен. Борьба ведомств по вопросам начального народного образования и освещение ее на страницах периодической печати подробно изложена автором в его работах [9; 10; 12; 13].

В этой связи представляет интерес одно событие из жизни Нижегородской губернии, которое в периодической печати фигурировало как «дело А. Штевен». Оно стало одним из катализаторов обсуждения вопроса о народном образовании в прессе и привлекло к себе внимание всех ведущих изданий Петербурга и Москвы.

«Некая барышня, "от нечего делать", принялась учить деревенских ребят грамоте, – писал консервативный журнал «Русский вестник». – Такое "рукоделье от безделья" ей понравилось, и вскоре барышня взялась за народное просвещение систематически. Она устроила много школ, насадила туда своих учителей и вероятно долго еще вела бы победоносную борьбу с "властью тьмы", если бы учреждение, ведающее церковные школы данной местности, не проникло, наконец, в сущность распространяемого барышней "света" и не запретило дальнейшего устройства школ. Отсюда возникла целая история, и имя барышни приобрело всероссийскую известность» [18, с. 343].

Об этой истории мы можем узнать от самой Александры Алексеевны Штевен из написанных ею небольших книжек «История одной школы» (издана по распоряжению обер-прокурора Св. Синода в 1894 г.), и «Из записок сельской учительницы» (вышла в 1895 г. уже после конфликта).

В 1887 г. в возрасте 22 лет Александра Штевен в семейном нижегородском имении Яблонка Арзамасского уезда начала учить читать нескольких крестьянских детей. Уже в 1889 г. школа в с. Яблонка была официально объявлена земской. Некоторые ученики, успешно сдавшие экзамены за курс земской школы, продолжали

посещать занятия, и тогда у Александры Алексеевны возникла идея подготовить из них учителей для школ грамоты.

Школы грамоты – низший и наиболее дешевый вид школ, окончание которых не давало права на получение льготы по отбыванию воинской повинности. Согласно Правилам о школах грамоты, изданным 4 мая 1891 г., эти учебные заведения подлежали «исключительно ведению и наблюдению духовного начальства. Попечение о школах грамоты в приходах и руководство оными возлагается на местных священников, или на те лица, кои будут назначены для сего епархиальным архиереем. <...> Местные прихожане, желающие открыть на свои средства школу грамоты, обращаются за советом и указаниями к приходскому священнику, на обязанность которого возлагается приискание для открываемой школы благонадежных учителя и попечителя и забота о снабжении ее необходимыми руководствами и учебными пособиями» [20, с. 374]. Разногласия между приходским священником и устроителями школы разрешались уездным отделением епархиального училищного совета.

Отношение к школам грамоты в обществе было неоднозначным. С одной стороны, такая школа все же лучше, чем никакой. Однако срок обучения в ней составлял всего два года (а не три, как в церковно-приходской или земской), программы были сокращенными, а учителя малоквалифицированными, что было связано прежде всего с низкой оплатой труда (Штевен писала, что гонорар учителя в первой открытой ею школе грамоты равнялся 3 р. 15 к. в месяц [27, с. 16]). Это были «дешевые» школы, содержащиеся в основном за счет самого населения и пожертвований; ни церковь, ни земство выделять средства на их содержание не были обязаны.

К осени 1891 г. А. Штевен открыла пять школ грамоты, через год их стало уже 13. Поскольку частично расходы на их содержание покрывались из личных средств учредительницы (в среднем на каждую школу, по словам Штевен, она приплачивала около 25 р. в год [27, с. 42]), то резкое увеличение числа школ вызвало финансовые трудности. Александра Алексеевна обратилась за помощью в различные инстанции, и уже с декабря 1892 г. стали поступать пожертвования, в том числе из Московского и Санкт-Петербургского комитетов грамотности, а также от обер-прокурора Св. Синода К.П. Победоносцева, с которым Штевен вступила в личную переписку. Благодаря деньгам, присланным Победоносцевым, были открыты еще 18 школ грамотности, таким образом, к осени 1893 г. их стало уже 31.

Вместе с тем еще с начала 1892 г. у Штевен начался конфликт с одним из приходских священников, в дальнейшем все углублявшийся. Она отмечала, что лишь в 5–6 случаях священники дали свое согласие на открытие школ грамоты, в большинстве своем ли-

бо следовал прямой отказ, либо осуществлялось негласное противодействие (давление на крестьян, угрозы, отказ от утверждения в должности учителя, подобранного Штевен) [26, с. 365–366]. Осенью 1894 г. были открыты еще 25 школ грамоты, однако 10 ранее учрежденных школ закрылись. В связи со значительным увеличением масштабов работы Штевен пришла к заключению о «невозможности продолжать это дело на тех основаниях, на которых оно было начато». Сказались недостаток в учителях, средствах, а главное – официальное положение школ грамоты, их полная зависимость «от местных священников, отсутствие всякой связи с общественными учреждениями, которые были бы заинтересованы в поддержании существования школы, – и беззащитность ее перед произволом священников и других влиятельных в селах лиц» [27, с. 46–47].

В результате А. Штевен склонилась к необходимости распространения школ более высокого уровня, т. е. земских, с подготовленными учителями, собственными помещениями, библиотеками, стабильным финансовым обеспечением и как следствие с надлежащим качеством образования. Уже осенью 1894 г. ей удалось преобразовать четыре школы грамоты в земские школы. Штевен предлагала при введении всеобщего обучения превратить школы грамоты в подготовительные отделения или филиалы земских школ, а заведывание ими передать земским учреждениям, поскольку духовенство видело в них лишь ненужную обузу и принимало слишком мало участия в их деятельности. В марте 1895 г. эти мысли можно было прочитать в «Вестнике Европы» [26].

Интерес Штевен к земским школам привел к тому, что Победоносцев отказался далее предоставлять ей финансовую помощь. 18 мая 1895 г. последовало определение Нижегородского епархиального училищного совета при Братстве св. Георгия № 18 о запрете А.А. Штевен открывать новые школы грамоты и освобождении ее от звания попечителя уже открытых школ. Оно было опубликовано в виде приложения к № 11 «Нижегородских епархиальных ведомостей». Основанием для принятия такого решения послужили следующие обвинения: при открытии школ Штевен не руководствовалась Правилами 1891 г., открывала школы без ведома духовенства, сама присылала в них учителей, не прошедших экзамена у приходских священников, при этом некоторые из них «оказались по своей религиозно-нравственной благонадежности несоответствующими своему назначению», использовала учебники, не одобренные училищным советом при Св. Синоде (в т. ч. книгу для внеклассного чтения Л. Толстого, допущенную к использованию в училищах Министерства народного просвещения), без разрешения у себя в усадьбе устроила летние педагогические курсы и вообще старалась отстранить священников от влияния на школы и «обра-

тить учрежденные ею церковные школы в земские, о чем она даже публично заявила на Арзамасском уездном земском собрании в присутствии депутата с духовной стороны, а два, три месяца спустя то же самое подтвердила и в печати на страницах "Вестника Европы"» [27, с. 154–159; 21, с. 3].

Ответ А.А. Штевен на обвинения был опубликован в газете «Русские ведомости», а затем и в книге «Из записок сельской учительницы» [21, с. 3; 27, с. 160–168]. Так началась история «дела Штевен» на страницах периодической печати. «Об этом примечательном случае было написано в конце июля и в августе так много, что составилось целое печатное "дело", – писал журнал «Северный вестник» [24, с. 57].

Отметим, что удивление по поводу вынесенного постановления в отношении Александры Алексеевны выражали многие издания, в частности, «Северный вестник»: «Противоречие представляется и в том, что г-жа Штевен сперва за свою деятельность была избрана в почетные члены братства св. Георгия (при котором состоит сам училищный совет) и затем, по представлению совета, была награждена Библией "за рвение в наставлении детей в вере и благочестии", а ныне ей вдруг воспрещена всякая деятельность в школах грамоты и церковно-приходских училищах» [24, с. 58].

Первые отклики на случай в Арзамасском уезде в столичной прессе появились в июле 1895 г. 16 июля газета «Неделя» опубликовала анонимное письмо из Нижнего Новгорода, в котором по пунктам были прокомментированы и опровергнуты все обвинения, выдвинутые против А. Штевен. Автор письма обращал внимание общественности на то, что все начальные школы «находятся под контролем правительства, все служат одной и той же великой цели, и потому нет никакой измены и нет ничего в том дурного, если кто-то убедится и выскажет, что такой-то тип школы наиболее удовлетворителен. Г-жа Штевен далека от всякой партийности, борьба ведомств ее не интересует, и она обращает внимание лишь на то, в каких школах дети лучше учатся. <...> Вполне понятно, что г-же Штевен хотелось, чтобы ее убогие и необеспеченные школы грамоты были приняты земством и преобразованы в благоустроенные школы высшего типа» [7, с. 925]. В заключении письма автор приходил к выводу: «По-видимому, без вины виноватая г-жа Штевен сделалась жертвой антагонизма ведомств. <...> Г-жа Штевен имела неосторожность сообщить в печати много фактов, доказывающих, что на наше духовенство нельзя смотреть как на сословие, склонное поднять дело народного просвещения. <...> Наряду с этим г-жа Штевен признала превосходство земской школы над церковной» [7, с. 926].

«Русские ведомости» процитировали выдержки из этого письма 20 июля, посетовав на трудности, с которыми приходится сталкиваться деятелям народного образования. 27 июля газета опубликовала письмо самой А. Штевен, а также выписку из определения епархиального училищного совета. Материал занял более трех колонок, редакторские комментарии к нему отсутствовали. На следующий день первая же статья газеты вновь была посвящена «делу Штевен». В ней говорилось о положительных результатах деятельности Александры Алексеевны, о странности постановления и о том, что «устранение г-жи Штевен от участия в ведении школ грамоты должно очень вредно отразиться на ходе обучения в них и на постановке всего дела, которое было создано и держалось главным образом личную энергию устроитчицы» [22, с. 1]. 10 августа в газете было опубликовано письмо Н. Горбова, который отзывался о школах грамоты как о большом зле, поскольку обучение в них поставлено плохо, однако случай со Штевен считал исключительным, так как учит она прекрасно. Автор пришел к выводу, что Штевен отстранили от деятельности только потому, что она указывала на преимущество земской школы и агитировала против школы церковной [4, с. 3]. С этим в целом согласился и «Вестник Европы», уточнив, что она хотела учредить земские школы вместо школ грамоты (а не церковно-приходских), которые являются церковными лишь номинально [3, с. 434].

28 июля с этой историей своих читателей начали знакомить «Московские ведомости». Большинство публикаций по данному делу были размещены в рубрике «Дневник печати». Первая из них была реакцией на опубликованное в «Русских ведомостях» письмо А. Штевен, тон ее осуждающий. В следующей статье 30 июля оспаривались не только указанное письмо, но и материал, опубликованный в № 29 «Недели». Автор одобрил пресечение деятельности Штевен и заметил, что устроить школы и быть ее попечителем может не каждый. Отмечено также, что «г-жа Штевен поступила бы правильнее, обжаловав действия епархиального училищного совета в установленном порядке, чем полемизируя с ним на столбцах газет» [23, с. 2]. Еще через день вновь можно было прочитать об этом деле в связи с публикацией в газете «Русское слово» (№ 206), где освещение деятельности Штевен (видимо, либеральными изданиями и ею самой) названо лишь «*видимостью* правды» и высказана надежда на то, что предпринятые церковью меры по устранению подобных деятелей народного образования, пытавшихся обойти закон, станут гарантией тому, «чтобы школы грамоты, эти первые ячейки народного воспитания, не оказались в нечистых руках и не сделались рассадниками противуцерковной и противугосударственной пропаганды» [14, с. 5]. 7 августа последовала реакция на статью

Штевен, опубликованную в августовском номере «Вестника Европы», и отзыв о ней Скоропинского, опубликованный в № 211 «Русского слова» (в нем статья расценивается как «признания», «подробный обвинительный акт, написанный ею против себя самой и подтверждающий основные пункты постановления Нижегородского епархиального училищного совета» [15, с. 3]).

10 августа четыре с половиной газетных столбца заняло письмо из Арзамасского уезда Нижегородской губернии, в котором автор, анализируя недостатки школ грамоты и заведывающего ими духовенства и сравнивая эти школы с земскими, приходил к выводам, прямо противоположным Штевен [8]. От собственно «дела Штевен» газета перешла к проблеме конфликта между земскими и церковно-приходскими школами, используя отдельные аспекты «дела» в качестве аргументов в давнем споре. Эта тема была поддержана и в № 228, где автор, описывая «противозаконную» деятельность активистки, оценивал ее уже как способ обеспечить преобладание земских школ в данном регионе. «Кто, в самом деле, дал г-же Штевен право уничтожать труды духовенства, уговаривая народ открывать, вместо церковных школ, земские <...> и тем разрушать исторически сложившиеся у народа отношения к церковной школе, а также и уважение его к духовенству? Кто призвал г-жу Штевен разрешать, при участии народа, вопрос о превосходстве земской школы перед церковною и тем вталкивать его в борьбу, доселе ему неизвестную, между земской и церковной школой?» [1, с. 2].

28 августа «Московские ведомости» отмечали, что все новые издания, в частности «Свет» (№ 197), «присоединяются к голосам благомыслящих людей, требующих отпора столь распространенному ныне «штевенизму», превращающему народное образование в орудие порчи народа» [6, с. 3]. Так появился новый термин, обозначивший определенное направление в деле развития народного образования.

7 августа к обсуждению присоединился еще один рупор консервативной мысли – «Гражданин». Первая статья стала отзывом на публикацию Штевен в «Вестнике Европы». По мнению автора, «г-жа Штевен относится к числу *увлекающихся* фанатиков школьного дела в деревне и, следовательно, заслуживает если не недоверие, то все же беспристрастного контроля и строгой проверки над ее, хотя бы и самой благонамеренною педагогическою деятельностью». Анализируя ее деятельность, автор отмечал, что она «плохая учительница для народа», поскольку стремится «обучить детей всему», сообщить в школе такие знания, которые для крестьян являются лишними, и что в таких, как у Штевен, школах бесконтрольно «под предлогом ознакомления с цивилизацией и государством будут читаться лекции о социализме и об истории революции» [5, с. 1].

В продолжение данной мысли 12 августа газета напомнила, что еще с 1860-х гг. утвердилась истина, «что обучать деревенских ребяташек есть не более и не менее как *святое дело*», и всякий прогрессивный человек должен себя ему посвятить. При этом речь шла не просто об обучении грамоте, а о «насаждении в детских умах некоторых особых знаний», способных «доразвить молодое крестьянское поколение до состояния французских блузников и санкюлотов». «Кто знает, – заключал автор, – сколько вреда уже принесено, благодаря этой "святой" деятельности, да притом – за чем этот скандал, прежде всего, как всякий публичный скандал, соблазнительный и вредный?..» [17, с. 2].

21 августа газета вновь обратила внимание читателей на раздутый вокруг «дела Штевен» скандал в периодической печати: «С недавнего времени прославилась и в моду вошла г-жа Штевен. Прославилась она тем, что пристроилась к церковно-приходской школе единственно для того, чтобы открыто и громко проповедовать негодность этой именно школы – прославилась публичным скандалом <...>. Но ведь это скандал на либерально-демократической подкладке, если можно так выразиться, а такой скандал не считается зазорным. И точно, г-жа Штевен теперь даже несколько повысилась в своем достоинстве, как будто ее в чин произвели. Прежде, до скандала, она, если и выступала на литературную арену, то робко, с некоторою оглядкой, и "Вестник Европы", поместивший ее произведение, уделял ей не видный уголок на задворках; теперь – не то, после скандала и сама г-жа Штевен выступает смело, говорит уверенно, как человек власть имущий, и прямо уже поучает, да и тот же "Вестник Европы" встречает ее, как желанную гостью, отводит ей первое место, так сказать, выставляет ее, как интересного гастролера» [28, с. 3]. Действительно, статья А. Штевен в августовской книге «Вестника Европы» (не имевшая, впрочем, прямого отношения к разгоревшемуся конфликту) была помещена первым материалом номера [25].

Казалось бы, полутора месяцев было вполне достаточно, чтобы осветить все перипетии данного дела, однако в сентябре его обсуждение возобновилось. Вызвано это было появившимся в «Неделе» сообщением о том, что нижегородский вице-губернатор Ю.Д. Родионов лично посетил Арзамасский уезд с целью проверки обвинений, возведенных на А.А. Штевен по поводу ее школьной деятельности. Газета сообщила, что Родионову «не стоило особенного труда выяснить правду и убедиться, что во всей деятельности г-жи Штевен ровно ничего не было, что хоть косвенно не соответствовало бы видам правительства» [19, с. 1183]. В этом же письме, присланном из Нижнего Новгорода, рассказывалось о деятельности одного земского начальника, Хотяинцева, препятствовавшего от-

крытию Штевен новых школ. Поскольку незадолго до этого в прессе активно обсуждалась роль института земских начальников, две проблемы объединились в одну. «Русские ведомости» перепечатали сообщение «Недели» 12 сентября (№ 252), «Московские ведомости» 19 сентября (№ 258) выразили сомнение в целях приезда Родионова и достоверности сообщения, «Гражданин» 16 сентября (№ 255) опроверг обвинения в адрес Хотяинцева, упрекнув либеральную печать в подтасовке фактов и обмане.

В целом активность газет к концу сентября стала падать. В этом смысле показательна фраза в «Московских ведомостях»: «Можно и должно говорить о школьном вопросе, но собственно эпизод г-жи Штевен мы сдаем в архив» [16, с. 4]. Впрочем, отголоски этого дела можно было увидеть в «Неделе» даже в ноябре: сообщалось об инициативе А. Штевен, предложившей уездному земскому собранию открыть 10 новых земских школ, не ожидая ходатайства от самих крестьян. Предложение это, однако, было отклонено (показательно, что «против» голосовали и гласные от крестьянских обществ). Всего по данному делу «Гражданин» и «Русские ведомости» поместили по пять публикаций, «Неделя» – четыре. Наибольшую активность проявили «Московские ведомости», опубликовавшие 10 статей.

В журналах обсуждение «дела Штевен» пришлось преимущественно на сентябрь–ноябрь. Наибольший интерес проявил рупор либеральной мысли «Вестник Европы», в номерах 9–12 поместивший материалы, посвященные событиям в Нижегородской губернии и конфликту между школами разных ведомств, в которых случай Штевен разбирался, обсуждался, напоминался читателям вновь и вновь на 15 страницах. 11 страниц данному вопросу отвела либеральная «Русская мысль», 9 – «Русское богатство», 6 – «Мир Божий», 4 – «Русский вестник». Не было практически ни одного ведущего издания, не обратившего внимания на инцидент в провинции.

Интересно, что педагогические журналы не проявили в обсуждении этого вопроса столь высокой активности, как «рупоры» общественного мнения. В «Вестнике воспитания» можно встретить лишь упоминание и недоумение по поводу этого инцидента: «Постановление было тем более неожиданно, что глубокая религиозность г-жи Штевен не подлежит никакому сомнению» [2, с. 187]. «Русская школа» вообще не писала об этом случае ничего, хотя в 1894–96 гг. имя А. Штевен как активного деятеля в сфере народного образования неоднократно упоминалось на страницах данного журнала.

Таким образом, практически полгода «дело Штевен» обсуждалось в прессе, привлекая к нему и к проблемам народного образования в целом пристальное внимание читателей. Для либеральных изданий Александра Алексеевна стала образцом бескорыстного служения высоким идеалам, примером безвинно пострадавшего

подвижника, а случай с нею подавался как поучительный пример противодействия церкви делу развития народного образования, как один из аргументов в пользу превосходства земских школ над школами, подчиненными духовному ведомству. Консервативная печать делала акцент на осуществляемой интеллигенцией «подрывной деятельности» в деревне, которая, с одной стороны, препятствовала развитию сети церковных школ, предпочитаемых крестьянством, и подрывала авторитет церкви и священников в целом, а с другой – стремилась разрушить основы крестьянского мировоззрения, образа жизни, превратив образованных крестьян в «полуинтеллигенцию», оторванную от своих корней и не имеющую иных перспектив в жизни. Эта деятельность неминуемо должна была привести к разрушению государственных устоев и революции.

Список литературы

1. Букеевский А. Как агитируют против церковной школы? // Моск. ведомости. – 1895. – № 228. – 20 авг.
2. Вестник воспитания. – 1895. – № 7. – С. 185–187.
3. Вестник Европы. – 1895. – № 9. – С. 430–437.
4. Горбов Н. По поводу письма г-жи Штевен // Рус. ведомости. – 1895. – № 219. – 10 авг.
5. Гражданин. – 1895. – № 215. – 7 авг.
6. Еще о г-же Штевен // Моск. ведомости. – 1895. – № 236. – 28 авг.
7. За слово правды // Неделя. – 1895. – № 29. – 16 июля. – С. 924–925.
8. И.Ф. По поводу письма г-жи Штевен // Моск. ведомости. – 1895. – № 218. – 10 авг. – С. 2–3.
9. Карпова В.В. Газета «Гражданин» о начальном народном образовании в 1890–1904 гг. // Модернизация в России: история, политика, образование: сб. материалов Всерос. науч. конф. / отв. ред. В.В. Карпова. Вып. 5. – СПб., 2013. – С. 66–71.
10. Карпова В.В. Газета «Русские ведомости» о начальном народном образовании в 1890–1903 гг. // Модернизация в России: экономика, политика, культура: сб. материалов Всерос. науч. конф. / отв. ред. В.А. Веремченко. Вып. 4. – СПб., 2011. – С. 120–126.
11. Карпова В.В. Механизмы формирования периодической печатью общественного мнения по вопросам начального народного образования в конце XIX века // Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А.С. Пушкина. Серия История. – 2008. – № 4. – С. 81–92.
12. Карпова В.В. Начальное народное образование как объект общественного мнения на рубеже XIX–XX веков // X Царскос. чт.: материалы междунар. науч. конф. 25–26 апр. 2006. Т. IV. – СПб., 2006. – С. 196–198.
13. Карпова В.В. Роль периодической печати в формировании общественного мнения о проблемах начального народного образования в сельской местности России (1890–1904 годы): дис. ... канд. ист. наук. – СПб., 2003.
14. Московские ведомости. – 1895. – № 209. – 1 авг.
15. Московские ведомости. – 1895. – № 215. – 7 авг.
16. Московские ведомости. – 1895. – № 267. – 28 сент.
17. О «святом деле» // Гражданин. – 1895. – № 220. – 12 авг.

18. О вольных школах // Рус. вестн. – 1895. – № 11. – С. 343–346.
19. Просвещенная власть // Неделя. – 1895. – № 37. – 10 сент.
20. Пругавин А.С. Законы и справочные сведения по начальному народному образованию. – СПб., 1898. – С. 374–376.
21. Русские ведомости. – 1895. – № 205. – 27 июля.
22. Русские ведомости. – 1895. – № 206. – 28 июля.
23. Своеобразная полемика // Моск. ведомости. – 1895. – № 207. – 30 июля.
24. Северный вестник. – 1895. – № 9. – Отд. второй. – С. 57–58.
25. Штевен А. Из жизни деревни и молодого ее поколения // Вестн. Европы. – 1895. – № 8. – С. 441–491.
26. Штевен А. По поводу школ грамотности // Вестн. Европы. – 1895. – № 3. – С. 362–371.
27. Штевен А.А. Из записок сельской учительницы. – СПб., 1895.
28. Южный М. Полуинтеллигенция // Гражданин. – 1895. – № 229. – 21 авг.

**«Двигатель... накладных расходов»:
коммерческая реклама в советских газетах периода НЭПа**

В статье дан анализ коммерческой рекламе в газетах СССР периода НЭПа. На основании документов внеплановой комиссии Наркомата рабоче-крестьянской инспекции по результатам обследования рекламного дела в середине 1920-х гг. анализируются проблемы деятельности рекламных контор по сбору, размещению, художественному оформлению рекламных объявлений в советской прессе.

Article is dedicated to commercial advertisement in the newspaper in USSR of the period of the NEP. There are analyzed the problems of the activity of advertising organizations in collection, arrangement, artistic formulation of declarations in the Soviet press. They are studied on the basis the documents of the unplanned commission of the Commissariat of worker-peasant inspection about the results of the inspection of advertising matter in the middle 1920s.

Ключевые слова: СССР, коммерческая реклама, новая экономическая политика (НЭП), советские газеты.

Key words: USSR, commercial advertisement, new economic policy (NEP), Soviet newspapers.

В России на рубеже XIX–XX вв. сбор с объявлений, в том числе рекламных, являлся главной финансовой базой периодической печати. Средний годовой доход газет от рекламы составлял 35–40 тыс. р. Но были и рекламные колоссы, отдававшие под платные объявления 4–5 и более страниц. Среди них «Новое время», заработавшее на этом в 1896 г. 499 807 р., «Петербургский листок» (305 812 р.), «Биржевые ведомости» (131 181 р.) [3, с. 41]. Реклама уверенно выходила на первые полосы и в изданиях политической направленности. Даже центральный орган конституционно-демократической партии газета «Речь» (в которой объявления занимали не более половины первой страницы и зачастую не всю последнюю) имела в 1912 г. дохода от рекламы 145 тыс., в 1913 – 151 тыс., за первые полгода 1914 г. – 79 тыс. р. [13, с. 34].

На основании опубликованного 8 ноября 1917 г. декрета СНК РСФСР «О государственной монополии на печатание объявлений» рекламное дело было монополизировано государством. Размещение платных объявлений в частных изданиях, в том числе в виде отчетов, рекламных статей или в других замаскированных формах, могло повлечь наказание вплоть до конфискации имущества и тю-

* Исследование подготовлено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 14-01-00125.

© Твердюкова Е. Д., 2014

ремного заключения на срок до трех лет. В советских газетах публиковались сообщения партийных, профессиональных и культурно-просветительских организаций, различных комитетов, курсов, именуемые в наше время рубричной рекламой [15, с. 25]. 3 апреля 1918 г. «Известия ВЦИК» сообщили о приеме редакцией «всякого рода» объявлений, стоимость которых для казенных и общественных учреждений составляла 1,25, а для частных лиц до 2,50 р. за строку нонпарели [9]. Большинство этих публикаций, впрочем, не носили коммерческого характера, а с конца 1918 г. выносились в приложения к газете.

С переходом страны на новую экономическую политику при ВСНХ, многих наркоматах, местных органах власти, издательствах и газетах в качестве подсобных предприятий стали создаваться центры по сбору и размещению рекламных объявлений. К 1926 г. в одной лишь Москве рекламным делом занимались 45 организаций, в которых было занято около 700 чел. [6. Д. 1124. Л. 2].

Считалось, что в условиях советского хозяйства роль рекламы состоит в промышленной пропаганде и в приближении продукции к потребителю. Её намечалось использовать для установления связи между предприятиями и потребителями, смычки города и деревни. Для этого предлагалось повернуть рекламное дело от узкого круга «нэпачей» в сторону массового рынка: «Вместо франтов в модных костюмах, пшютов, сидящих в красных креслах и пускающих дым колечками, и т. п. буржуазной дряни реклама должна дать яркий рисунок, способный заинтересовать рабочих и крестьян» [4, с. 63–64].

В 1920-е гг. выделялись следующие виды рекламы: постоянная (вывески, кронштейны), открытая (плакаты), закрытая (в журналах и справочниках), а также газетная. В конце 1921 г. при Центропечати была создана рекламная контора «Госанонс», пытавшаяся монополизировать сбор объявлений для всех периодических изданий, однако газеты стали вести рекламную работу самостоятельно [2, с. 134]. Одной из первых явилась газета «Известия ВЦИК», возобновившая прием объявлений от государственных, кооперативных предприятий и частных лиц 22 ноября 1921 г. Читатели с интересом восприняли эту «коммерциализацию» прессы. Москвич Н.П. Окунев 26 ноября/19 декабря 1921 г. записал в дневнике: «Самая любопытная страница "Известий" – теперь четвертая, где печатаются "частные" объявления (большей частью от все еще "государственных" учреждений). Эти объявления красноречивее и короче, а главное яснее всяких передовиц и ученых статей рисуют жизнь советской столицы». И спустя полгода: «В газетах тысячи реклам о пьяных напитках, о гастрономии и об увеселениях самого легкого жанра. По содержанию этих реклам видно, что существует теперь и Яр, и Стрельна, и всякие шантаны, только разве не под прежними назва-

ниями. Новые-то, пожалуй, оригинальнее. Что-нибудь вроде "Не рыдай" или "Стоп-Сигнал!"» [10, с. 188, 236].

Особую роль в возрождении рекламы сыграл декрет ВЦИК и СНК от 24 января 1922 г. «О переводе всех органов периодической печати на начала хозяйственного расчета». По свидетельству управляющего делами газеты «Экономическая жизнь» А.Ф. Гладуна, именно в связи с переходом на хозрасчет редакция решила организовать контору объявлений «Двигатель» для обслуживания промышленности и торговли газетно-книжными и журнальными объявлениями. Официальное ее открытие состоялось 12 декабря 1922 г. В структуре конторы был выделен Отдел газетной рекламы. На него возлагались следующие функции: организация сбора рекламы и объявлений во все периодические издания в СССР и за границей (в том числе в специальные номера), заключение соглашений с издательствами, руководство агентурой, «бронирование» за агентами конкретных фирм. Изначально агенты только собирали анонсы в газету «Экономическая жизнь». Попытки обслуживать другие газеты, в том числе «Известия ВЦИК», «Правду», «Торгово-промышленную газету», оказались не слишком удачными. Например, «Правда» отказывалась печатать переданную через «Двигатель» рекламу некоторых предприятий, объясняя это тем, что они «забронированы» за собственными агентами издательства. 13 февраля 1925 г. «Правда» сообщила, что лишает «Двигатель» права принимать объявления во все свои издания и будет самостоятельно получать заказы.

Газетная реклама считалась наиболее целесообразной. Среди ее преимуществ называлась относительная дешевизна по сравнению с другими видами рекламы. Если производство плаката обходилось в сотни рублей, то газетное объявление (которое теоретически могло не уступать по силе и содержательности плакатной рекламе, но со значительно большим тиражом) стоило всего несколько десятков рублей. Но тарифы за публикации по сравнению с дореволюционным периодом возросли на 500–600 %, а в некоторых провинциальных газетах – на 1200 % («Псковский набат»). Так, стоимость строки объявлений впереди текста в довоенных изданиях составляла:

- в «Русском слове» – 1 р.;
- в «Русских ведомостях», «Торгово-Промышленной газете» – 50 к.;
- в «Одесском листке» – 40 к.;
- в «Псковском голосе» – 10 к.

К середине 1920-х гг. стоимость соответствующей строки в «Известиях» и «Правде» доходила до 4,5 р., в «Рабочей газете» – 2,5 р., в «Одесских известиях» – 1,75 р., в «Псковском набате» –

1,2 р. [6. Д. 1124. Л. 78]. Газеты оправдывали столь высокие тарифы необходимостью выплачивать вознаграждение агентуре, предоставлять скидки публикаторам (доходившие в иных случаях до 50 %), а также восполнить потери от неоплаченных объявлений, опубликованных в кредит. На удорожании сказывалось и начисление местного налога, который в Москве равнялся 15, в провинции – 10 %.

В довоенное время между тиражами и тарифами было более или менее строгое соответствие. При тираже в 50 тыс. экз. тариф увеличивался на 20 %, при тираже в 100 тыс. – на 75–80 %. В 1920-е гг. это соотношение не выдерживалось. Так, «Торгово-промышленная газета» (18 тыс. экз.) взимала за строчку объявлений 1 р., как и «Экономическая жизнь» (40 тыс. экз.), а «Псковский набат» (с тиражом несколько тысяч экз.) – 60 к. [6. Д. 1124. Л. 31]. Под давлением кампаний по снижению цен советские издания вынуждены были удешевлять расценки. Тем не менее, по данным М.В. Андреевой, в сентябре 1923 г. прибыль от рекламы составляла в бюджетах газет: «Экономическая жизнь» – 63 %, «Известия» – 40 %, «Правда» – 31 %, «Рабочая газета» – 16 %, «Беднота» – 4 % [2, с. 148].

Стабилизации рынка рекламы должно было способствовать постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 21 апреля 1924 г., разрешавшее советским, профессиональным, партийным и кооперативным печатным изданиям принимать и печатать платные объявления, не испрашивая на то особого разрешения. В материалах об организации рекламного дела, собранных инспекторами НК РКИ в 1925 г., значилось, что в доходах «Известий» объявления составляли 22,2 %, в «Экономической жизни» 46,8 %, в «Торгово-промышленной газете» – 61,9 % [6. Д. 1124. Л. 30].

Газеты предоставляли возможность быстро и с большим охватом провести рекламную кампанию, поскольку выходили в свет значительными тиражами: «Известия ВЦИК» и «Правда» – по 500 тыс., «Гудок» – 315 тыс., «Рабочая газета» – 310 тыс., а «Крестьянская газета» – 1 млн экз. [6. Д. 79. Л. 27]. Разовый тираж советской прессы в 1925 г. составлял 8 млн экз. По замечанию заведующего отделом газетной рекламы «Двигателя» Б.И. Гальперсона, главное достоинство газетных публикаций состояло в большом размахе, легком и быстром охвате населения, благодаря возможности проникнуть во все «области общественной и личной жизни потребителя, притом в те уголки, где проведение других видов рекламы совершенно невозможно» [6. Д. 692. Л. 28].

По данным обследования 40 московских рекламных контор (в том числе «Промрекламы», «Транспечати», «Мосрекламы», «Двигателя», «Связи»), проведенного в 1925 г. Наркоматом рабоче-крестьянской инспекции, обороты по газетной рекламе составили у них 52,4 %, в то время как по закрытой рекламе – 23 %, открытой –

17 %, постоянной – 3,7 % [6. Д. 1124. Л. 30]. Отчасти столь высокий процент объяснялся включением в объекты исследования таких гигантов, как «Известия» (с оборотом по рекламе около 2 млн р.), «Правда» и «Беднота» (с оборотом около 1 млн р.). Кроме того, в этой статистике учитывались объявления по спросу и найму труда, об утере документов, сведения о торгах, а также обязательные балансы предприятий, публиковавшиеся в «Экономической жизни» и «Торгово-промышленной газете». Заведующий отделом газетной рекламы «Двигателя» Б.И. Гальперсон, с сожалением отмечая «весьма инертное» отношение к сбору объявлений в «Экономическую жизнь», констатировал, что присланные с мест материалы в большинстве случаев представляли собой как раз обязательные балансы. Хотя количество коммерческих объявлений среди собранных агентом за месяц должно было составлять не менее трети, и за них устанавливалось повышенное комиссионное вознаграждение – 15 % (в то время как за балансы от 4 до 7,5 %), все-таки торговых анонсов поступало лишь около 15 % [6. Д. 327. Л. 14, 15]. Региональные агентства предпочитали работать с местной прессой и заниматься «продажей флагов и бюстов».

За июль–ноябрь 1925 г. «Двигатель» заработал на размещении объявлений: в газете «Экономическая жизнь» 184 009 р., в специальных номерах 16 400 р., в иллюстрированном приложении 112 500 руб., в московских газетах 2 744 р., в иногородних газетах 11 443 р.

В то же время доходы его по закрытой рекламе составили: за справочники «Экспорт, импорт и концессии» 93 234 р., «Торговля, промышленность и кооперация» 75 375 р., «Газетный и книжный мир» 20 115 р., за товарно-торговый указатель 1 650 р., за крестьянский календарь 16 550 р. [6. Д. 80. Л. 132].

Недостаточное количество чисто рекламного материала заставляло редакторов формировать специальные полосы или даже страницы, посвященные той или иной отрасли промышленности или экономическому району. Так, в газете «Экономическая жизнь» только в течение трех месяцев 1925 г. вышли: 2, 25 января и 26 февраля – кооперативные номера, 29 января – северо-кавказский номер, 11 февраля – туркестанский, 25 февраля – французский, 31 марта – строительный. В них было собрано объявлений на сумму 26 409 р. 50 к. Однако наладить регулярный (не реже двух раз в три месяца) выпуск специальных полос «Спрос-Предложение» не удалось. По объяснению Б.И. Гальперсона, куда бы ни обращались его агенты, почти везде получали ответ: «С какой стати платить за такого рода объявления, когда "Бюллетень Московской товарной биржи" по информационным данным своего Оперативного отдела печатает их бесплатно почти ежедневно» [6. Д. 327. Л. 13 об.].

Издавались также специальные приложения к газетам, относившиеся к закрытой рекламе. Внеплановая комиссия НК РКИ, занимавшаяся обследованием рекламного дела, назвала их одним из способов выкачивания средств из бюджетов хозорганов. В качестве примера приводилась деятельность агента Эньякова, приглашенного в конце 1925 г. в издательство Центрального управления печати (ЦУПа) для сбора объявлений в приложение к «Торгово-промышленной газете», посвященное Украине и Донбассу. Заручившись удостоверением и рекомендацией главного редактора М.А. Савельева к управляющему трестом «Донуголь» М.Л. Рухимовичу, Эньяков отправился на Украину. Там он получил письмо заместителя председателя ВСНХ УСССР С.Н. Власенко с циркулярным обращением ко всем председателям окружных исполкомов, заведующим отделами местной промышленности, директорам трестов и объединений. В обращении содержалась просьба предоставлять все необходимые Эньякову материалы, справки, фотографии, а равно и обязательную платежную информацию. Добившись созыва специального заседания Президиума ВСНХ УСССР, Эньяков сделал доклад от имени «ЦК печати» и просил принять меры по отношению к тем руководителям, которые отказывались от дачи объявлений. В результате совещание постановило произвести «раскладку» рекламных расходов между трестами. Всего с 14 ноября по 23 декабря 1925 г. Эньяков получил 36 заказов на сумму 114 650 р. Личное вознаграждение агента, по предварительным расчетам, должно было составить 17 358 р. 50 к. [6. Д. 1124. Л. 43].

Особая информационная поддержка обеспечивалась газетами в дни проведения ярмарок. Так, редакция газеты «Экономическая жизнь» и ярмарочный комитет Нижегородской ярмарки 25 июля 1922 г. заключили договор об издании специального бюллетеня. Редакция брала на себя технику дела, печатание, экспедицию, распространение, прием объявлений. Ярмарочный комитет предоставлял помещение, обстановку, канцелярские принадлежности, средства связи, право посещать все учреждения комитета безвозмездно и беспрепятственно и нес половину всех расходов по изданию бюллетеня [6. Д. 77. Л. 9]. Соответствующие материалы размещались и в ежедневной прессе. Н.П. Окунев отметил в дневнике 18/31 июля 1922 г., что в преддверии Нижегородской ярмарки газеты пестрели громаднейшими объявлениями – заманчивыми предложениями продать на ярмарке, «чего только пожелает русская душенька»: «И все как у господ (эксплуататоров) со всеми "нашими удовольствиями", т. е. и с кредитом, и с гарантией, и с доставкой на дом, и с отменной свежестью, либо с поразительной прочностью. Удобства для покупателей сулятся небывалые. Сотни посреднических заведений, при этом цены у всех и на всё "вне конкуренции"»

[10, с. 240]. Пресса оказывала также широкое информационное сопровождение Бакинской, Киевской, Харьковской ярмарок, сельскохозяйственных и кустарно-промышленных выставок.

Местные газеты имели в крупных городах своих агентов. Так, в Москве находились представительства ленинградской «Красной газеты», харьковских «Украинского экономиста» и «Коммуниста», тифлисской «Зари востока» и др., уполномоченные принимать объявления не только в свои издания, но и в любые провинциальные. В результате огромное число посредников непрерывно (и по большей части бесцельно) осаждали конторы ведомств и учреждений. Для предприятий, выславших свою продукцию в провинцию, местная газета могла оказаться гораздо выгоднее центральной многотиражки. По сути, большой тираж указывал лишь, что данное средство массовой информации обслуживает широкую аудиторию читателей, интересующихся всем понемногу, но ничем специально. В таких периодических изданиях уместно рекламировать товары широкого потребления. Советская же реклама 1920-х гг., как правило, продвигала не товар, а фирму. Объявления самых известных из них (Моссельпрома, ГУМа, Резинотреста, Госиздата) нередко попадали на первые страницы газет. Фактически объявления в центральной прессе предназначались в основном оптовикам, в местной – чаще оказывались более приближены к нуждам непосредственного потребителя. Поэтому если хозяйственники и соглашались давать рекламу, то предпочитали столичные газеты.

В провинции же дела обстояли весьма плачевно. Как сетовал современник, «мы питаемся балансами, объявлениями о торгах, о перемене фамилии или ненужными, но обязательно безнадежными: «Губметаллтрест сим доводит до сведения как государственных и кооперативных учреждений, так и частных лиц, что он покупает и продает различные товары, как-то:...» [1, с. 63]. Агентам «Двигателя» за 1923 г. удалось собрать 39 509 строк объявлений в провинциальную прессу, за 1924 г. – 63 093, за три месяца 1925 г. – 25 093 строк. Эта работа не была высокоприбыльной для конторы. Поставленный в необходимость конкурировать с агентами газеты «Известия», а также ЦУПа и «Связи», «Двигатель», имея скидку до 40 %, был вынужден, в свою очередь, уступать клиентуре. До четверти суммы с чистой прибыли уплачивалось в вознаграждение агентам. А с учетом почтовых и иных расходов контора получала очень незначительную выгоду [6. Д. 327. Л. 16].

Что касается художественного оформления газетных объявлений, то, в отличие от плакатной рекламы, здесь не произошло столь радикального разрыва с прошлыми традициями. Как и в довоенные годы, многие считали, что объявления в русских газетах «скучны для глаза». Старая Россия возвращалась на страницы прессы оди-

наковыми шрифтами, неудачными композициями, «декадентскими» орнаментами (типа женских головок). Между тем рекламная графика требовала особенно тщательной проработки. Если уличная реклама могла воздействовать на зрителя броскостью, яркостью цвета, то у газетной возможности были ограничены: белый фон и серая газетная краска. Поэтому форма шрифта, заголовков, композиция полосы – всё должно было способствовать привлечению внимания читателя. Однако надлежащей постановке этого дела мешало отсутствие в рекламных отделах газет работников соответствующей квалификации, а также плохое оборудование большинства типографий и общий низкий уровень полиграфии. В результате наборщикам приходилось учиться на «декадентских образцах и шрифтах славной эпохи «Пробуждения» [1, с. 63]. Причем порой оформление публикаций полностью заимствовалось из довоенной практики. Например, объявления рекламного бюро «Огонек», изображавшие лоцмана у руля и связанного веревкой человека, повторяли стиль старых объявлений Торгового дома Л. и Э. Метцль и К°.

В активно развивавшейся в 1920-е гг. в СССР теории рекламного дела газета сама по себе иногда рассматривалась как реклама. Так, Д.И. Рейтынбарг подчеркивал, что газетная передовица и рекламное объявление представляли собой «внутренне однородный тип деятельности», цель которой – воздействие, направленное на определенный объект – группу или массу людей с целью привить ему «известную систему оценок и отношения к окружающему миру» [11, с. 25]. Тем самым подчеркивалось культурно-воспитательное значение рекламы. Звучали призывы составлять рекламные объявления содержательные, объясняющие потребителям свойства товаров: «Если "Металлотрест" рекламирует свои сверла, косы, топоры, пилы, плуги, он обязан объяснить, в чем именно их достоинство, указать примерно, сколько времени они могут быть в работе и что нужно делать, чтоб они служили как можно дольше. Мало рекламировать электрическую лампочку, нужно в рекламе указать, сколько она горит часов, как нужно с ней обращаться, почему она выгоднее свечей и керосина... У нас нет почти ни одного лекарства, изготовленного фабричным путем для массового распространения, которое было бы снабжено объяснением, из чего оно состоит, против каких болезней употребляется, ни одной рекламы, которая объяснила бы, почему нужно покупать хинин, антипирин и другие не менее полезные для здоровья вещи» [4, с. 64].

Однако жители России чаще всего находили газетам практическое применение: «Или на ней муку сеять хорошо, или корчажки с молоком закрывать, чтоб мышь в молоке не купалась». Искренняя же вера читателей в то, что газета «врать не станет», нередко подрывалась недобросовестными рекламоделами. Так, крестьянин захолустного местечка Землянское, желая приобрести обновки для свадьбы сына, повез семейство в ближайший город, прочитав о ма-

газинах, которые торгуют «без обману и про них в газете объявлено. И одежда у них без сносу и дешево». Однако купленное за 40 р. «пальто с фасоном» разошлось по швам через две недели. Реакция незадачливых покупателей была вполне предсказуемой: «Эти 40 рублей все одно, што лошади под хвост бросили... Во! А ты, говоришь, газета. Где у ней глаза были, когда она печатала, што одежда хороша?..» [14, с. 66].

В этом советская реклама продолжала далеко не лучшие традиции. В частности, редактор «Биржевых ведомостей» И.И. Ясинский именно усталостью от жалоб читателей на мошеннические публикации объяснял свой уход из редакции: «Разные каналы... то предлагали помаду для ращения волос, то граммофоны за три рубля, то журнал с 12 красавицами в натуральную величину» [16, с. 298].

Печатались и не совсем корректные объявления. Так, несколько вызывающе звучала следующая реклама: «Крестьянин, кто тебя оденет?» – «Шелкотрест» [12, с. 68]. А ленинградская «Новая Вечерняя газета» один из октябрьских номеров 1925 г. почти целиком посвятила «Бахусу», назвав его «Веселым» и разместив среди прочих следующий рекламный шедевр: «Пейте разумное, доброе, вечное, памятуя, что каждая ваша добровольная бутылка содействует росту пивной промышленности» [8].

В середине 1920-х гг. предпринимались попытки оценить эффективность рекламы. Выяснилось, что торговые объявления наиболее запоминались учащимися (встречались в 63 % анкет), служащими (55 %), рабочими (54 %). При этом в ответах фигурировал один и тот же перечень из 10-12 фирм (ГУМ, Моссуко, Ларёк и др.). В лидеры вышел Моссельпром, известный во многом благодаря усилиям творческого тандема В. Маяковского и А. Родченко [12, с. 68]. Можно с уверенностью утверждать всё же, что реклама у подавляющего большинства руководителей трестов и предприятий была связана не с точным расчетом, а с риском (авось, выйдет). Никто из них не мог оценить ее коммерческого эффекта. Поэтому нередко реклама воспринималась только как «двигатель... накладных расходов».

В отчетах рекламных контор неоднократно отмечалось, что советские хозяйственники вообще не признавали значения газетной рекламы, в отличие от западноевропейских предпринимателей. Так, в 1925 г. один из крупных английских Торговых домов подписал с газетой «Дэйли экспресс» договор, согласно которому арендовал на целый год всю третью страницу. По окончании сделки руководитель фирмы заявил редактору, что если «дело не может оправдать расходы на объявления, то необходимо сделать объявление о ликвидации этого дела» [7, с. 100].

В советской же экономике с весны 1924 г. ошутимо утверждались плановые начала, усиливались регламентация и контроль за предприятиями со стороны центрального аппарата. В этих условиях

хозяйственники с трудом соглашались на расходы по рекламе. Заведующий московским агентством «Транспечать» Кормер жаловался, что неоднократно пытался установить деловые отношения с валютным управлением Наркомата финансов. Переговоры велись около полугода и завершились к зиме 1925 г. получением заказа на 5 800 р. только потому, что специально уполномоченный сотрудник «Транспечати» ежедневно по несколько часов проводил в валютном управлении [6. Д. 328. Л. 160–160 об.].

По подсчетам А.Ф. Гладуна, в 1923/24 операционном году на рекламу в СССР было затрачено около 40 млн р. [5]. В 1924/25 г. государственные организации израсходовали на эти цели 21 млн р., в том числе Промбанк – 262 395,67 р., Шелкотрест – 45 430,55 р., Металлосиндикат – 40 280,94 р., Резинотрест – 16 775,39 р. [6. Д. 1124. Л. 106].

Для привлечения рекламодателей при сборе объявлений в различные справочники рекламные агенты гарантировали руководителям трестов и предприятий размещение фото любого из них «в самых разнообразных позах»: за письменным столом, за станком или прилавком, среди остальных администраторов или в тесном содружестве с комячкой. Для газетных объявлений 1920-х гг. был характерен другой принцип: крупным шрифтом набиралось наименование треста, фамилии администраторов (от председателя до управляющего делами) с обязательным перечислением их номеров телефонов. По замечаниям современников, последние страницы газет (даже московских и ленинградских) оставляли «впечатление какой-то всеобщей ликвидации. Похоже, что все эти тресты, торги и комбинаты, набранные чудовищными кеглями, продаются за ненадобностью. При ближайшем рассмотрении оказывается, что, к счастью, это не так: продаются не учреждения, а их продукция, о чем скромно и упоминается петитом где-нибудь в конце объявления» [1, с. 62].

Нередко наблюдалось и противоположное явление: рекламодатели стремились в одном объявлении напомнить обо всех видах производимой продукции, предназначенных для совершенно разных потребителей. Так, трест «Химуголь» извещал о выпуске на своих предприятиях бутылок винных, купороса медного и железного, кислоты серной и соляной, нашатыря, соды каустической, чайной и кальцинированной, а также соли столовой славянских заводов, предлагаемых к продаже Симферопольским отделением треста. Ситуация была в целом типична: «Газета выколачивает из треста деньги, трест до поры до времени дает. О дальнейшем, кажется, никто не заботится. Покажите нам провинциальную редакцию, которая интересуется коммерческими последствиями своей рекламной страницы!» [1, с. 62].

Неудивительно, что обилие подобной рекламы и использование «буржуазных по сути» рекламных технологий на фоне борьбы за

режим экономии и снижение цен послужило поводом для проверки в 1925 г. Наркоматом рабоче-крестьянской инспекции СССР состояния рекламного дела. В начале 1926 г. НК РКИ на основании доклада внеплановой инспекции предложил всем хозяйственным организациям учитывать расходы на рекламу и производить их на основании смет и планов. В результате произошло значительное падение рекламного рынка. По данным Комитета по делам печати, доходы от рекламной деятельности в «Известиях ВЦИК», составившие за июль–сентябрь 1925 г. 453 820 р., снизились за соответствующий период 1926 г. до 241 126 р.; в «Правде» – с 157 300 до 50 117 р., в «Рабочей газете» – с 30 211 до 8352 р., в «Экономической жизни» – с 134 449 до 63 965 р., в «Крестьянской газете» – с 76 446 до 13 714 р. Из столичных газет только «Рабочая Москва» и «Вечерняя Москва» сохранили свой рынок объявлений, заработав в совокупности за четвертый квартал 1924/25 г. 125 321 р. и за четвертый квартал 1925/26 г. 121 437 р. [6. Д. 1123. Л. 1 а].

Таким образом, даже в той сфере рекламной деятельности, которая признавалась наиболее рациональной, обороты снизились в среднем более чем на 50 %. Очевидно, что для местных малотиражных газет, имевших меньше объявлений о зрелищах и найме труда, потери оказались еще более значительны. Проблема не разрешилась даже с учетом установления повышенного процентного вознаграждения агентуре (17 % в провинции в сравнении с 12 % в Москве) [6. Д. 1123. Л. 20].

Предполагалось, что дешевые тарифы провинциальных газет дадут им возможность разместить 2–4 раза одно и то же объявление, которое за ту же цену «Известия ВЦИК» напечатают только однажды. Поэтому Комитет по делам печати при Наркомторге намечал дальнейшее снижение тарифов: в «Нашей газете» с 2 до 0,85 р., в «Экономической жизни» – с 1 до 0,30 р., в «Рабочей газете» – с 1,75 до 1,35 р., в «Торгово-промышленной газете» – с 1 до 0,30 р. [6. Д. 1123. Л. 27]. Прежняя стоимость объявлений (2 р.) сохранялась только для «Известий ВЦИК» и «Правды». Не все участники совещания по рекламе, состоявшегося в Комитете 18 января 1926 г., были согласны с такой постановкой вопроса. Некоторые отмечали, что, выбирая между «Известиями» и «Нашей газетой», рекламодатель чаще всего предпочитал первую, а удешевление тарифов, скорее всего, не привлечет новых публикаторов в более мелкие газеты, а лишь будет способствовать еще большему сокращению их доходов от рекламы. Однако соответствующее решение было принято.

В Постановлении коллегии НКРКИ СССР по рекламному делу от 11 марта 1926 г. констатировалось, что его постановка не отражала минимальных требований государственной экономии; деятельность рекламных организаций являлась неудовлетворительной, носила по существу своих операций нездоровый коммерческий характер, протекала без надлежащей организации и плана и принесла

в результате нерациональное расходование значительных средств [6. Д. 1124. Л. 2]. Коллегия указала Госплану, Комитету по делам печати Наркомата торговли и ВСНХ на необходимость в месячный срок разработать форму объединения рекламных организаций. Во исполнение этого решения произошла ликвидация рекламных отделов в ЦУПе, ВСНХ, Наркомате путей сообщения, агентстве «Связь». Государственная контора объявлений «Двигатель» в целях сокращения накладных расходов незадолго до этого была преобразована в отдел объявлений газеты «Экономическая жизнь».

В конце 1920-х гг. в специальной литературе имелись прямые указания на необходимость использовать рекламу для расширения сбыта, оповещения потребителей о достижениях промышленности, условиях приобретения товаров (например, в журналах «Вестник Металлопромышленности», «Металл» за 1927 г. и др.). Выступая на Четвертом Съезде Советов СССР в прениях по докладу о состоянии и перспективах развития промышленности, член Президиума ВСНХ СССР В.И. Межлаук отметил, что отказ хозорганов от рекламы, вызванный извращениями режима экономии, неправилен: недостаточно только производить; нужно умело распределять продукцию. Но разрушение товарного рынка и вызванный им жесточайший кризис снабжения вынудил власти уже с 1928 г. приступить к введению в стране карточной системы. В этих условиях коммерческая реклама становилась нецелесообразной.

Список литературы

1. Ал. С. Графика газетной рекламы // Журналист. – 1926. – № 2.
2. Андреева М.В. Рекламные предприятия периода НЭПа // Журналист. Социальные коммуникации. – 2011. – № 2.
3. Боханов А.Н. Буржуазная пресса России и крупный капитал. Конец XIX в. – 1914 г. – М., 1984.
4. Гаус В. Перспективы рекламы // Журналист. – 1927. – № 5.
5. Гладун А.Ф. Реклама в советском хозяйстве // Экономическая жизнь. – 1925. – 10 июня.
6. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 374. Оп. 12.
7. Наш переводчик рассказывает // Журналист. – 1925. – № 6/7.
8. Новая вечерняя газета. – 1925. – 4 окт.
9. О расценках на рекламу // Изв. – 1918. – 5 апр.
10. Окунев Н.П. Дневник москвича: в 2 т. – М., 1997. – Т. 2: 1920–1924.
11. Рейтынбарг Д.И. Газета, как реклама // Журналист. – 1927. – № 6.
12. Рейтынбарг Д.И. Наша реклама (опыт летучего опроса) // Время. – 1925. – № 11.
13. Срединский С. Газетно-издательское дело. Основные вопросы газетного хозяйства. – М., 1924.
14. Старый Френч. Говорящая черта // Журналист. – 1926. – № 3.
15. Ученова В.В. История отечественной рекламы, 1917 – 1990. – М., 2004.
16. Ясинский И.И. Роман моей жизни. – М.; Л., 1926.

**Украиноязычная пресса и издательское дело
на Северном Кавказе в период осуществления
политики украинизации (1920–30-е гг.)**

В статье представлен материал, посвященный украиноязычной периодике и издательскому делу на Северном Кавказе в 1920–30-е гг. Периодическая печать и литература были национальными только по форме, а не по содержанию. Публикуемые материалы отражали точку зрения правящей коммунистической партии.

The article, devoted to the Ukrainian-language periodicals and publishing in the North Caucasus in the 1920s and 30s. Periodicals and literature were national only in form, not substance. Published materials to reflect the point of view of the ruling Communist party.

Ключевые слова: Северный Кавказ, периодическая печать, газеты, издательство, национальные меньшинства, украинский язык.

Key words: North Caucasus, periodicals, newspaper, publishing house, national minorities, the Ukrainian language.

В ходе общеславянской колонизации Северного Кавказа значительную часть населения составили выходцы из украинских областей Российской империи. В процессе совместного проживания в регионе русских и украинцев их жизнь настолько переплелась, что нередко стиралась грань между указанными народами и их языками. Однако в переломные годы революций и Гражданской войны 1918–1920 гг. различные политические силы пытались приостановить и обратить вспять этнотрансформационный процесс, связанный с переходом населения украинского происхождения в русское этническое сообщество.

Но и партия большевиков, как в годы Гражданской войны, так и после установления советской власти под лозунгом «права наций на самоопределение» позволила многим казакам проявить свою украинскую этничность, считая, что «сословное сознание» казаков представляет для нее большую опасность, чем принадлежность их к украинской национальности.

По своей численности и компактности проживания в ряде регионов Северного Кавказа украинцы заметно выделялись среди других этнических групп. К началу 1920-х гг., по оценкам властей, в регионе проживало около 1 млн украинцев. Однако по Всесоюзной

переписи 1926 г. из всего населения Северо-Кавказского края (образован в 1924 г., ок. 9 млн чел.), 3,1 млн назвали себя украинцами. Таким образом, русское население в 3,8 млн не на много превышало численность украинцев. Только в Кубанском округе украинцами себя назвали 915,4 тыс. чел. (61,5 % от всего населения) [5, с. 62–117]. Для недопущения самой постановки вопроса об изменении границ РСФСР в пользу УССР украинцам был присвоен статус «национального меньшинства» [13. Л. 7].

Проводимая центральными и региональными властями с начала 1920-х гг. политика украинизации на юге России предусматривала: а) создание украинских подразделений при органах власти; б) переход работы общественных и культурных учреждений на украинский язык; г) подготовку кадров, использовавших в работе органов власти родной язык населения; д) организацию печати и издательского дела на украинском языке и др.

Настоящая статья посвящена последнему аспекту политики украинизации, продолжавшейся до 1933 г. Рассматриваемая проблема не стала объектом специального рассмотрения в отечественной исторической литературе. Отдельные ее сюжеты рассматривались в контексте проблемы украинизации [1–4; 8].

Украинской периодике отводилась значительная роль в практическом осуществлении украинизации и в целом в вовлечении населения в социалистическое строительство так, как оно понималось правящей элитой.

В досоветский период за пределами Украины украиноязычная периодика имела короткую по времени историю. Первым украинским периодическим изданием на территории современной России был ежемесячный журнал «Основа», выходивший в 1861–1862 гг. в Санкт-Петербурге. Большая часть художественных произведений, часть публицистических и научных статей издавались на украинском языке. Также в Петербурге выходил украинский альманах «Ласточка». После революционных событий 1905 г. украинские журналы начали появляться в обеих российских столицах¹.

Период революционных потрясений 1917 г. и последовавшей Гражданской войны ознаменовался ростом политической

¹ Так, в 1906 г. в Москве вышло несколько выпусков журналов «Зоря» («Заря») и «Промінь» («Луч»), а в С-Петербурге – газета «Вільна Україна» («Свободная Украина»). Все эти издания были закрыты из-за критики царского правительства. Впоследствии депутаты Госдумы издавали газету «Родное дело» («Рідна справа»), «Українське бджільництво» («Украинское пчеловодство»). См.: Інформаційний простір діаспори у Росії (Українська діаспорна преса Росії) [Эл. ресурс]. – URL: <http://kobza.com.ua/content/view/1088/>. 2005. 15 августа.

активности украинцев юга России. Сформированная в Новороссийске в 1917 г. Украинская черноморская рада начала издавать газету «Чорноморська Рада» («Черноморский Совет»), а в следующем году газету «Нове життя» («Новая жизнь»). Екатеринодарское общество «Утро» («Ранок») с сентября 1917 г. приступило к выпуску первой кубанской украинской газеты «Черноморець» («Черноморец»). В столице Кубани в 1919 г. также издавалась просветительская газета «Кубанська зоря» («Кубанская зоря»), в которой публиковались произведения украинских писателей, поэтов, публицистов. Эти газеты, отражая позицию правительства так называемой Кубанской Народной Республики (1918–1920), популяризировали идею вхождения Кубани в состав Украины. В связи с этим они получали финансовую поддержку от правительства «независимой» Украины.

После установления советской власти все «буржуазные» издания были закрыты. Несколько лет на Северном Кавказе не издавалось ни одной газеты на украинском языке. И только с середины 1920-х гг. начался новый этап в истории украинской периодики. В годы украинизации многочисленные украиноязычные издания выпускались за счет госбюджета, имели значительный тираж, но были национальными преимущественно по форме, а не по содержанию.

В 1924 г. в Краснодаре стала выходить небольшая русскоязычная газета «Советский станичник», являвшаяся приложением к Кубанской окружной газете «Красное знамя». На совещании по казачьему вопросу (1925 г.) было принято решение превратить ее в украинскую газету «Радяньський станичник». Газета очень быстро приобрела известность среди жителей многих округов Северного Кавказа. Особый интерес у читателей вызывала развернувшаяся на страницах «Радяньського станичника» дискуссия по вопросу, будет ли понятным литературный украинский язык для местных украинцев. Разговорный язык кубанцев, донцов, терцев и ставропольцев украинского происхождения был далек от литературного украинского и, условно говоря, находился между ним и русским. Неслучайно, например, на Кубани неоднократно звучали призывы перейти на местный диалект «балачку». Как правило, исходя из политических соображений, одни исследователи-лингвисты называли ее диалектом русского языка с «украинизмами», а другие – украинского языка с «русскими вкраплениями». Включившиеся в эту дискуссию центральные и краевые власти однозначно высказались за использование литературного украинского языка, так как он соответствовал языку украинцев многих регионов Северного Кавказа [16. Л. 15].

Между тем из различных районов и станиц в краевой центр шли пожелания об увеличении тиража, периодичности и «статуса» газеты. Учитывая эти настроения, бюро Северо-Кавказского крайкома на своем заседании 22 июня 1925 г. приняло постановление, в котором признавалась необходимость превратить «Радяньского станичника» в общекраевую газету [13. Л. 7]. 30 июня на заседании бюро крайкома был утвержден состав украинской секции в составе: Ф.О. Чапало (секретарь секции), Е.Ф. Калюрника, Н.А. Кисель, С.П. Бондаренко, Л.К. Монастырского, А.А. Лисогора и Петруненко [14. Л. 3]. В связи с этим украинская газета с названием «Червоный прапор» («Красное знамя») становилась ее официальным органом. В августе 1926 г. главным редактором краевой украинской газеты был назначен Чапало. В сентябре того же года газета из Краснодара была перебазирована в краевой центр – Ростов-на-Дону, где получила название «Червона газета» («Красная газета»), став краевой газетой украинской секции крайкома и Донского окружкома ВКП (б) [15. Л. 2].

«Червона газета» публиковала материалы, рассказывающие о ходе украинизации. Издание смело критиковало тех работников, которые вопреки желанию населения закрывали украинские школы. Этот голос особенно громким стал с конца 1927 г., когда в политике украинизации наступила пауза и ее «стали гнать в шею», как выразился секретарь одной сельской ячейки [9, с. 66].

Несмотря на популярность «Червонной газеты», ее периодичность (один раз в неделю) никак не могла удовлетворять многочисленное украинское население. В начале января 1928 г. украинская секция Донкома ВКП(б) обратилась в крайком с ходатайством о превращении ее в ежедневную газету. Тогда эта задача не была решена. Правда, осенью 1930 г. краевые власти приняли решение выпускать газету не реже, чем через день [19. Л. 223]. В 1930 г. тираж «Червонной газеты» составлял 8 тыс. экз., а в 1931 г. – 40 тыс. экз. [10, 1931. 10 мая].

Знаковым событием в истории украинской печати стало издание на Кубани педагогического журнала «Новым шляхом» («Новым путем»). Инициатива в его создании принадлежала Наркомпросу. В начале 1927 г. наркомат даже выделил с этой целью ссуду. В феврале 1930 г. Северо-Кавказский крайком ВКП(б) принял решение реорганизовать журнал в краевой общественно-политический, педагогический и литературный «для обслуживания украинского советского и культпросветактива, преимущественно украинизированных районов» [7, 1930. № 5. С. 20].

На содержании этого органа крайисполкома не могли не отразиться конфронтационные настроения в обществе, насаждаемые сталинизмом в условиях «великого перелома». В

предложениях крайкома (февраль 1930 г.) журналу предписывалось «давать решительный отпор всем классово-враждебным элементам и их агентуре, пытающимся в своих контрреволюционных интересах использовать политику украинизации в крае» [17. Л. 10]. Такая установка резко контрастировала с содержанием украинской периодики времен нэпа, когда в рамках дозволенного велась дискуссия, например, по проблемам украинского языкознания. При этом идеологическая линия осуществлялась редакцией не столь агрессивно и навязчиво, как это происходило с началом коллективизации.

В «программе» для журнала, полученной редакцией от краевых властей, определялись следующие задачи: мобилизация активности «трудящихся украинских масс края вокруг всех задач и мероприятий партии и советской власти в области социалистического переустройства хозяйства края и культурной революции; систематическое разъяснение вопросов национальной политики партии и украинизации; осуществление настойчивой, непримиримой борьбы с проявлениями великодержавного шовинизма и украинского национализма...» [7, 1930. № 5. С. 20]. Эти предписания адресовались всем украинским изданиям региона, число которых в период сплошной коллективизации многократно возросло. Если до 1931 г. в крае издавалась только «Червона газета» и журнал «Новым шляхом», то уже в 1932 г. каждый из украинизированных районов имел газету полностью или частично на украинском языке.

Планово-директивная система, сформировавшаяся в период первой пятилетки, прямо отразилась как на политике украинизации вообще, так и на состоянии украинской периодики в крае. В административном порядке устанавливались жесткие сроки перехода на украинский язык делопроизводства в органах власти украинизированных районов, школьном образовании, работе культурно-просветительных учреждений и периодической печати. Впрочем, каждый раз взятые новые повышенные обязательства по ускорению украинизации не выполнялись. Так, директива крайкома (от 22 декабря 1928 г.), нашедшая отражение в трехлетнем плане крайисполкома по украинизации, была провалена. В связи с этим секретариат крайкома 22 декабря 1929 г. в своем постановлении «Об украинизации советского аппарата в крае» отмечал: «Окружкомы ВКП(б) (Черноморский, Сальский, Ставропольский, Терский, С.-Донецкий, Кубанский, Донской, Армавирский) недооценили политического значения украинизации и не учли того факта, что перевод всей работы в районах с украинским населением на родной язык (украинский) является могучим средством активизации трудящихся украинских масс края и еще большего вовлечения этих масс в социалистическое строительство

в станице (сплошная коллективизация, кооперирование и т. д.)» [6, 1930. № 1. С. 27].

Важно отметить, что в новых условиях нигде не говорилось об украинизации как политике, удовлетворяющей национальные запросы населения. Эта политика рассматривалась как инструмент властных интересов.

Так или иначе, но в партийных документах начала 1930-х гг. четко оговаривалось, что во всех районах (всего 32), включенных в план «сплошной украинизации», газеты, являвшиеся органами райкомов и райисполкомов, должны были перейти на украинский язык. Причем в августе 1930 г. крайком вынес решение не позднее 1 января 1931 г. полностью украинизировать девять районов (Азовский, Брюховецкий, Ейский, Кашарский, Кущевский, Кореновский, Павловский, Славянский, Невинномысский), а их газеты перевести на украинский язык. Однако к маю 1931 г. полностью украинскими стали только две районные газеты: павловская и кореновская, имевшие одинаковые названия – «Коллективіст» («Коллективист»). Частично украинскими были четыре газеты: славянский «Колгоспный шлях» («Колхозный путь»), брюховецкий «Сполох» («Набат»), ейский «Колгоспный шлях» («Колхозный путь») и кущевский «Колгоспнык» («Колхозник»). Эти «частично» или «наполовину» украинские газеты использовали «ридну мову» лишь в названии издания, газетных заголовках (после которых следовал текст на русском языке), эпиграфах, лозунгах, в небольших заметках и стихах. Зато эти «украинские» газеты изобиловали многочисленными статьями, где подчеркивалась важность украинизации, бичевались враги этой политики, не желавшие переводить газеты на украинский язык. Естественно, эти материалы публиковались на русском языке.

Краевое руководство резко критиковало как районные власти, так и национальных работников, которые «недооценивали значение украинизации вообще и украинизации печати в первую очередь». Отвечая на эту критику, редактор «Червоной газеты» Ф.О. Чапало деликатно замечал, что «быстрота украинизации газет в значительной мере еще зависит от наличия кадров и технических условий». В то же время партийный функционер предусмотрительно пообещал, что «общими усилиями партийных организаций и органов советской власти нам, несомненно, удастся осуществить поставленные партией задачи в отношении развития украинской прессы края в этом году [1931], т. е. одновременно с завершением построения фундамента социалистической экономики в Советском Союзе» [11, с. 29]. Чапало не знал, что через два года в фундаменте социалистической экономики будет похоронена и политика

украинизации, и украиноязычная пресса, и редактируемое им издание.

В отличие от районной прессы краевая периодика выходила относительно стабильно. В 1931 г. в Ростове-на-Дону начали издаваться такие краевые издания, как литературно-художественный журнал «Ленинский шлях» («Ленинский путь»), литературный альманах «Поступ» («Прогресс»), журнал для школ малограмотных «Шляхом Ильича» («Путем Ильича»). В кубанской столице украинская секция Краснодарского отделения Ассоциации пролетарских писателей начала издавать литературный альманах «Наступ» («Наступление»).

Между тем в предпоследний год политики украинизации количество украинских районных газет удвоилось. В своей массе это были двуязычные или русскоязычные газеты с украинской страницей.

Несомненно, что массовая украинизация прессы носила искусственный характер. Основные причины, препятствовавшие переходу газет на украинский язык, коренились в самой политике украинизации, ее формах и методах. Она осуществлялась без учета запросов самого населения, не учитывала особенности его «смешанного» языка. Даже из прагматических соображений многие люди делали выбор в пользу государственного языка РСФСР, являвшегося к тому же «языком межнационального общения» во всем Союзе.

Конечно, большинство редакционных коллективов не могли издавать украинские газеты из-за того, что слабо владели литературным украинским языком. Они посещали занятия на многочисленных курсах, как правило, краткосрочных, которые не давали и не могли дать ощутимый эффект.

Следует отметить, что в отношении украинизации происходил скрытый саботаж со стороны региональной бюрократии. Она своим «пятым чувством» осознавала временный, компанейский характер этой политики и опасалась возможных негативных последствий как раз за ее осуществление.

Безусловно, отрицательно сказывалось и состояние издательской базы. В постановлении президиума Национального совета крайисполкома «О практическом проведении украинизации в крае» от 19 июля 1931 г. Комитет по делам печати Севкавказполиграфобъединение обязывался снабдить районные типографии украинскими шрифтами [10, 1931. 12 авг.].

Одновременно с украиноязычной периодикой в крае осуществлялось издание общественно-политической, художественной и учебной литературы. На начальном этапе основная нагрузка в выпуске литературы на украинском языке приходилась на

краснодарское отделение Госиздательства Украины. После начала украинизации распространением украинской литературы занимался Кубанский филиал Укркнигоцентра, созданный в середине 1920-х гг.

На рубеже 1920–30-х гг. были предприняты меры по объединению всей издательской деятельности в крае. В предложениях Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) «О плане книгоиздательства на языках нацменьшинств края на 1930 г.» предлагалось при Крайнациздате образовать специальный сектор нацменьшинств. Этот сектор был призван заниматься всеми вопросами издания и распространения литературы национальных меньшинств, а также координировать деятельность отдельных национальных издательств [18. Л. 29].

В декабре 1930 г. бюро крайкома, рассмотрев вопрос «О реорганизации Крайнациздата», высказался за необходимость реорганизовать Крайнациздат в Сев.-Кав. краевое отделение Центроиздата, сосредоточив в нем издательское дело национальных меньшинств. Тогда же было принято постановление крайкома ВКП(б) «Об издании литературы для нацменьшинств в крае», которое окончательно решило вопрос объединения всего издательского дела. Для обеспечения издательской работы при Крайнациздате предлагалось создать интернациональную типографию, в которую переходила материальная база украинской, греческой и двух армянских типографий в Ростове-на-Дону и в Краснодаре. Кроме того, в постановлении признавалась необходимость организовать при Крайнациздате отдел распространения [20. Л. 310].

На 1931 г. Крайнациздат запланировал выпуск 125 названий книг на украинском языке. Этот план был перевыполнен. Только на Кубани вышло 149 наименований украинских книг тиражом около 1 млн экз. В 1932 г. планировалось издать 600 наименований тиражом 4,8 млн экз. Неизвестно, был ли выполнен этот план, но на 1933 г. планировалось издать еще 400 наименований. Их общий тираж достиг нескольких сот тысяч экземпляров [11, с. 29].

Таким образом, украиноязычную литературу выпускали кубанский филиал Госиздательства Украины, издательство «Северный Кавказ», Центриздат и даже районные типографии, где пресса выходила на украинском языке. Эти издательства успели издать на украинском языке около 800 наименований книг, брошюр, школьных учебников. Большинство из этой литературы суждено было пополнить полки книжных магазинов и библиотек, покрыться толстым слоем пыли и храниться там до тех пор, пока их не отправили в печь или на свалку.

В соответствии с постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 14 декабря 1932 г. «О хлебозаготовках на Украине, Северном Кавказе и в Западной области» украинизация на Северном Кавказе

объявлялась как противоречащая «культурным интересам населения». В связи с этим давалось указание: «Немедленно перевести на Северном Кавказе делопроизводство советских и кооперативных органов "украинизированных" районов, а также все издающиеся газеты и журналы с украинского языка на русский язык», как более понятный для населения имевшего украинские корни [12. Л. 42].

Свертывание украинизации, в частности прекращение выпуска украинской периодики и закрытие издательств, стало предтечей общего изменения отношения к проблеме национальных меньшинств. Компартия, провозгласившая курс на строительство коммунизма в предельно короткие сроки, стремилась «стереть все различия», включая национальные. В этих условиях, по мнению властей, национальная периодика затормозила бы достижение этой судьбоносной цели. Вот почему к концу 1930-х гг. периодическая печать дисперсных этносов (за редким исключением) была свернута в административном порядке.

Список литературы

1. Акоюн В.З. Развитие государственности и культуры национальных меньшинств Северного Кавказа. 1920–1927: дис. ... канд. ист. наук. – Ростов н/Д., 1991.
2. Бершадская О.В. Осуществление политики украинизации на Кубани в период 1925–1932 гг. // Вторые кубанские литературно-исторические чтения. – Краснодар, 2000.
3. Борисёнок Е. Феномен советской украинизации. 1920–1930-е годы. – М.: Ин-т славяноведения РАН, 2006.
4. Васильев И.Ю. Украинское национальное движение и украинизация на Кубани в 1917–1932 гг. – Краснодар, 2010.
5. Всесоюзная перепись населения 17 дек. 1926 г. – М., 1928. Т. 5.
6. Изв. Сев.-Кав. крайкома ВКП(б). – 1930. – № 1.
7. Изв. Сев.-Кав. крайкома ВКП(б). – 1930. – № 5.
8. Кубань-Украина: вопросы историко-культурного взаимодействия. – Вып. 4 / сост. А.М. Авраменко. – Краснодар; Киев, 2010.
9. Ленинский путь. – 1929. – № 1. – С. 66.
10. Молот. – 1931.
11. Парработник Северного Кавказа. – 1931. – № 13–14. – С. 29.
12. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 3. Д. 2025.
13. Центр документации новейшей истории Ростовской области (далее – ЦДНИРО). Ф.Р. – 7. Оп. 1. Д. 127.
14. ЦДНИРО. Ф.Р. – 7. Оп. 1. Д. 177.
15. ЦДНИРО. Ф.Р. – 7. Оп. 1. Д. 180.
16. ЦДНИРО. Ф.Р. – 7. Оп. 1. Д. 264.
17. ЦДНИРО. Ф.Р. – 7. Оп. 1. Д. 658.
18. ЦДНИРО. Ф.Р. – 7. Оп. 1. Д. 1037.
19. ЦДНИРО. Ф.Р. – 7. Оп. 1. Д. 1038.
20. ЦДНИРО. Ф.Р. – 7. Оп. 1. Д. 1053.
21. ЦДНИРО. Ф.Р. – 7. Оп. 1. Д. 1063.

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

УДК 94(47+57)«1905/1917»

А. Б. Николаев

В поисках А.Ф. Керенского

В статье рецензируется монография известного российского историка С.В. Тютюкина «Александр Керенский. Страницы политической биографии (1905–1917)». Особое внимание уделяется анализу введения, в котором, по мнению А.Б. Николаева, содержится «ключ» к пониманию авторских подходов при показе личности А.Ф. Керенского. Изучая основное содержание книги, рецензент дополняет характеристику Керенского собственными суждениями. Рецензент приходит к выводу, что С.В. Тютюкину удалось найти того Керенского, который оказался «ближе к человеческому и политическому оригиналу».

In this article the monograph of «Alexander Kerensky. Pages of Political Biography (1905–1917)» by a famous Russian historian S.V. Tyutyukin is reviewed. The particular attention in the review is given to the analysis of the Introduction, which, according to A.B. Nikolaev, contains the «key» to understanding the author's approaches when showing the personality of A.F. Kerensky. Learning the basic content of the book, the reviewer adds his own judgments to the characteristic of Kerensky. The reviewer concludes that S.V. Tyutyukin found that Kerensky, who was «closer to the original human and politician».

Ключевые слова: С.В. Тютюкин, А.Ф. Керенский, Февральская революция, революционное насилие, временный суд, государственное совещание, корниловский мятеж.

Key words: S.V. Tyutyukin, A.F. Kerensky, the February revolution, revolutionary violence, Temporary Court, State Conference, Kornilov's revolt.

В 2012 г. в издательстве РОССПЭН вышла монография известного российского историка С.В. Тютюкина, посвященная А.Ф. Керенскому [19]. К сожалению, мне удалось достать эту книгу только в 2013 г. Любопытно, что купил я ее в день рождения А.Ф. Керенского и в этом увидел знак, приглашающий меня не только изучить труд Тютюкина, что я раньше или позже все равно сделал бы, но и отрецензировать его.

Автор монографии профессионально проанализировал во введении имеющиеся труды по теме своего исследования, отметив их сильные и слабые стороны. Характеризуя советскую историографию, С.В. Тютюкин совершенно справедливо указал присущий ей стереотип образа Керенского: «в личностном плане – это интеллектуальная посредственность, неврастеник, карьерист, демагог, позер

и обманщик; как политик – явный "легковес", авантюрист, типичный мелкий буржуа, декларирующий "единение" всех классов российского общества, включая буржуазию, а на деле оказывающийся объективно прислужником последней» [19, с. 6]. Можно утверждать, что именно в этих словах и кроется ключ к книге С.В. Тютюкина, построенной на отрицании данного образа, скорее карикатурного [19, с. 7], чем реального. Эта схема стала основой и для оценки достижений постсоветской историографии в изучении личности Керенского, его жизни и деятельности. С ее помощью автор отделяет от научных трудов те работы, в которых идеологическая направленность – коммунистическая или антикоммунистическая – мешает объективному изучению биографии А.Ф. Керенского. Интересно, что труды советских историков, несмотря на то, что они создавались в условиях известных ограничений, получили более высокую оценку (В.И. Старцев) [19, с. 9–10], чем работы современных исследователей, содержащие «весьма критические, но уже антикоммунистические по своей направленности характеристики Керенского» (А.Б. Зубов) [19, с. 18].

И здесь же обратим внимание на то, что при анализе работ предшественников Тютюкин как бы объясняет то, почему тот или иной сюжет в его собственной монографии не будет подробно изучен. Так, раскрывая вклад Б.И. Колоницкого в анализ деятельности Керенского в 1917 г., он пишет: «Правда, вряд ли можно согласиться с ним в том, что Керенский был центральной фигурой Февральской революции (такой фигуры, на мой взгляд, вообще не было)» [19, с. 16]. И, следуя этому подходу, Тютюкин посвятил участию Керенского в Февральской революции всего 22 страницы (Гл. 4. Прорыв во власть) [19, с. 107–129]. Столь незначительное по объему (самая маленькая глава в книге!) изложение важнейшего периода из политической биографии Керенского вызывает огорчение.

Не могу согласиться с тем, что Керенский не был центральной фигурой Февраля 1917 г., а также с тем, что «такой фигуры вообще не было». Думается, что нежелание/отказ рассматривать Керенского и других деятелей как вождя (ей) революции связан с подходом рассматривать Февральскую революцию как результат полного банкротства царизма [19, с. 110, 124], которое (полное банкротство) и снимает вопрос о вождях революции. Конечно, Керенский не был единственной центральной фигурой Февральской революции. Несомненно, что в ее решающие дни важнейшую роль играл председатель IV Государственной думы М.В. Родзянко, от личной позиции которого зависел не только исход Февральской революции, но и основные черты политического строя новой России, пусть и только на переходный период – вплоть до созыва Учредительного собрания.

Предваряя историографический обзор и в ходе его, автор пишет о мифах и легендах, которые имеют непосредственное отношение к его герою. Так, он сообщает о пристрастии Керенского к «наркотикам и чуть ли не о психическом расстройстве» [19, с. 6]. Посмотрим, как автор работает с этим «мифом» в основном тексте книги. Он приводит свидетельство «аристократического недоброжелателя Керенского» В.Д. Набокова, относящееся к марту 1917 г., который «краешком глаза заметил тогда там, в Таврическом, как сопровождающий повсюду нового министра депутат-прогрессист Думы и масон граф А.А. Орлов-Давыдов давал Керенскому то ли что-то нюхать, то ли поил его чем-то» [19, с. 118]. Характеризуя заключительную речь А.Ф. Керенского 15 августа 1917 г. на Государственном совещании в Москве, он пишет: «Но ничего нового премьер не сказал и даже производил на некоторых слушателей впечатление человека, находящегося под влиянием наркотиков, действие которых закончилось еще до конца его речи» [19, с. 222]. Описывая события 20-х чисел сентября 1917 г., Тютюкин замечает: «Шли слухи о наркозависимости премьера» [19, с. 271]. И, наконец, от слухов и предположений автор совершает шаг к разрешению этой проблемы относительно конца октября того же года: «Керенский был полностью деморализован, практически бездействовал и держался на одних транквилизаторах» [19, с. 280]. Какие лекарственные средства использовал Керенский в качестве транквилизаторов, Тютюкин не указывает. Здесь же замечу, что вряд ли уместно употреблять понятие «транквилизаторы» относительно 1917 г. Скорее всего, речь все-таки идет о наркотиках, которые в 1917 г. особо не выделялись из числа сильнодействующих и ядовитых веществ. Думается, что Керенский был эфироманом. Во всяком случае, на это намекали современники [20, с. 230].

Во введении Тютюкин также пишет, что в советское время была широко распространена легенда «о трусливом бегстве Керенского из Петрограда в октябре 1917 г. в женском платье» [19, с. 6]. И вновь он возвращается к этому сюжету в 9-й главе «Политическая агония»: «Запущенная позже большевиками в средствах массовой информации для дискредитации бывшего премьера версия, согласно которой он якобы бежал из столицы в женском платье, не имела под собой никакой почвы» [19, с. 278]. Справедливости ради, необходимо указать, что эта версия в прессе была запущена не большевиками, а черносотенной газетой «Гроза», в которой 5 ноября 1917 г. сообщалось следующее: «Керенский, в посрамление России объявивший себя верховным главнокомандующим и министром-председателем, ускользнул от расправы солдат из Петрограда, переодевшись сестрой милосердия» [8]. Первым обратил внимание на эту заметку Д.И. Стогов [17, с. 86].

Источниковая база исследования достаточно широка. С.В. Тютюкин пишет, что он использовал «многие новейшие документальные и мемуарные публикации» [19, с. 20]. Жаль, что автор не привлек архивные материалы, не ввел в научный оборот новые исторические источники.

Нет возможности анализировать всю монографию, остановлюсь только на отдельных сюжетах большинства ее глав. На мой взгляд, особую ценность представляют 2-я и 3-я главы, в которых содержатся интересные сведения и ценные выводы относительно деятельности А.Ф. Керенского в качестве депутата IV Государственной думы. Так, автор выделяет два этапа в думской работе А.Ф. Керенского: осень 1912 – весна 1914 и лето 1914 – начало 1917. Говоря о первом этапе, Тютюкин подчеркивает: «Став депутатом, Керенский превратился в настоящего профессионального политика леворадикального направления, в полной мере использовавшего свою депутатскую неприкосновенность для смелой и последовательной критики царского правительства по всем основным направлениям его внутривластного курса» [19, с. 59]. Характеризуя второй период думской деятельности Керенского, Тютюкин разделяет его на два этапа: 1914 и 1915–1917 гг., каждому из которых присущи своеобразные черты: «И если в начале Керенский выступал в Думе как убежденный русский социал-патриот, то в 1915–1917 гг. он проявил уже и черты революционера-интернационалиста в духе решений международной социалистической конференции в Циммервальде и пришел к критике империализма и империалистической политики всех воюющих государств». Для второго этапа также характерно то, что, как пишет автор рецензируемой монографии, Керенский «стремился сочетать работу в Государственной думе с укреплением своих связей с революционным подпольем и особенно с партией эсеров» [19, с. 99]. Тютюкин доказывает, что думская деятельность подготовила Керенского к активному участию в революционных событиях 1917 г. – «без Керенского-депутата не было бы в 1917 г. и Керенского-министра и главы Временного правительства» [19, с. 99]. Иначе говоря, автор подводит читателя к той мысли, что Керенский был неслучайной фигурой в российской политической элите образца 1917 г.

Пожалуй, впервые в отечественной историографии столь глубоко и подробно проанализированы речи А.Ф. Керенского с трибуны Государственной думы, показано его участие в думских инцидентах и скандалах. Весьма ценным, на мой взгляд, является вывод Тютюкина о том, что 18 мая 1913 г. «с думской трибуны впервые прозвучала будущая генеральная идея Керенского, которая стала стержнем его политической стратегии в 1917 г., – идея общенацио-

нальной революции, объединяющей три главные социальные силы России – пролетариат, крестьянство и буржуазию» [19, с. 49].

В четвертой главе – «Прорыв во власть» – автор рассказывает о деятельности Керенского в дни Февральской революции, о вступлении его в должность министра юстиции Временного правительства и первых его мероприятиях на этом посту, а также и об участии Керенского в последнем акте революции – отказе вел. кн. Михаила Александровича от восприятия верховной власти. Подкупает точность авторских оценок и характеристик, которыми сопровождается изложение фактического материала. Нельзя не согласиться и с заключительной из них: «В дни Февральской революции Керенский превратился в сжатую до предела пружину, проявив незаурядную силу воли, решительность, смелость, умение правильно оценить обстановку и быстро принять единственно верное в тот момент решение» [19, с. 123].

Жаль, что автор отказался дать полномасштабную картину участия Керенского в событиях Февраля 1917 г. – некоторые сюжеты прописаны пунктиром, а другие вообще обойдены молчанием. Так, говоря о роли Керенского в организации перехода воинских частей на сторону революции днем-вечером 27 февраля, он ограничился следующим замечанием: «Когда после полудня 27 февраля к Таврическому дворцу стали подходить перешедшие на сторону революции войска, именно Керенский одним из первых приветствовал их от имени Думы, ввел внутрь дворца, приказал встать в караул и охранять здание от возможного нападения сторонников старого режима» [19, с. 112]. Но известно, что Керенский утром-днем 27 февраля предпринял ряд шагов для организации движения восставших полков к Государственной думе. Совершенно обойден молчанием переход на сторону революции 1-го пехотного запасного полка вечером 27 февраля 1917 г. Это была первая воинская часть, которая явилась в Государственную думу под командой полковника К.Ф. Лучивки-Неслуховского в полном составе – свыше 200 офицеров и 12 тысяч солдат. Принял полк в Таврическом дворце А.Ф. Керенский, а присутствовал при этом П.Н. Милюков [13].

Выяснить все обстоятельства, способствовавшие тому, что Лучивка-Неслуховский первым привел и подчинил Военной комиссии Временного комитета Государственной думы 1-й пехотный запасной полк, пока не удалось. Можно лишь предположить, что Керенский или кто-то из его окружения («штаб Керенского») сумел установить связь с Лучивкой-Неслуховским и предложил ему привести полк в Думу. Хотя Неслуховский писал в своей автобиографии лишь о том, что решение 27 февраля он принял самостоятельно, «внимательно следя за развертывающимися событиями» [5]. Конечно, нельзя ожидать правдивого изложения событий с указанием связей с

А.Ф. Керенским или его «штабом» в автобиографии, написанной в 1934 г. с целью оформления персональной пенсии. Установлено, что и после Февральской революции Керенский не забыл заслуги этой воинской части и полковника Лучивки-Неслуховского. Так, 8 мая 1917 г. военный и морской министр А.Ф. Керенский при посещении полка вспомнил, как «27 февраля, когда еще только началось восстание в войсках, и когда еще нельзя было ручаться за победу революции, 1-ый зап[асной] полк явился в Гос[ударственную] Думу в полном порядке со своим командиром и офицерами во главе» [9]. В этот же день Константин Францевич был произведен в генерал-майоры [14].

Правда, Тютюкин уделяет внимание другой «важной составной» части деятельности Керенского «с первых же дней революции», а именно «добровольно взятая им 27 февраля обязанность наблюдения за арестами и содержанием под стражей бывших министров и других влиятельных сановников Российской империи» [19, с. 114]. При этом автор выступает сторонником версии, согласно которой аресты проводились с целью спасения представителей царского режима от народной расправы, а сам Керенский рисуется идеологом бескровной революции. В связи с этим С.В. Тютюкин приводит его слова: «Знайте, что Государственная дума не проливает крови» [19, с. 114]. Обращу внимание на то, что аресты сопровождались издевательствами, избиениями, ранениями и даже убийствами не только на улицах Петрограда и домашних квартирах жертв, но и в цитадели революции – Таврическом дворце, а точнее – в Министерском павильоне, который Керенский захватил в свое распоряжение явочным порядком. Условия содержания, установленные Керенским для узников Министерского павильона, включали запрет разговаривать друг с другом и вставать с мест без разрешения. Лица, оказавшиеся под арестом в Министерском павильоне, не были гарантированы от дальнейших покушений на их жизнь и здоровье. Вечером 27 февраля 1917 г. восставшие, выполняя приказ Керенского, заняли Петроградское губернское жандармское управление. Во время этой операции были нанесены телесные повреждения его начальнику генерал-лейтенанту И.Д. Волкову, которого затем восставшие доставили в Таврический дворец. Здесь он был арестован по приказу А.Ф. Керенского и стал вторым узником Министерского павильона. Дальнейшую судьбу жандармского генерала установила С.В. Ремнева, которая пишет, что он был 28 февраля заколот солдатом. Труп И.Д. Волкова в этот же день был доставлен в Мариинскую больницу [15, с. 261]. В ночь на 4 марта вице-адмирал В.А. Карцев, доведенный до отчаяния условиями содержания в Ми-

нистерском павильоне, набросился на караульного и был им ранен сначала штыком, а затем и выстрелом из винтовки [18]. Иначе говоря, к характеристике, которую дает С.В. Тютюкин, необходимо добавить, что А.Ф. Керенский стал одним из организаторов революционного насилия и несет вместе с другими вождями Февраля 1917 г. ответственность за те убийства, ранения, избиения и аресты, которыми сопровождалась революция. Хотя, во введении, анализируя широко известную в научных кругах монографию В.П. Булдакова, С.В. Тютюкин замечает, что А.Ф. Керенский «явился одним из творцов "красной смуты"» [19, с. 17].

В пятой главе – «Заложник демократии» – рассказывается о деятельности Керенского на посту министра юстиции и содержится анализ его мероприятий, направленных на создание первого коалиционного Временного правительства. Давая характеристику А.Ф. Керенского, С.В. Тютюкин совершенно справедливо указывает, что Керенский «откровенно манкировал своими советскими обязанностями», оставаясь зампредом Петросовета, «зато, добровольно играя роль несуществующего вице-преьера кабинета, считающего, что как единственный представитель демократии в правительстве он имеет полное право вмешиваться во все обсуждаемые дела». Нельзя не согласиться с утверждением автора о том, что «позиция Керенского в правительстве была по-своему уникальной и считалась важнее, чем какой-либо другой пост во Временном правительстве» [19, с. 154].

К сожалению, С.В. Тютюкин не показывает в своей работе отношение А.Ф. Керенского к Государственной думе. Вместе с тем Керенский, представляясь 4 марта в Министерстве юстиции, заявил: «– Господа, я принял от исполнительного комитета Гос[ударственной] Думы пост министра юстиции – пост блюстителя права и законности в стране» [3]. В первой декаде марта в официальных документах в большинстве случаев он указывал свою думскую принадлежность. А.Ф. Керенский 6 и 28 марта 1917 г. посетил Государственную думу, где встречался с М.В. Родзянко и другими депутатами. Во время первого посещения обсуждался вопрос о возобновлении законодательной деятельности Государственной думы [6], а в ходе второго – Керенский отвечал на различные вопросы думцев [2].

Сообщая в этой главе о первых мероприятиях Керенского на посту министра юстиции, Тютюкин пишет о приказе от 3 марта 1917 г., которым были созданы «временные революционные суды-тройки» по уголовным делам в составе судьи, солдата и рабочего с равными правами». По словам автора, «эти суды должны были раз-

бирать конфликты между солдатами, населением и рабочими, которые возникали в результате пьяных драк, в ходе торговли солдатами награбленными в дни революции вещами и т. д.» [19, с. 131]. Уточню, что в состав временного суда входил мировой судья, а судьи от рабочих и армии были выборными. Новым было то, что воинские чины за преступления и проступки, совершенные вне службы, судились временными судами. Причем речь шла не только о солдатах, но и об офицерах. На скамье подсудимых в камерах временного суда могли оказаться представители любой группы населения. Подчеркну, что через временные суды проходили и лица за оскорбление А.Ф. Керенского. Поэтому материалы временных судов представляют дополнительный интерес для характеристики отношения столичной «улицы» к герою рецензируемой книги.

В последних трех главах показана деятельность А.Ф. Керенского на посту главы Временного правительства. Центральное место в главе 7-й – «Во главе государства» – занимает Государственное совещание, проходившее в Москве 12–15 августа 1917 г. [19, с. 216–223]. В частности, С.В. Тютюкин пишет, что на нем «не было только откровенных монархистов и почти загнанных в подполье большевиков» [19, с. 216]. Но дело обстояло несколько иначе. Так, в начале августа 1917 г. устроители Государственного совещания указывали, что в нем «примут участие члены Гос[ударственной] думы независимо от их политических воззрений» [10]. То есть они были готовы к тому, что среди его участников могут оказаться и правые депутаты! И действительно, среди членов Государственного совещания были правые думцы. Например, в его работе принял участие правый депутат III–IV Государственной думы Н.А. Белогуров [16]. Присутствовали на Государственном совещании и большевики, которые прошли на него в составе различных групп – профсоюзной, рабочих кооперативов, комитетов общественных организаций, союза городских служащих, городских самоуправлений, местных советов, армейских и флотских комитетов. Всего же немногим более 60 чел. Большевики сорганизовались во фракцию, которая выработала декларацию, переданную в президиум Государственного совещания 14 августа. А на вечернем заседании 15 августа выступил представитель ВЦСПС большевик Д.Б. Рязанов, который предложил мелкобуржуазной демократии разорвать коалицию с буржуазией [7, с. 279].

С.В. Тютюкин пишет, что «за спиной премьера на протяжении всего Государственного совещания стояли два офицера-адыютанта – один в военной сухопутной, другой – в военно-морской форме». С какой целью приведен этот факт? Автор отвечает на этот вопрос в

следующем предложении: «Все было парадно, торжественно<...>» [19, с. 216]. Однако современники отнеслись к этому иначе: «Всеобщее удивление вызвал тот факт, что за спиной А.Ф. Керенского в течение всего заседания стояли на вытяжку два офицера». Причем среди журналистов говорили, что «ни при каком старом режиме никто никогда не позволял себе прибегать к подобной охране» [11]. И в этих словах читается даже не удивление, а негодование, обращенное на Керенского за столь бесчеловечное обращение со своими адъютантами. Необходимо также уточнить и то, что в последующие дни работы Совещания адъютанты на вытяжку не стояли. По сообщению «Вечернего времени», «кто-то догадался поставить им кресло» [4]. Кстати, адъютанты тоже представляют интерес для исследователей политической биографии А.Ф. Керенского, но интерес пока безответный. Хотя некоторые сведения о них встречаются в воспоминаниях современников событий [1].

Рассуждая о главном итоге Государственного совещания, С.В. Тютюкин пишет, что оно «не оправдало возлагавшихся на него правительством и его главой надежд» [19, с. 223]. В действительности Временное правительство сумело заполучить на Государственном совещании поддержку большинства, однако характер ее говорил о шатком положении коалиции. Можно утверждать, что Совещание, сохранив коалицию, не укрепило ее.

Восьмая глава посвящена событиям, которые в советской историографии получили название «корниловский мятеж». Автор подчеркивает, что в постсоветский период было реанимировано, высказанное еще современниками мнение, «согласно которому генерала Корнилова нельзя считать ярким контрреволюционером и что никакого "мятежа" фактически не было» [19, с. 234]. С.В. Тютюкин присоединяется к этому взгляду. Он справедливо утверждает, что «победили в этих событиях демократические силы, а не Керенский, и это предрешило его падение в октябре 1917 г. [19, с. 251].

В последней главе – «Политическая агония» – кратко описывается последний период премьерства Керенского. Как указывает С.В. Тютюкин, «этот термин принадлежит Милюкову и был применен им в «Истории Второй русской революции» к сентябрьско-октябрьскому “послекорниловскому” и самому неудачному периоду в жизни и государственной деятельности Керенского в 1917 г.» [19, с. 265]. Соглашаясь с такой характеристикой этого периода, Тютюкин обращает внимание на основные его события, говорящие именно об «агонии власти». В частности, он пишет о том, что Керенский настоял 1 сентября «на официальном объявлении России демократической республикой, тем самым «нарушив, наконец, свято испо-

ведовавшийся принцип "непредрешенства" будущих постановлений Учредительного собрания» [19, с. 265]. Замечу, что, нарушая этот основополагающий принцип механизма Временной власти, Керенский, вместе с тем, не хотел немедленно решать вопрос о мире и о земле. Можно утверждать, что, разрушая принцип «непредрешения», он лишь приблизил падение собственной власти. Неудачной была для Керенского и попытка решить вопрос о правительственной власти, опираясь на Демократическое совещание [19, с. 270]; отказал в поддержке Временного правительства Предпарламент, требовавший «от Керенского немедленно объявить о начале мирных переговоров, передаче всей помещичьей земли в ведение земельных комитетов и о создании, наряду с Временным правительством, Комитета общественного спасения» [19, с. 278].

Определенный интерес представляет заключительная часть монографии – «Еще раз о феномене Керенского». Именно в ней Тютюкин дает список политических просчетов Керенского, совершенных им в 1917 г. Правда, желательно было бы здесь не публиковать запись 1961 г. из блокнота Керенского, где он перечисляет шесть своих главных ошибок, совершенных в 1917 г. [18, с. 298]. Этот документ [12, с. 212] лучше было бы охарактеризовать во введении, где содержится обзор источников, или в основной части исследования.

Подводя итог, можно утверждать, что С.В. Тютюкину удалось найти того Керенского, который в его книге оказался «ближе к человеческому и политическому оригиналу». Значение рецензируемой книги этим не ограничивается – она, несомненно, поможет и другим исследователям в поисках своего Керенского.

Список литературы

1. А–нь. Страничка из дневника // Последние известия. – 1922. – 26 янв. (Ревель).
2. А.Ф. Керенский в Г[осударственной] Думе // Биржевые ведомости. – 1917. – 29 марта (веч. вып.).
3. В министерстве юстиции // Биржевые ведомости. – 1917. – 5 марта (утр. вып.).
4. Впечатления // Вечернее время. – 1917. – 17 авг.
5. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. А-539. Оп. 4. Д. 2472. Л. 11.
6. Гессен А. Гос[ударственная] Дума существует // Биржевые ведомости. – 1917. – 7 марта (веч. вып.).
7. Государственное совещание. Стенографический отчет. – М., 1930. – С. 279.
8. За день // Гроза. – 1917. – 5 нояб.
9. Керенский в среде товарищей в 1-м запасном полку // Голос солдата. – 1917. – 9 мая.

10. Московское совещание // Вечернее время. – 1917. – 3 авг.
11. Московское совещание // Новое время. – 1917. – 13 авг.
12. Новиков Г.Н. Об архиве А.Ф. Керенского в Техасе // Новая и новейшая история. – 1993. – № 1.
13. 1-й запасный полк // Биржевые ведомости. – 1917. – 27 марта (веч. вып.).
14. Послужной список помощ[ника] начальника 19-й пехотной запасной бригады полковника Лучивка-Неслуховского // Семейный архив Неслуховских.
15. Ремнева С.В. Гибель жандармского генерала // Следствие продолжается... – СПб., 2012. – Кн. 5.
16. Решение членов Г[осударственной] думы // Биржевые ведомости. – 1917. – 13 авг. (утр. вып.).
17. Стогов Д.И. Газета «Гроза» – идеологический рупор крайне правых // Герценовские чт. 2006. Актуальные проблемы социальных наук. – СПб., 2006.
18. Сумасшествие адмирала Карцева // Петроградский листок. – 1917. – 9 марта.
19. Тютюкин С.В. Александр Керенский. Страницы политической биографии (1905–1917). – М.: РОССПЭН, 2012. – 309 с. (Люди России).
20. Шульгин В.В. Дни. 1920: Записки. – М., 1989.

**Рецензия на книгу И.Э. Левита «Бессарабский вопрос
в контексте международных отношений (1919–1920 гг.)».
Тирасполь, Литера, 2012. 240 с.**

В конце 2012 г. увидела свет рецензируемая книга самого солидного (из ныне здравствующих) молдавского историка, специалиста в области истории Молдавии и международных отношений в эпоху мировых войн, доктора исторических наук, профессора Изяслава Эликовича Левита. Она является продолжением и логическим завершением его двух предыдущих солиднейших монографий: «Движение за автономию Бессарабии в 1917». Кишинев, 1997 и «Молдавская республика (ноябрь 1917 – ноябрь 1918)». Кишинев, 2000 и достойно противостоит тенденции «исторического ревизионизма» в румынистской историографии так называемого бессарабского вопроса на его начальном этапе.

At the end of 2012 a book written by the most respectable Moldovan historian was published, a specialist in history of Moldova and international relations in the period of world wars, doctor in history, Professor Izyaslav Elikovich Levit. This book represents a sequel and a logical conclusion of his two previous monographs "The movement for autonomy of Bessarabia in 1917, Chisinau, 1997" and "Moldovan Republic (November 1917 – November 1918). Chisinau, 2000". He opposes with dignity the tendency of "historical revisionism" in the so-called Romanist historiography of the Bessarabian issue at its initial stage.

Рецензируемая работа состоит из трех частей, написана хорошим литературным языком, читается легко и с большим интересом. Она охватывает период от последнего этапа Первой мировой войны, когда 7 мая 1918 г. в г. Бухаресте между центральными державами и Румынией был заключен сепаратный мирный договор, и до 28 октября 1920 г., когда Англия, Франция, Италия, Япония и Румыния подписали в Париже «Протокол послов», означавший «частичное международное признание» аннексии Бессарабии Румынией, но так и не вступивший в силу. Однако, как показывает автор, не только Советское правительство, но и США никогда не признавали законность аннексии Бессарабии Румынией.

Тематика монографии определяет и степень ее актуальности, которая сегодня очень велика. Несмотря на то, что события и процессы, о которых идет речь, отдалены от нас девятью десятилетиями, они находятся и ныне в центре внимания научной (и не только научной) общественности Молдовы, Румынии, России, Украины и ряда других стран. В Молдавии, легитимность самого существования которой ставится под сомнение значительной частью нацио-

нальной политической и интеллектуальной элиты (сторонниками объединения с Румынией, так называемыми унионистами) [1–3; 10; 17; 18], эта работа имеет не только научное, но и прикладное значение и всем своим содержанием способствует развенчанию мифа «Бессарабия – румынская земля!».

Книга довольно оригинальна, являясь одновременно серьезным научным исследованием, выполненным на обширной документальной и историографической основе, а также пособием для студентов (историков, политологов, международных) и для преподавателей истории. Автор использовал почти всю отечественную и зарубежную (переведенную на русский или румынский языки) литературу по данной теме, широкий круг опубликованных документов, работы и мемуары политических и военных деятелей, дипломатов и других участников описываемых событий, материалы молдавских и российских архивов, а также большое количество научной литературы на румынском языке, недоступной массовому российскому читателю.

Особый интерес представляет информация, введенная им в научный оборот на основе изучения прессы того времени: французской, румынской (как правительственной, так и оппозиционной), молдавской, советской, русской белогвардейской и эмигрантской, английской. Его выводы солидно аргументированы и подтверждаются рядом трудов других исследователей: молдавских [7; 8, с. 181–219; 9; 16, р. 162–207; 20, р. 28–40], российских [6, с. 20–99], западных [12, р. 163; 14, р. 34, 36, 37–38; 15, р. 84, 87, 89, 94; 19, р. 33, 44, 45, 48, 49, 169, 193] и даже некоторых румынских [11, р. 311; 13, р. 174, 228].

Структурно книга состоит из трех частей. В первой части автор раскрывает положение вокруг бессарабского вопроса с момента его возникновения как международного и до начала работ Парижской мирной конференции. На многих страницах автор доказывает, что одним из мотивов, толкнувших румынскую олигархию на захват Бессарабии, и тот факт, что она получила в этом поддержку как Антанты, так и Германии, был страх мировой капиталистической элиты перед большевистской революцией и стремление ее подавить.

На с. 12 автор отмечает: «Уговаривать румынское правительство и короля [в необходимости антисоветской интервенции и захвата отпавших от соседей "румынских земель" – С. Н.] не пришлось. Они сами пребывали в постоянном страхе от мысли, что волны большевизма могут смести монархию, а заодно и существующий в Румынии строй. 21 октября [1918 г. – С. Н.] А. Маргиломан записал в дневнике: "Король особенно боится большевизма"».

«Относительно советско-румынского Соглашения 5–9 марта 1918 г., – отмечает И.Э. Левит, – под которым стоит подпись генерала А. Авереску, предшественника А. Маргиломана на посту главы

правительства, обязывающего Румынию в двухмесячный срок вывести войска из Бессарабии, дебаты в румынском парламенте не велись, само Соглашение держалось в большом секрете».

«В Румынии, – отмечает автор, – прекрасно знали об антирумынских настроениях среди населения Бессарабии». «А. Маргиломан, – приводит он слова бывшего румынского премьера, – узнав о том, как было проведено голосование 27 ноября (10 декабря) 1918 г., с явным разочарованием отметил в своем дневнике: "Трио Инкулец-Халиппа-Чугуряну были инициаторами отказа от (условий сохранения «автономии» Бессарабии в составе Румынии – С. Н.) мартовского акта 1918 г. Несмотря на все истраченные деньги, не набралось и 30 депутатов, чтобы за это проголосовать"».

«Таким образом, – считает автор, – еще до открытия Парижской конференции правители Румынии поставили ее участников перед совершившимся фактом: они включили в состав страны не только предусмотренные секретным договором 4 (17) августа 1916 г. с Антантой территории, входившие до войны в состав Австро-Венгрии, но и не предусмотренную этим договором Бессарабию». Однако на первом этапе после аннексии края и позиция великих западных держав далеко не благоприятствовала данному акту, и этому моменту И. Левит уделяет немалое внимание [4, с. 47–49, 51, 55 и др.]. Но постепенно позиция Запада, и в первую очередь Франции, в силу необходимости сколотить антисоветский блок и стремления установить французское господство в Восточной Европе видоизменилась, в контексте чего Изяслав Эликович приводит аргумент генерала А. Бертелло, адресованный Ж. Клемансо: «Если мы удовлетворим требования румын.., то будем иметь в лице Румынии французскую колонию.., где будем находиться как у себя дома» [4, с. 53]. Он убедительно доказывает, что и позиция Великобритании стала меняться в пользу признания «прав Румынии на Бессарабию» из боязни, что при ином сценарии Бухарест может оказаться в сфере исключительного французского контроля [4, с. 54–55].

Немало внимания на страницах рецензируемого издания уделено и румыно-советским отношениям, а также позиции украинских националистов в данном вопросе. Подробно рассматривая историю оккупации области, автор подчеркивает, что румынская правящая верхушка не только допустила прямую интервенцию против своего бывшего союзника (события происходили еще до подписания Брестского мира), но и нарушила свои предыдущие обязательства перед Россией, закрепленные двухсторонним договором 1916 г.

Акт захвата Бессарабии квалифицируется как аннексия, не получившая признания со стороны советских властей и негативно воспринятая подавляющим большинством местного населения. Сделав вывод о несоответствии международному праву акта о «воссоеди-

нении» Бессарабии с «матерью-Родиной», Левит подробно рассматривает историю вопроса в контексте советско-румынских отношений 1918–1920 гг. Последовательно разбирая концепции своих предшественников, историк с документами в руках доказывает ложность «аргументов» сторонников румынизма.

Автор не просто убедительно раскрыл международный фон вокруг исследуемого вопроса, но и показал противоречия внутри румынской элиты в конце войны, накануне открытия мирной конференции и в ходе ее работы [4, с. 17, 44–46, 51, 68, 142]. На реальной фактологической основе в работе раскрыта и обстановка беспредельного террора внутри оккупированной румынами Бессарабии, что также, по мнению И. Левита, составляло препятствие для румынских властей в процессе «узаконивания» на международной арене аннексии Бессарабии [4, с. 18–24, 31–43 и др.].

Вторая, и основная, часть монографии посвящена основательному анализу бессарабского вопроса на Парижской мирной конференции. Начинается она с раскрытия деятельности антибольшевистских российских кругов в Париже по бессарабскому вопросу в конце 1918 – начале 1919 г. [4, с. 59–67, 107–108, 110, 115]. В ней представлены попытки официального Бухареста убедить лидеров Антанты признать «присоединение» Бессарабии к Румынии [4, с. 67–72] и шаг за шагом раскрывается эволюция позиции великих держав-победительниц [4, с. 74, 78–81, 86, 102, 106–107, 112, 118–121, 126, 143–144, 152–153, 170–171, 176–178, 180–181, 184, 188–191].

В третьей, заключительной, части книги рассматривается так называемое «международное признание» «присоединения» Бессарабии к Румынии посредством подписания уже указанного выше «Протокола послов». В качестве аргумента о незаконности аннексии края исследователь приводит и мнение самого известного румынского дипломата Н. Титулеску: «Самоопределение, откровенно говоря – это плебисцит. Для того чтобы приобрести силу международного права, любой плебисцит должен проводиться в условиях свободы. Поэтому там, где к нему часто прибегали.., там именно международные, а не военные силы той или иной заинтересованной стороны обеспечивали порядок».

На страницах своей книги автор убедительно доказывает, что возникновение в международных отношениях бессарабского вопроса не было простым результатом советско-румынского территориального спора из-за аннексии королевской Румынией Пруто-Днестровского междуречья. Он не являлся также лишь следствием стремления румынской олигархии к созданию так называемой «Великой Румынии». Без поддержки западных держав, в первую очередь стремившихся после окончания Первой мировой войны

«подавить мировой коммунизм» и его главный бастион, Советскую Россию, Румыния никогда бы не посмела даже думать перейти от мечты об «объединении всех румынских земель» к ее практической реализации. Именно стремление Запада подавить Советскую власть в России, а также заодно и его расчеты ослабить Россию геополитически, сколотив против нее широкую коалицию, в том числе все так называемые «лимитрофные страны», включая Румынию, и породили бессарабский вопрос. Идея, которая проводится автором через всю работу: Румынии позволили владеть Бессарабией в качестве платы за «борьбу с большевизмом».

По мнению И.Э. Левита, бессарабский вопрос отражал столкновение интересов различных международных акторов. В нем проступили разные векторы развития тогдашних международных отношений: и борьба с «мировой коммунистической революцией», создание «санитарного кордона» против проникновения большевизма на Запад, и геополитические устремления ведущих западных держав получить удобный плацдарм для оттеснения России на восток плюс контроль над устьем Дуная, и планы Бухареста по образованию «Великой Румынии», а также неизбежное подчинение увеличившегося румынского государства интересам Парижа и Лондона. Все эти сюжеты блестяще проанализированы автором.

Оценки И. Левита хорошо аргументированы и опираются на широкий круг надежно установленных фактов. Как отмечалось выше, его выводы строятся на основе анализа широкого круга источников. Прежде всего речь идет о неопубликованных документах из собраний Национального архива Республики Молдова и архива внешней политики Российской Федерации. Далее следуют сборники опубликованных документов на русском и румынском языках. При этом для российских коллег И. Левита наиболее интересны данные, почерпнутые из публикаций румынских материалов, малодоступных большинству российских специалистов по причинам лингвистического характера.

Однако, на наш взгляд, как и любой солидный научный труд, исследование И.Э. Левита не лишено отдельных недостатков. Во-первых, было бы неверно утверждать, что перечень источников является исчерпывающим: вне поля зрения автора остается значительный массив документов, опубликованных на русском, румынском, английском, французском и немецком языках; при желании можно указать и на лакуны в разработке архивного материала (в основном это касается отсутствия таковых из румынских архивов).

Как уже отмечалось, в работе использован обширный массив специальной исторической литературы, однако некоторые, на наш

взгляд, важные исследования остались вне поля зрения автора. В основном, это относится к большинству работ вышедших за последние полтора десятилетия в Республике Молдова, Румынии, России и на Западе (некоторые из них представлены в списке литературы).

Данные недостатки, стали возможны в силу того, что уже много лет Изяслав Эликович проживает в США, и у него просто физически не было возможности изучить вышеуказанные материалы. Допущена авторам и неточность при переводе фамилии румынского дипломата Чотори (в книге: Чиоторь – с. 147, 149).

Тем не менее не вызывает сомнения тот факт, что И.Э. Левит высокопрофессионально разбирается в ключевых вопросах внешней политики великих держав и Румынии в изучаемый период и в первую очередь в рамках проблематики, связанной с взаимоотношениями Бухареста с западными державами и советско-румынскими отношениями.

Поздравляем автора с добротной выполненной монографией и желаем ему долгих лет, здоровья и дальнейших творческих успехов.

Список литературы

1. Гуцу А. «На заработки в РФ едут молдаване без образования и достоинства». – URL: <http://enews.md/news/view/34560/>.
2. Ерну В. Объединение Бессарабии и Румынии откладывается. Евровысочки и объединение. – URL: <http://enews.md/articles/view/4078/>.
3. Ерну В. «Это грязная ставка и грязная игра румынского государства...». – URL: <http://ava.md/analytics-commentary/022878-vasile-ernu-eto-gryaznaya-stavka-i-gryaznaya-igra-ruminskogo-gosudarstva-u-kotorogo-talant-stavit-na-mertvuq-loshad.html>.
4. Левит И.Э. «Бессарабский вопрос в контексте международных отношений (1919–1920 гг.). – Тирасполь, 2012.
5. Левит И.Э. Молдавская республика (ноябрь 1917 – ноябрь 1918). – Кишинев, 2000.
6. Мельтюхов М.И. Бессарабский вопрос между мировыми войнами. 1917–1940. – М., 2010.
7. Назария С.М. Июньские 1940 г. события в Бессарабии и их трактовка в современной историографии // Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А.С. Пушкина. – 2013. – № 3. – Т. 4. История. – С. 92–101.
8. Назария С.М. Международные отношения в эпоху мировых войн: Факты и мифология. – Кишинев, 2012.
9. Назария С.М. Орган молдавских националистов Сфатул Цэрий (1917 г.) и его оценки в современной румынистской историографии // Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А.С. Пушкина. – 2013. – № 4. – Т. 4. История. – С. 17–26.
10. Anatol Țăranu despre demersul președintelui Timofti. – URL: <http://www.europalibera.org/content/article/25191260.html>.
11. Constantiniu Fl. O istorie sinceră a poporului român. – București, 1997.
12. Fisher L. Russia's Road from Peace to War. 1917–1941. – N.Y., 1969.
13. Iorga N. Memorii. V. 1. – București, 1939.

14. King Ch. Moldovenii, România, Rusia și politica culturală. – Chișinău, 2002.
15. Meurs W.P. von. Chestiunea Basarabiei în istoriografia comunistă. – Chișinău, 1996.
16. Nazaria S., Stepaniuc V. Problema Basarabeană și interpretările ei în istoriografie: de la apariție la Tratatul de la Paris (1917–1947). – Chișinău, 2010.
17. Programul Partidului Liberal din Moldova. – URL: <http://www.pl.md/pageview.php?idc=13>.
18. Programul Partidului National Liberal din Moldova. – URL: <http://www.e-democracy.md/files/parties/pnl-program-2011-ro.pdf>.
19. Spector Sh. D. România la Conferința de pace de la Paris. Diplomația lui I.C. Brătianu. Iași, 1995.
20. Șornikov P. Moldova în anii celui de-Al doilea război mondial. – Chișinău, 2013.

Сведения об авторах

Акопян Виктор Завенович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории государства и права России и зарубежных стран, Пятигорский государственный лингвистический университет; e-mail: zaven2005@yandex.ru

Амелин Веналий Владимирович – доктор исторических наук, профессор, директор НИИ истории и этнографии Южного Урала, Оренбургский государственный университет; e-mail: avenali@mail.ru

Волков Вячеслав Викторович – кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Военный учебно-научный центр Военно-морского флота «Военно-морская академия им. Адмирала флота Советского Союза Н.Г. Кузнецова»; e-mail: agnee@yandex.ru

Голий Роман Валентинович – выпускник аспирантуры, кафедра археологии, древней и новой истории Украины, Восточноевропейский национальный университет им. Леси Украинки (г. Луцк, Украина); e-mail: krepkyj@ukr.net

Горелова Ирина Анатольевна – соискатель кафедры философии, Курский государственный медицинский университет; e-mail: itropov@ya.ru

Гусев Александр Викторович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры техносферной безопасности, Костромской государственной технологической университет; e-mail: igor@r46.ru

Карпова Вероника Викторовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина; e-mail: nika7676@mail.ru

Козлов Николай Дмитриевич – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина; e-mail: koznik49@yandex.ru

Коротков Сергей Николаевич – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры всемирной истории, Университет Информационных технологий, механики и оптики (Университет ИТМО); e-mail: korotkovsn@yandex.ru

Лисицына Ольга Игоревна – магистр истории, аспирант сектора этногендерных исследований, Институт этнологии и антропологии РАН; e-mail: olglisicyana@yandex.ru

Любичанковский Сергей Валентинович – доктор исторических наук, профессор, Оренбургский государственный педагогический университет, председатель Оренбургского регионального отделения РОИА; e-mail: svlubich@yandex.ru

Магомедов Рамазан Раджабович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры всеобщей истории и методики преподавания истории и обществознания, Оренбургский государственный педагогический университет, e-mail: magomedov@yandex.ru

Морозова Людмила Евгеньевна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт российской истории РАН (Москва); e-mail: morozova_lud@mail.ru

Назария Сергей Михайлович – кандидат исторических, доктор политических наук, доцент, Государственный институт международных отношений Молдовы; e-mail: sergnazar@mail.ru

Николаев Андрей Борисович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой русской истории, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена; e-mail: abn_mbox@mail.ru

Николаева Олеся Юрьевна – аспирант кафедры истории России, Оренбургский государственный педагогический университет; e-mail: itropov@ya.ru

Портнягин Дмитрий Игоревич – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры европейских исследований; Санкт-Петербургский государственный университет; e-mail: nap.spb@mail.ru

Портнягина Наталья Александровна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории для преподавания на естественных и гуманитарных факультетах исторического факультета, докторант исторического факультета, Санкт-Петербургский государственный университет; e-mail: nap.spb@mail.ru

Рахимов Рамиль Насибуллович – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник, Российский институт стратегических исследований (РИСИ); e-mail: rakhimovrn@mail.ru

Сафонов Дмитрий Анатольевич – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России, Оренбургский государственный педагогический университет, e-mail: d_safonov@mail.ru

Судариков Андрей Михайлович – доктор исторических наук, заведующий кафедрой философии и социально-гуманитарных наук, Государственная полярная академия; e-mail: a.m.sудариков@gmail.com

Твердюкова Елена Дмитриевна – доктор исторических наук, доцент кафедры новейшей истории России, Санкт-Петербургский государственный университет; e-mail: tvelena@bk.ru

Тихонов Дмитрий Николаевич – аспирант, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина; e-mail: dmitrii.tihonov1982@mail.ru

Тропов Игорь Анатольевич – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина; e-mail: itropov@yandex.ru

Тряхов Илья Сергеевич – аспирант кафедры истории России, Педагогический институт ФГБОУ ВПО «Владимирский государственный университет им. Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»; e-mail: ilja.tryahoff@yandex.ru

Файзуллина Ольга Олеговна – аспирант кафедры истории России, Оренбургский государственный педагогический университет; e-mail: goldsoul1@yandex.ru

Шешукова Галина Викторовна – доктор политических наук, профессор, профессор кафедры общегуманитарных, социально-экономических, математических и естественно-научных дисциплин, Оренбургский институт Московского государственного юридического университета; e-mail: ligaoren@rambler.ru

Требования к научным статьям

К публикации в Вестнике Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина принимаются статьи, отражающие широкий спектр актуальных вопросов исторических наук.

Обязательным условием публикации результатов научных работ для кандидатских исследований является наличие отзыва научного руководителя, несущего ответственность за качество представленного научного материала и достоверность результатов исследования. Публикации результатов докторских исследований принимаются без рецензий.

Рецензирование всех присланных материалов осуществляется в установленном редакцией порядке. Редакция журнала оставляет за собой право отбора статей для публикации.

Требования к оформлению материалов

Материал должен быть представлен тремя файлами:

1. Статья

Объем статьи не менее 18 и не более 26 тыс. знаков с пробелами. Поля по 2,0 см; красная строка – 1,0 см. Шрифт Times New Roman Cyr, для основного текста размер шрифта – 14 кегль, межстрочный интервал – 1,5 пт.; для литературы и примечаний – 12 кегль, межстрочный интервал – 1,0 пт.

Примечания оформляются в виде постраничных сносок в автоматическом режиме Word.

Ссылки на литературу оформляются в тексте в квадратных скобках. Например: [5, с. 56–57]. Список литературы (по алфавиту) помещается после текста статьи.

Фамилия автора печатается в правом верхнем углу страницы над названием статьи.

В левом верхнем углу страницы над названием статьи печатается присвоенный статье УДК.

2. Автореферат

Автореферат содержит:

- название статьи и ФИО автора – на русском и английском языках.
- аннотацию статьи на русском и английском языках объемом 300–350 знаков с пробелами.
- ключевые слова и словосочетания (7–10 слов) на русском и английском языках.

3. Сведения об авторе

Содержат сведения об авторе: фамилия, имя, отчество полностью, место работы и занимаемая должность, ученая степень, звание, почтовый адрес, электронный адрес, контактный телефон.

В случае несоблюдения настоящих требований, редакционная коллегия вправе не рассматривать рукопись.

Статью, оформленную в соответствии с прилагаемыми требованиями, можно:

- выслать по почте в виде распечатанного текста с обязательным приложением электронного варианта по адресу: 196605 Санкт-Петербург, Петербургское шоссе, 10. Кафедра истории, каб. 207^а;
- отправить по электронной почте: E-mail: itropov@ya.ru

Статьи принимаются в течение года.

Редакция оставляет за собой право вносить редакционные (не меняющие смысла) изменения в авторский оригинал.

При передаче в журнал рукописи статьи для опубликования презюмируется передача автором права на размещение текста статьи на сайте журнала в системе Интернет.

Плата за опубликование рукописей аспирантов не взимается.

Гонорар за публикации не выплачивается.

Редакционная коллегия:

196605, Санкт-Петербург, г. Пушкин,

Петербургское шоссе, 10

тел. (812) 476-90-36

Научный журнал

**Вестник
Ленинградского государственного университета
имени А. С. Пушкина**

**№ 2
Том 4. История**

Редактор *В. Л. Фурштатова*
Технический редактор *Н. П. Никитина*
Оригинал-макет *Н. П. Никитиной*

Подписано в печать 20.06.2014. Формат 60x84 1/16.
Бумага офсетная. Гарнитура Arial. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 16. Тираж 500 экз. Заказ № 1005

Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина
196605, Санкт-Петербург, г. Пушкин, Петербургское шоссе, 10

РТП ЛГУ 197136, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 25а